

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звезгинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Ратиц*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталь, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

И.О. Шевченко, доктор социологических наук, профессор, РГГУ

Е.А. Колосова, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая социология

- Анна В. Кученкова*
«Типологическая» проблематика в наследии Г. Зиммеля 12
- Анна Л. Гусейнова*
Социология досуга: теоретические подходы, исторический контекст
и перспективы исследования 22

Политическая социология

- Ирина В. Воробьева*
«Общественный договор» между властью и обществом
в оценках преподавателей высшей школы 32
- Виталий В. Кулиш*
Социологическая классификация исторической памяти:
вариант решения методологической проблемы 44
- Максим С. Козырев*
Российская цивилизационная идентичность в современном
политическом нарративе: социальной-философский анализ 55
- Демьян А. Цапко*
Социально-политические позиции художественной
интеллигенции как проявление ее социального потенциала 68
- Анна А. Голосеева, Андрей А. Хохлов*
Социальная мобилизация: вызов или ресурс
социально-политических изменений 81
- Елена А. Ирбетская*
Представления московского студенчества
о будущем России как основание участия
в различных формах гражданской активности 94
- Анастасия А. Зайцева*
Репрезентация феномена специальной военной операции
в средствах массовой информации 105

Социальные общности и социальные группы

<i>Татьяна В. Белецкая</i> Воображая горожан: к проблеме формирования образа местного жителя	119
<i>Анастасия К. Разина</i> Социальный потенциал интеллигенции как субъекта благотворительной деятельности	132
<i>Ольга В. Китайцева, Мария А. Кокоулина</i> Ценности и установки современных российских студентов в сфере труда	140
<i>Роман К. Дианов</i> Карьера молодежи в условиях нестабильности института труда: теоретико-методологический анализ	152
<i>Кристина В. Молодец</i> Социальные аспекты латентных социальных процессов в рамках исследования скрытого социального сиротства: на примере Приднестровья	162

CONTENTS

Theoretical Sociology

- Anna V. Kuchenkova*
“Typological” problematics in the heritage of G. Simmel 12
- Anna L. Guseynova*
Sociology of leisure. Theoretical approaches, historical context
and research perspectives 22

Political Sociology

- Irina V. Vorobyova*
The “social contract” between the authority and society
in the assessments of higher school teachers 32
- Vitaly V. Kulish*
Sociological classification of historical memory.
A solution to a methodological issue 44
- Maxim S. Kozyrev*
Russian civilizational identity in the modern political narrative.
Socio-philosophical analysis 55
- Demyan A. Tsapko*
Socio-political Positions of the Artistic Intelligentsia as an Expression
of Its Social Potential 68
- Anna A. Goloseyeva, Andrey A. Khokhlov*
Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change 81
- Elena A. Irsetskaya*
Moscow students’ ideas about the future of Russia,
as the basis for participation in various forms of civic activity 94
- Anastasiya A. Zaytseva*
Representation of the phenomenon of a special military operation
in the mass media 105

Social communities and social groups

- Tatiana V. Beletskaya*
Picturing the urban residents. On the issue of forming
the local dweller’s image 119

<i>Anastasiia K. Razina</i>	
The social potential of intelligent community as a subject for philanthropic activity	132
<i>Olga V. Kitaitseva, Mariya A. Kokoulina</i>	
Values and attitudes of modern Russian students in the field of work	140
<i>Roman K. Dianov</i>	
Theoretical and methodological analysis of youth career development in the context of labor market instability	152
<i>Kristina V. Molodec</i>	
Social aspects of latent social processes in the framework of the study of hidden social orphanhood. By the example of Pridnestrovie	162

Теоретическая социология

УДК 316

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-12-21

«Типологическая» проблематика в наследии Г. Зиммеля

Анна В. Кученкова

*Федеральный национальный исследовательский
социологический центр РАН, Москва, Россия,
a.v.kuchenkova@gmail.com*

Аннотация. В статье выделены три направления исследований в научном наследии Г. Зиммеля, связанных с «типологической» проблематикой: социальные типы как социальный феномен и предмет исследования, повседневные типизации как основа межличностных взаимодействий, конструирование типов как процесс теоретической концептуализации изучаемых явлений.

В рамках первого направления Г. Зиммель не предлагал ни дефиниций «социальных типов», ни методологии их выявления и изучения. Несмотря на это, его описания различных примеров социальных типов послужили основой для развития исследований данного феномена.

Второе направление «типологической» проблематики в трудах Г. Зиммеля связано с рассмотрением типизаций, осуществляемых индивидами в повседневной жизни путем мысленного дополнения образа Другого на основе фрагментарно уловленных и воспринятых его характеристик. Именно этот процесс является основой понимания и межличностного взаимодействия.

Третье направление посвящено типам в роли аналитических инструментов, моделей, конструируемых исследователем в процессе познания (абстрагированных от содержания отдельных объектов). Причём именно конструируемых, а не выводимых посредством индуктивных обобщений на основе серии эмпирических наблюдений, хотя и опирающихся на таковые.

Ключевые слова: тип, социальный тип, повседневные типизации, конструирование типов, Г. Зиммель

Для цитирования: Кученкова А.В. «Типологическая» проблематика в наследии Г. Зиммеля // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-12-21

© Кученкова А.В., 2025

“Typological” problematics in the heritage of G. Simmel

Anna V. Kuchenkova

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia,
a.v.kuchenkova@gmail.com*

Abstract. The article identifies three research areas related to the “typological” issues in the scientific heritage of G. Simmel: social types as a social phenomenon and the subject of research, everyday typification as the basis for interpersonal interactions, type construction as a process of theoretical conceptualization of the studied phenomena.

Within the framework of the first direction, G. Simmel did not propose any definitions of the concept of “social types”, nor a methodology for their identification and study. Nevertheless, his descriptions of various examples of social types served as a starting point for the development of research on such a phenomenon.

The second direction of the “typological” problematics in G. Simmel’s works is related to the consideration of typifications carried out by individuals in everyday life by mentally complementing the image of Another based on fragmentary captured and perceived characteristics. It is exactly such a process that is the primary reason for understanding and interpersonal interaction.

The third area deals with types in the role of analytical tools: constructed by the researcher models (abstracted from the content of individual objects). Moreover, they are constructed, and not deduced through inductive generalizations based on a series of empirical observations, although relying on such observations.

Keywords: type, social type, everyday typifications, type construction, G. Simmel

For citation: Kuchenkova, A.V. (2025), “ ‘Typological’ problematics in the heritage of G. Simmel”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-12-21

Введение

В научном наследии Г. Зиммеля широко известны и особняком стоят его разработки по изучению социальных типов. Хотя он не давал дефиниций данному понятию, не формулировал соответствующей концепции, его рассуждения об аристократе, бедняке и др. послужили примерами описания социальных типов, заложив

основу для изучения данного феномена. Особое значение имело эссе Г. Зиммеля «О чужаке» (1908), придавшее мощный импульс для развития исследований социального типа «чужак», который осмыслялся в контексте процессов маргинализации, стигматизации, социального исключения [Баньковская 2002; Луков 2008]¹.

Вместе с тем в трудах Г. Зиммеля можно выделить, как минимум, три контекста употребления понятия «тип» и соответственно три направления исследований «типологической» проблематики: не только социальные типы как предмет исследования и один из видов социальных форм; но и типы как категории повседневного взаимодействия, способы восприятия Другого; а также тип как инструмент в контексте методологии познания. И если при обращении к наследию Г. Зиммеля первый аспект достаточно широко освещается в научной литературе, то последние два практически не затрагиваются. Охарактеризуем каждый из них подробнее.

Социальные типы как предмет исследования

Как известно, Г. Зиммель считал, что предметом социологии являются социальные формы, порождающиеся взаимодействиями индивидов, формы «обобществления» или социации. Он не классифицировал социальные формы, но последователями и интерпретаторами его наследия предпринимались попытки их систематизировать. Например, Т. Абель выделял семь видов социальных форм, один из которых – социальные типы (подробнее см. [Abel 1929, p. 26]).

Получило распространение деление социальных форм на три большие группы/рубрики: социальные процессы; социальные типы и модели развития [Левин 1994, с. 92; Ионин 1981, с. 37]. Это разделение достаточно условно, поскольку для описания одних и тех же форм социального взаимодействия могут быть использованы различные ракурсы:

¹Классическими в этой области стали труды Р. Парка «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928), А. Шюца «Чужак: социально-психологический очерк» (1944), размышления о чужаках Э. Баумана в его книге «Мыслить социологически» (1996) и др. Дискуссии о чужаке как определённом социальном типе, характеризующимся своей противопоставленностью группе, исходно «внешним» положением по отношению к ней, наличием иного «бэкграунда», привели к рассуждениям о феномене нетипичности (напр.: Э. Гоффман «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» (1963), Е.Р. Ярская-Смирнова «Социокультурный анализ нетипичности» (1997) и др.).

...помимо обсуждения *конкуренции* [процесса. – прим. авт.], например, можно говорить о *конкуренте* [социальный типе – прим. авт.], можно обсуждать *кокетку* [социальный тип. – прим. авт.], равно как и *кокетство* [процесс. – прим. авт.]. [Одна] перспектива раскрывает инвариантные структуры социального опыта; [другая] – многообразие форм, воспринимаемых человеческой природой в качестве социальных [Левин 1994, с. 94].

Структуры социального опыта и повседневного взаимодействия людей порождают многообразие социальных типов – устойчивых сочетаний характеристик личности, проявляющихся в следовании определенной модели поведения, усваивании определенного набора установок. Обращение к социальным типам является одним из продуктивных способов описания социальных форм.

Д. Левин насчитывает более 30 основных социальных типов, описанных Г. Зиммелем в его работах «Философия денег» (1900), «Социология» (1908) и «Философия культуры» (1911) [Левин 1994]. К основным он относит следующие: «скупой», «скряга», «мот», «бедняк», «циник», «скептик»; «посредник», «арбитр», «начальник», «подчиненный», «священник», «купец», «бедняк», «буржуа», «чужой», «аристократ»; «авантюрист», «модный герой», «гений», «кокетка» и др. Каждый из них, как правило, характеризуется Г. Зиммелем через обозначение дуалистических отношений / состояний / контрастов, через выявление характерного противоречия.

На основе описаний упомянутых типов выделяют / реконструируют как минимум два варианта их понимания Г. Зиммелем [Silver 2007; le Grand 2019]. Во-первых, социальный тип как позиция индивида в формах взаимодействия с другими (в этом случае положение внутри различных социальных форм придают, формируют, предопределяют свойства индивида). Например, «чужак» является элементом социальной группы, но одновременно и внеположенным, и противопоставленным ей, поскольку принадлежит к ней, но не с самого начала («сегодня приходит и завтра остается» [Зиммель 2015, с. 228]). Он соприкасается, взаимодействует с другими членами группы, но не связан с ними «органически» (через родственную, локальную закрепленность). А из этого уже вытекают такие его свойства, как возможность «объективного», свободного, беспристрастного, критичного взгляда на группу (сочетающего в определенной пропорции безразличие и ангажированность, близость и удаленность), потенциальная открытость членов группы по отношению к нему (готовность быть искренними, делиться с незнакомцем, с которым впоследствии никакие взаимоотношения не будут связывать), более абстрактное отношение к нему (основания для чувства близости и симпатии –

общечеловеческие, профессиональные, социальные качества, не индивидуальные особенности). Тем самым характеристики «чужака» являются производными от характера социальных взаимодействий, в которые он включен, от его положения в социальной группе.

Схожим образом выявляет Г. Зиммель свойства «аристократа»²: он является представителем крайне замкнутой, закрытой социальной группы (вступить в ряды которой, как и покинуть, крайне сложно), характер взаимодействий внутри которой регламентирует и ограничивает его поведение (с одной стороны, он может делать то, чего другим не позволено, а с другой – не может делать того, что другим разрешается), диктует мотивы превосходства и социальной исключительности, особого уважения к фамильному роду и др.

Во-вторых, социальный тип может быть трактован как ориентация человека на мир, совокупность определенных базовых предубеждений, предопределяющих фокус или «рамку» восприятия окружающей действительности, которые в свою очередь сформированы и детерминированы определенной культурной формой (культурным «миром», например, таким, как искусство, наука, религия) или категорией (деньги). Например, в характеристике «художника» как социального типа на первый план выходят именно определенный художественный взгляд даже на бытовые вещи:

...в то время как видение не-художника определяется всевозможными неоптическими потребностями (например, в еде), ключевой потребностью художника является определять мир исключительно с точки зрения того, как его можно увидеть (например, рисовать еду) [Silver 2007, p. 2].

Тем самым «мир» искусства актуализирует важность определенного способа «видения» и приводит к формированию установки и доминирующей ориентации (в случае с художником – «жить, чтобы видеть»). Другой пример: отношение к деньгам (экономия / расточительство) определяют социальные типы «скряга» и «мот», детерминируя их повседневный индивидуальный опыт.

Несмотря на то, что Г. Зиммель не предлагал ни развернутой концептуализации феномена «социального типа», ни методологии их выявления и изучения, его описания различных примеров социальных типов послужили отправной точкой для развития исследований данного феномена.

² *Simmel G. Exkurs über den Adel // Simmel G. Soziologie. Berlin, 1908. S. 732–746. URL: <https://archive.org/details/soziologieunters00simmrich/page/n9/mode/2up?ref=ol&view=theater> (дата обращения 18 апреля 2025).*

Типизация в повседневной жизни как основа понимания и взаимодействия

В поисках ответа на вопрос «Как возможно общество?» Г. Зиммель в своей одноименной работе (1908) приходит к заключению, что одно из основных априорных условий социального взаимодействия – кажущиеся самоочевидными типизации, осуществляемые индивидами путем мысленного дополнения образа Другого на основе фрагментарно уловленных и воспринятых его характеристик. И этот процесс типизаций оказывается в центре внимания, поскольку именно взаимодействия являются процессами, обуславливающими существование общества.

При непосредственном личном взаимодействии индивид формирует некий обобщенный образ своего визави, образ с расплывчатыми чертами, смещенный, не соответствующий в полной мере реальным характеристикам:

Мы представляем себе каждого человека... как тип, к которому он принадлежит в силу своей индивидуальности, мы мысленно подводим его, наряду со всей его единичностью, под некую всеобщую категорию, причем, конечно, человек не полностью охватывается ею, а она не полностью охватывается им. <...> ...мы внутренне... даем человеку имя в соответствии с каким-то типом, для которого и слова-то нет и с которым не совпадает его чистое для-себя-бытие [Зиммель 2015, с. 239].

А затем этот несколько упрощенный и огрубленный образ Другого, подменяя реального индивида, обуславливает последующее взаимодействие с ним, задавая набор типичных ожиданий в его отношении на основании имеющего образа. Зиммель Г. пишет:

В процессе познания человека мы видим в нем не чистую индивидуальность, но то, как его поддерживает, возвышает или же унижает тот всеобщий тип, к которому мы его причисляем [Зиммель 2015, с. 239].

В результате типы выступают категориями повседневного взаимодействия, с помощью которых люди классифицируют друг друга.

Типы как инструменты научного познания

В концептуальных разработках Г. Зиммеля типы неявным образом играют важную роль как инструменты научного познания. Хотя напрямую и четко он эту идею не формулировал, отмечается,

что в своих трудах последних лет он использовал термины «типы», «формотипы» в качестве синонимов ключевого для него понятия «формы»:

...уже в «Философии денег» (1900) «тип» в значительном числе случаев заменяет «форму». В «Социологии» (1908) «тип» и «формотип» (Formtypus) заменяют форму уже в большинстве случаев [Ионин 1981, с. 71].

А содержание и функции «чистых форм» Г. Зиммеля, по существу, в ключевых аспектах совпадают с таковыми у «идеальных типов» М. Вебера, выступая в роли аналитических инструментов, конструируемых исследователем в процессе познания моделей (абстрагированных от содержания отдельных объектов). Причем именно конструируемых, а не выводимых посредством индуктивных обобщений на основе серии эмпирических наблюдений, хотя и опирающихся на таковые. Для того, чтобы получить знание о «чистых формах» необходимо «рассмотреть через увеличительное стекло», искусственно преувеличить некоторые характеристики исторического феномена, превратить их в “абсолютные линии и фигуры” [Ионин 1981, с. 69].

Этот особенный метод преувеличения и сведения понятий дает знания о мире, соизмеримые с нашим способом познания... Наш интеллект способен понимать реальность лишь в том виде, в каком она выступает, ограниченная чистыми понятиями, которые независимо от того, насколько они отклоняются от реальности, доказывают свое существование той пользой, которую они приносят в деле ее интерпретации (Г. ЗиммельГ.)³.

Тем самым, в реальности «чистые формы» не наблюдаемы, не реализуются в полной мере ни в одном объекте или процессе, но позволяют «схватывать» их общую сущность. Будучи изолированными от содержания – индивидуальных характеристик конкретных объектов, выступают в качестве аналитических инструментов в процессе познания.

Заключение

В работах Г. Зиммеля можно выделить как минимум три сюжета, связанных с «типологической проблематикой»: социальные

³Цит. по: *Ионин Л.Г.* Георг Зиммель – социолог (Критический очерк). М.: Наука, 1981. С. 71.

типы как социальный феномен и предмет исследования, повседневные типизации как основа межличностных взаимодействий, конструирование типов как процесс теоретической концептуализации изучаемых явлений. Каждое из этих направлений получило в дальнейшем активное развитие: «социальный тип» стал одним из базовых понятий социологии [Татарова 2012; Almong 1998]; типизации в повседневной жизни – одним из предметов исследований в русле феноменологической, этнометодологической, социально-конструктивистской традиций; познавательные возможности типов как исследовательских инструментов осмыслились в контексте развития типологического метода [Бабич 2023].

Источники

Simmel G. Philosophie des Geldes. Leipzig: Duncker und Humblot, 1900.

Simmel, G. (1908), "Exkurs über den Adel", in Simmel, G. *Soziologie*, S. 732–746, available at: <https://archive.org/details/soziologieunters00simmrich/page/n9/mode/2up?ref=ol&view=theater> (Accessed 18 April 2025).

Литература

Бабич 2023 – *Бабич Н.С.* Типологический метод в социологии: становление и векторы развития // Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 13–87.

Баньковская 2002 – *Баньковская С.П.* Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.

Зиммель 2015 – *Зиммель Г.* Экскурс о чужаке // Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М.; СПб.: Университетская книга: Центр гуманит. инициатив, 2015. С. 228–223.

Ионин 1981 – *Ионин Л.Г.* Георг Зиммель – социолог (Критический очерк). М.: Наука, 1981. 129 с.

Левин 1994 – *Левин Д.* Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 91–101.

Луков 2008 – *Луков В.А.* Проблема чужака в социологии (у истоков тезаурусного подхода) // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 16 / Под общ. ред. Вл.А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 3–11.

Татарова 2012 – *Татарова Г.Г.* Концепт «социальный тип» в эмпирических исследованиях // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса.

- M.: POC, 2012. 1 CD ROM. С. 7187–7194. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part50.pdf>. (дата обращения 5 марта 2025).
- Abel 1929 – *Abel Th.* Systematic sociology in Germany. A Critical Analysis of Some Attempts to Establish Sociology as an Independent Science. New York: Columbia University Press, 1929. 169 p.
- Almog 1998 – *Almog O.* The Problem of Social Type: A Review // *Electronic Journal of Sociology*. 1998. Vol. 3, 4. [iuidcode: 100.3.4.1]. URL: <https://sociology.org/the-problem-of-social-type/> (дата обращения 5 марта 2025).
- le Grand 2019 – *le Grand E.* Conceptualising social types and figures: From social forms to classificatory struggles // *Cultural Sociology*. 2019. Vol. 13. Iss. 4. P. 441–427. <https://doi.org/10.1177/1749975519859962>.
- Silver 2007 – *Silver D.* Social type (Simmel) // *The Willey Blackwell Encyclopedia of Sociology* / Ed. by G. Ritzer. 2008. URL: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeoss320> (дата обращения 5 марта 2025).

References

- Abel, Th. (1929), “*Systematic sociology in Germany. A Critical Analysis of Some Attempts to Establish Sociology as an Independent Science*”, Columbia University Press, New York, USA.
- Almog, O. (1998), “The Problem of Social Type: A Review”, *Electronic Journal of Sociology*, vol. 3, 4, available at: <https://sociology.org/the-problem-of-social-type/> (Accessed 5 March 2025).
- Babich, N.S. (2023), “Typological method in sociology. Formation and vectors of development”, in Tatarova, G.G. and Kuchenkova, A.V. (eds.), *Tipologicheskii analiz v sotsiologii kak diagnosticheskaya protsedura* [Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure], FNISTS RAN, Moscow, Russia, pp. 13–87.
- Ban'kovskaya, S.P. (2002), “Strangers and borders. On the concept of social marginality”, *Otechestvennye Zapiski*, no. 6, pp. 457–467.
- Simmel, G. (2015), “Excursus on the Stranger”, in Simmel G. *Izbrannoye. Problemy sotsiologii* [Selected works. Issues of sociology], Universitetskaya kniga, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow; St. Petersburg, Russia, pp. 228–223.
- Ionin, L.G. (1981), *Georg Zimmel' – sotsiolog (Kriticheskii ocherk)* [Georg Simmel – sociologist (Critical essay)], Nauka, Moscow, Russia.
- Levin, D. (1994), “Some key issues in the works of Simmel”, *Sociological journal*, no. 2, pp. 91–101.
- Lukov, V.A. (2008), “Issue of the stranger in sociology (at the origins of the thesaurus approach)”, *Tezaurusnyi analiz mirovoi kul'tury: Cb. nauch. trudov.* [Thesaurus analysis of world culture], iss. 16, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, Moscow, Russia, pp. 3–11.
- le Grand, E. (2019), “Conceptualising social types and figures: From social forms to classificatory struggles”, *Cultural Sociology*, no. 4 (13), pp. 441–427.

Silver, D. (2007), "Social type (Simmel)", in Ritzer, G. (ed.) *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Sociology*, available at: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeoss320> (Accessed 5 March 2025).

Tatarova, G.G. (2012), "The concept of 'social type' in empirical research", in *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye* [Sociology and society. Global challenges and regional development. Proceedings of the IV Regular All-Russian Sociological Congress], ROS, Moscow, pp. 7187–7194, available at: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part50.pdf>. (Accessed 5 March 2025).

Информация об авторе

Анна В. Кученкова, кандидат социологических наук, доцент, Федеральный научный исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 25/35, корп. 5; a.v.kuchenkova@gmail.com

Information about the author

Anna V. Kuchenkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117218; a.v.kuchenkova@gmail.com

УДК 316.7

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-22-31

Социология досуга:
теоретические подходы, исторический контекст
и перспективы исследования

Анна Л. Гусейнова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, aguseinova@gmail.com*

Аннотация. Досуг – многомерный социальный феномен, изучаемый одновременно в философском, историческом, социологическом и прочих контекстах. В данной статье рассматривается формирование социологии досуга как исследовательского направления, выделяются ключевые подходы (функционализм, теория рекреации, критическая теория, пост-модернизм) и современные тенденции качественных социологических исследований досуга (теории цифрового, эко- и креативного досуга, теория платформенного капитализма). Показано, что досуг, изначально мыслимый как пространство свободы и средство повышения социальной солидарности и стабильности, превращается у социальных теоретиков XX в. в инструмент манипуляции, эксплуатации и контроля, а в новом тысячелетии – в поле борьбы между индивидами, сообществами и корпорациями, становясь в ряде случаев неотделимым от рабочего времени. Победа развлечений над смыслами в «эпоху досуга» (по Д. Габору) порождает определенный антиконсьюмеристский и контркультурный импульс и тяготение к альтернативным формам досуга. Современный досуг является гибридным: он одновременно имеет коммерческое измерение и является площадкой для альтернативных практик, и его дальнейшее исследование (в том числе применительно к конкретным социокультурным средам и возрастным когортам) требует междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: досуг, свободное время, социология досуга, теория досуга

Для цитирования: Гусейнова А.Л. Социология досуга: теоретические подходы, исторический контекст и перспективы исследования // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 22–31. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-22-31

© Гусейнова А.Л., 2025

Sociology of leisure. Theoretical approaches, historical context and research perspectives

Anna L. Guseynova
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, aguseinova@gmail.com

Abstract. Leisure is a multidimensional social phenomenon, studied simultaneously in philosophical, historical, sociological and other contexts. The article considers the formation of sociology of leisure as a research direction, identifying key approaches (functionalism, recreation theory, critical theory, postmodernism) and current trends (theories of digital, eco- and creative leisure, the theory of platform capitalism) of qualitative sociological studies of leisure. It is shown that leisure, originally conceived as a space of freedom and a means of increasing social solidarity and stability, is transformed by social theorists of the 20th century into an instrument of manipulation, exploitation and control, and in the new millennium – into a field of struggle between individuals, communities and corporations, becoming in some cases inseparable from working time. The victory of entertainment over meaning in the “leisure age” (according to D. Gabor) generates a certain anti-consumerist and countercultural impulse and attraction to alternative forms of leisure. Modern leisure is a hybrid one: it has both a commercial dimension and a platform for alternative practices, and its further study (including with regard to specific socio-cultural environments and age cohorts) requires an interdisciplinary approach.

Keywords: leisure, free time, sociology of leisure, leisure theory

For citation: Guseynova, A.L. (2025), “Sociology of leisure. Theoretical approaches, historical context and research perspectives”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 22–31, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-22-31

Введение

Вокруг такого многомерного явления как досуг развивается множество идей и теорий. Досуг исследуют с античных времен по сей день в различных перспективах – философской, исторической, антропологической, психологической, педагогической, культурологической, урбанистической и, конечно, социологической.

Следует различить два близких понятия – досуг и свободное время. Последнее можно определить как период, когда человек не занят трудом, учением и выполнением личных и социальных

обязательств. Досуг же – это конкретная форма использования свободного времени, предполагающая осознанный выбор занятий, нацеленных на восстановление сил и получение удовольствия (отдых, развлечения, хобби и т. д.). Социологические исследования как досуга, так и свободного времени рассматривают время вне обязательных занятий. Тем не менее изучение свободного времени (бюджета времени) преимущественно связано с количественными аспектами его распределения, в то время как *социология досуга* представлена в основном качественными исследованиями характеристик досуга (хотя некоторые исследователи отождествляли досуг и свободное время). Обратимся далее к классическим и современным теориям.

Теоретические исследования досуга

Как самостоятельное научное направление социология досуга формируется к середине XX в., но первые попытки изучать свободное время и то, как люди его проводят, относятся к первой половине XIX в. Например, французский политический мыслитель А. де Токвиль в работе «Демократия в Америке» уделил существенное внимание влиянию демократического политического режима на быт горожан, их практики использования свободного времени, обращая особое внимание на коллективные активности [Токвиль 2024]. Представители утопического социализма, такие как Р. Оуэн и Ш. Фурье, предлагали модели общественного устройства, предусматривавшие гармоничное сочетание труда и досуга, а также организацию последнего. Описывая коммуны-фаланстеры, Фурье утверждал, что организация труда в соответствии с природными склонностями людей в сочетании с периодической практикой меняться работой приведет к тому, что грань между досугом и трудом сотрется, поскольку последний станет формой самореализации. Фаланстеры, по мысли Фурье, должны были включать и досуговую инфраструктуру – библиотеки, мастерские, сады и т. д., где люди могли бы отдыхать, повышать уровень культуры, заниматься творчеством и т. д. [Сидоров 2017].

По мере развития городов и становления индустриального общества, изменения структуры труда и формирования массовой культуры наблюдалась трансформация досуговых практик. Традиционные семейные и религиозные досуговые практики уступали место новым формам досуга, в частности, индивидуализированным и коммерческим. Эти изменения сделали актуальными системные исследования досуга как проявленных и укоренившихся форм со-

циальных практик. Так, у Т. Веблена в работе «Теория праздного класса» досуг рассматривается как средство демонстрации социального статуса. «Праздничный класс» – это слой богатых людей, которые не занимаются производительным трудом, а потребляют дорогие вещи и услуги (часто – с низкой практической ценностью), выбирают экзотические хобби, чтобы показать свое превосходство над окружающими. Досуг как таковой, таким образом, превращается из просто отдыха в своеобразный товар роскоши, который повышает престиж обладателя [Веблен 1984].

Рассмотрим несколько устоявшихся подходов.

Функционализм (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). Для сторонников этого направления досуг – это средство поддержания социальной стабильности. С одной стороны, коллективный досуг, такой как массовые культурные мероприятия, способствует укреплению общественной солидарности; с другой – разделение труда высвобождает определенное время, которое человек может использовать по своему усмотрению, например, для восстановления сил или обучения и повышения производительности труда [Дюркгейм 1996].

Теория рекреации (Й. Хейзинга, Ж. Дюмазедье). Здесь досуг рассматривается как средство компенсации физических и эмоциональных затрат трудящихся. Так, в широко известной работе “*Homo Ludens*” (1938 г.), посвященной исследованию феномена игры, Хейзинга рассматривает досуг как сферу, где игра проявляется наиболее свободно и креативно [Хейзинга 1997]. А в более позднем труде «В тени завтрашнего дня» он анализирует кризис современного общества и превращение досуга в инструмент массовой манипуляции [Хейзинга 2010].

Критическая теория (А. Грамши, Т. Адорно, Г. Маркузе). Здесь досуг рассматривается как форма капиталистического контроля – способ отвлечь широкие массы от классовой борьбы. Массовая культура формирует ложные потребности, привычку к беспрестанному потреблению и политической пассивности, работая таким образом на легитимацию и поддержание существующего режима эксплуатации. Досуг, призванный освободить человека, превращается в суррогат свободы под контролем корпораций. Общее место представителей критической теории – призыв к созданию альтернативных форм досуга, способствующих осознанию людьми своих классовых интересов. Грамши в «Тюремных тетрадах» подчеркивал особую роль органической интеллигенции (т. е. обслуживающей потребности класса, выходящего на историческую арену, в данном случае – рабочего класса) [Грамши 1991], Маркузе в «Одномерном человеке» – необходимость поддержания некоммерческих форм досуга (контркультура, андеграунд и др.), не встроен-

ных в систему массового потребления и способствующих развитию у участников критического мышления и навыков противодействия манипуляциям [Маркузе 1994].

Постмодернистская теория (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, М. Кастельс). Представители этого подхода относительно близки критической теории, поскольку досуг в их работах представляется как симулякр, средство саморепрезентации, знак-копия удовольствия «без оригинала». Например, в цифровую эпоху границы между работой и досугом де факто стираются (ср. выразительный термин Э. Тоффлера «протребление»). Досуг становится, таким образом, частью идентичности, когда человек непрерывно присутствует в информационных потоках и скорее демонстрирует активность и приверженность определенному образу жизни, нежели действительно развлекается (в смысле наслаждения свободным моментом) [Бодрийяр 2024].

В истории социальных наук были не только попытки исследования современных авторов режимов и форм досуга, но и исследования использования свободного времени в доиндустриальном обществе. Так, М. Салинз в своем труде «Экономика каменного века» дает оценку бюджета времени в первобытном обществе и приходит к выводу, что первобытные люди тратили всего несколько часов в день для обеспечения своих бытовых нужд, располагая гораздо большим бюджетом свободного времени, нежели современный человек [Салинз 1999].

В России пионером социологических исследований досуга стал С. Струмилин, который в 1922–1923 гг. провел фундаментальные исследования использования свободного времени в семьях рабочих и крестьян, осуществив первое в мире исследование бюджета времени [Струмилин 1924]. Сегодня социология досуга и свободного времени – популярные области исследований в отечественной науке. Зависимость развития личности от способов проведения свободного времени, культуру его распределения, формы досуга в зависимости от возраста и доходов, вопросы стандартизации форм досуга и его эффективности, влияние технологических изменений на досуг изучали Г. Анашкина, И. Бестужев-Лада, И. Бутенко, С. Голод, Л. Михайлова, Д. Николаенко, Г. Орлов, В. Пича, Э. Соколов, Б. Трегубов. В работе Г. Тартыгашевой рассматриваются современные формы досуга российских работников, делается вывод о связи досуговых практик и социального неравенства (вопреки расхожему представлению о «гибридной» занятости и «гибком» графике происходит закрепление существующей социальной дифференциации) [Тартыгашева 2022]. Работы К. Романовой направлены на выявление социальной роли человека в сфере до-

суга. В. Минин изучает антиобщественные формы использования свободного времени и опасность «ценностного вакуума» культуры досуга, «псевдоотдыха». В 2023 г. в ВШЭ в Институте социальной политики был учрежден Центр исследований бюджетов времени.

Современные исследования в социологии досуга

Информационная революция с конца XX в. оказывает существенное влияние на практики досуга, что требует социологического и социально-философского осмысления (в том числе в практических целях – например, для создания комфортной городской среды). Еще в 1963 г. физик Д. Габор назвал три ключевые угрозы человечеству: это ядерная война, перенаселение и «эпоха досуга». Если два первых риска, по мнению ученого, являются управляемыми, то к избытку свободного времени общество психологически не готово. Габор предсказывал, что эпоха досуга в развитых странах наступит в течение жизни одного поколения, но этому могут помешать «защитные» механизмы (военные конфликты, экономические кризисы, неэффективное управление рабочим временем и т. д.) [Gabor 1963]. А в работе Н. Постмана «Развлекаясь до смерти», написанной в середине 1980-х, эпоха досуга описывается уже как состоявшаяся реальность. Американское общество, по словам автора, одурманено СМИ, превращающими все – от новостей до религии и политики – в шоу, где форма и эмоциональный ряд важнее содержания. Постман противопоставляет две классические антиутопии – Оруэлла и Хаксли, где людей контролируют, соответственно, причиняя боль или удовольствие – и признает победившим именно «дивный новый мир» [Postman 2005].

Современные социологические исследования досуга можно сгруппировать следующим образом.

В исследованиях цифрового досуга (М. Кастельс, Дж. Урри, Х. ван Дейк) констатируется, что досуг переместился в виртуальные среды (соцсети, видеоигры, стриминг), границ между работой и отдыхом фактически не существует. Так, Х. ван Дейк в работе «Культура коннективности» (2013 г.) исследует монетизацию досуга посредством соцсетей и его превращение в «цифровую работу» (например, у лайфстайл-блогеров) [van Dijck 2013]. К этим исследованиям примыкают исследования так называемой экономики внимания – конкуренции цифровых медиакомпаний (YouTube, Netflix, TikTok) за свободное время аудитории.

Исследования платформенного капитализма (Н. Срничек, Ш. Зубофф) развивают идеи критической теории об эксплуатации

индивидов через досуг. Так, Н. Срничек пишет об отдыхе как о новом рабочем времени, когда человек просматривает рекламу или оценивает контент [Срничек 2020]. Ш. Зубофф в «Эпохе надзорного капитализма» анализирует, как цифровые корпорации, предлагающие досуг как услугу, превращают данные пользователей в товар и анализируют их предпочтения для манипуляции выбором [Зубофф 2022].

Исследования креативного досуга (Р. Флорида, С. Лэш) подчеркивают связь современного досуга с самовыражением и гиг-экономикой. В работе Р. Флориды описывается, как представители «креативного класса» стирают границы между трудом и досугом, работая из кафе или создавая контент, путешествуя или развлекаясь [Флорида 2007]. С. Лэш рассматривает видеоблоггинг, создание подкастов, арт-проектов и др. формы цифрового досуга как форму воспроизводства «гибридной идентичности», находящейся вне традиционных категорий (таких как нация или класс) [Lash, Friedman 1992].

Исследования эко-досуга (Б. Латур, Т. Мортон) анализируют влияние экологического кризиса на досуговые и потребительские практики. Экотуризм, дауншифтинг, веганские фестивали и др. рассматриваются как проявления антиконсьюмеризма и свидетельство осознания разрушительного влияния потребительского капитализма на природную и социальную среду.

Заключение

Таким образом, в XXI в. досуг стал гибридным, цифровым и коммерциализированным, что отразилось в социологических теориях, однако параллельно возникают самоорганизованные коллективные практики (фестивали, арт-сообщества), позволяющие людям объединяться в рамках досуговой деятельности «снизу». Исследований этих альтернативных форм досуга, особенно в контексте разных социокультурных сред и возрастных групп, пока довольно немного. Современная социология видит досуг не как нейтральное явление, а как поле борьбы, выражаясь языком М. Хардта и А. Негри, между Империей (медиакомпании, цифровые платформы) и сопротивляющимся Множеством (альтернативные практики). Изучение этого поля требует междисциплинарного подхода, объединяющего исторический, экономический, социологический и цифровой контексты.

Литература

- Бодрийяр 2024 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: АСТ, 2024. 384 с.
- Веблен 1984 – *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
- Грамши 1991 – *Грамши А.* Тюремные тетради. Часть первая. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 560 с.
- Дюркгейм 1996 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
- Зубофф 2022 – *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.
- Маркузе 1994 – *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: Рефл-бук, 1994. 368 с.
- Салинз 1999 – *Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
- Сидоров 2017 – *Сидоров А.М.* Воображение и реальность (Ш. Фурье и современная философия) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 6 (23). С. 98–104.
- Срничек 2020 – *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Издат. дом ВШЭ, 2020. 128 с.
- Струмилин 1924 – *Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 году: Статистическо-экономические очерки. М.; Л.: Вопросы труда, 1924. 165 с.
- Тартыгашева 2022 – *Тартыгашева Г.В.* О досуге российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 69–81.
- Токвиль 2024 – *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Субъект, 2024. 736 с.
- Флорида 2007 – *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издат. дом «Классика-XXI», 2007. 427 с.
- Хейзинга 1997 – *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 417 с.
- Хейзинга 2010 – *Хейзинга Й.* Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.
- Gabor 1963 – *Gabor D.* Inventing the future. NY: A.A. Knopf, 1963. 237 p.
- van Dijck 2013 – *van Dijck J.* The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford: Oxford University Press, 2013. 228 p.
- Lash, Friedman 1992 – *Lash S., Friedman J.* Modernity and identity. Oxford: Blackwell, 1992. 379 p.
- Postman 2005 – *Postman N.* Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. NY: Penguin Books, 2005. 184 p.

References

Baudrillard, J. (2024), *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society], AST, Moscow, Russia.

- Dijk, J. van (2013), *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*, Oxford University Press, New York, USA.
- Durkheim, E. (1996), *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society], Kanon, Moscow, Russia.
- Florida, R. (2007), *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menayut budushchee* [Creative class. People who change the future. The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life], Izdatel'skii dom "Klassika-XXI", Moscow, Russia.
- Gabor, D. (1963), *Inventing the future*, A.A. Knopf, New York, USA.
- Gramsci, A. (1991), *Tyuremnye tetrady. Chast' pervaya*. [Prison Notebooks. Part 1], Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Huizinga, J. (1997), *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Articles on the history of culture.], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Huizinga, J. (2010), *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyi mir* [In the shadow of tomorrow. Man and culture. A darkened world], Izdatel'stvo Ivana Limbakha, St. Petersburg, Russia.
- Lash, S. and Friedman, J. (1992), *Modernity and identity*, Blackwell, Oxford, UK, Cambridge, USA.
- Marcuse, H. (1994), *Odnomernyi chelovek* [One-Dimensional Man], Izdatel'stvo Refbuk, Moscow, Russia.
- Postman, N. (2005), *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*, Penguin Books, New York, USA.
- Sahlins, M. (1999), *Ekonomika kamennogo veka* [Stone age economics], OGI, Moscow, Russia.
- Sidorov, A.M. (2017), "Imagination and reality (Ch. Fourier and modern philosophy)", *Tavricheskii nauchnyi obozrevatel'*, no. 6 (23), pp. 98–104.
- Srnicek, N. (2020), *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], Izdatel'skii dom VShE', Moscow, Russia.
- Strumilin, S.G. (1924), *Byudzhel vremeni russkogo rabochego i krest'yanina v 1922–1923 godu. Statisticheskoe-ekonomicheskie ocherki* [The time budget of the Russian worker and peasant in 1922–1923. Statistical-economic essays], Voprosy' truda, Moscow, Leningrad, USSR.
- Tartygasheva, G.V. (2022), "About the leisure of Russian workers", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 69–81.
- Tocqueville, A. (2024), *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America], Sub'ekt, Moscow, Russia.
- Veblen, T. (1984), *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions], Progress, Moscow, Russia.
- Zuboff, Sh. (2022), *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power], Izdatel'stvo instituta Gaidara, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна Л. Гусейнова, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; aguseinova@gmail.com

Information about the author

Anna L. Guseynova, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; aguseinova@gmail.com

УДК 316:378

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-32-43

«Общественный договор» между властью и обществом в оценках преподавателей высшей школы

Ирина В. Воробьева

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, vorobyova.irina@list.ru

Аннотация. В работе проведен анализ такого ноумена как «общественный договор». Исследование опирается как на теоретические подходы, так и на результаты статистических, аналитических отчетов и данных всероссийских исследований по схожей проблематике, экспертного опроса «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации». Автором проводится анализ того, как социально-профессиональная группа преподавателей высшей школы оценивает действующий «общественный договор» между народом и властью.

Вузовские преподаватели являются одним из важнейших субъектов общественного договора, не только как самостоятельные акторы, но и как субъекты, ответственные за воспитание гражданина, передачу не только профессиональных знаний, но и ценностей, мировоззрения. От их восприятия базовых позиций общественного договора, поддержки или отрицания этого социального контракта во многом зависит позиция студенческой молодежи. Вузовское сообщество формирует возникающие у молодежи политические и гражданские ценности на основе собственного мировоззрения и сложившихся установок в отношении государства, власти, социальных и политических институтов.

Ключевые слова: общественный договор, преподаватели вузов, высшее образование, согласие, солидарность, легитимность власти

Для цитирования: Воробьева И.В. «Общественный договор» между властью и обществом в оценках преподавателей высшей школы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 32–43. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-32-43

The “social contract” between the authority and society in the assessments of higher school teachers

Irina V. Vorobyova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, vorobyova.irina@list.ru

Abstract. The paper analyzes such a noumenon as a “social contract”. The study is based on both theoretical approaches, as well as on the results of statistical, analytical reports and data from All-Russian studies on similar issues, the expert survey “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation”. Author analyzes how a socio-professional group of higher school teachers assesses the current “social contract” between the people and the authority.

University teachers are one of the most important subjects of the social contract, not only as independent actors, but also as subjects responsible for raising a citizen, transferring not only professional knowledge, but also values and worldview. The position of the student youth largely depends on their perception of the basic positions of the social contract between citizens and the government, support or denial of that social contract. The university community forms the political and civic values which arise among young people on the basis of the community own worldview and established attitudes towards the state, authority, social and political institutions.

Keywords: social contract, university teachers, higher education, consent, solidarity, legitimacy of authority

For citation: Vorobyova, I.V. (2025), “The ‘social contract’ between the authority and society in the assessments of higher school teachers”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 32–43, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-32-43

Теоретические подходы к понятию «общественный договор»

Теория общественного договора как формы взаимовыгодного сосуществования государства и граждан в основном сформировалась к XVIII в., а ее концептуальный подход заключается в том, что институт государства возникает в результате соглашения людей, по которому они признают государственную власть, отказываются от части своих свобод в пользу государства, которое, в свою очередь, гарантирует им защиту и решение общественных проблем. Идея не потеряла своей актуальности и по сей день.

Эволюцию концепта «общественный договор» и его ключевые черты можно проследить в работах Ж.Т. Тощенко [Тощенко 2022], в исследованиях Т.Е. Абрамзон и А.В. Петрова [Абрамзон, Петров 2017], П.А. Горохова и В.В. Вялых [Горохов, Вялых 2013], В.П. Макаренко [Макаренко 2012] и Н.Н. Равочкина [Равочкин 2020]. Вопросы гражданского и социального потенциала учителей и вузовских работников поднимаются в работах М.Б. Булановой [Буланова 2023], И.В. Воробьевой [Воробьева 2021b], Н.В. Деевой [Деева 2015], Н.Н. Меньшениной, Е.Н. Нархова и Т.А. Чегодаева, Д.Ю. Нархова [Меньшенина и др. 2016; Нархов 2014]. Наконец, вопросы независимости университетов, их свободы и автономии – как важных факторов, определяющих отношения между высшей школой и властью, – нашли отражение в трудах В.С. Никольского и И.Г. Дежиной [Никольский 2008; Дежина 2024].

Анализируя различные теоретические подходы к трактовке общественного договора, экспертами отмечается, что это социально-философская категория, а не какой-либо конкретный официальный документ. Он воплощает в себе уровень общественного настроения, существующего в обществе

...согласие, доверие, возможность эффективного решения назревающих проблем, уверенность большинства народа в сегодняшнем и завтрашнем дне, т. е. всего, что характеризует степень устойчивости государства [Тощенко 2023, с. 8].

Преподаватели вуза, академическая интеллигенция являются одной из социально-профессиональных групп, чье участие в общественном договоре с властью и уровень его поддержки достаточно важен. Преподаватели высшей школы являются не только агентами социализации для учащейся молодежи, но и, как передовая группа интеллигенции, формируют и транслируют в общество определенные ценности, смыслы, образцы поведения и действия. Полагаем, что от данной социальной группы во многом зависит ракурс восприятия государства и государственной власти и другие поведенческие практики, особенно в молодежной среде.

Материалы и методы

Для апробации в экспертной дискуссии была предоставлена первичная концептуальная модель трансформации социально-философского понятия «общественный договор» в социологическое измерение путем поиска индикаторов/параметров, которые могут

продемонстрировать принятие существующего «общественного договора» со стороны различных социальных и профессиональных групп. Такими индикаторами стали: одобрение политической и избирательной системы; оценка степени сплоченности в обществе; уровень согласия и доверия между государством и гражданами; поддержка проводимой государством политики; оценка выполнения государством своих обязательств; оценка своих возможностей влиять на проведение государственных решений.

Для выявления представлений членов академического сообщества о том, насколько граждане разделяют позиции общественного договора с властью, научным коллективом социологического факультета РГГУ было проведено всероссийское исследование. В октябре-ноябре 2023 г. в форме персонального полуструктурированного опроса был проведен экспертный опрос на тему «Судьбы общественного договора в России: эволюция идеи и уроки реализации» (прим. – далее ОД-2023). Опрос проходил в восьми субъектах РФ. В выборке экспертов представлены специалисты Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Орла, Казани, Краснодар, Екатеринбурга и Владивостока. По профилю профессиональной деятельности состав опрошенных экспертов следующий: сотрудники (доценты, профессора, зав. кафедрами) вузов, исследователи НИИ (ст. научные сотрудники, зав. подразделениями, директора центров), сотрудники руководящих органов законодательной власти и административного управления, руководители политических, общественных организаций. Общий объем опрошенных экспертов – 136 чел. Проведение полевых исследований было обеспечено Центром социального прогнозирования и маркетинга (руководитель Ф.Э. Шереги). Опрос проводился по инструментарию, разработанному коллективом социологического факультета РГГУ, работающим по проекту «Судьбы общественного договора в России: эволюция идеи и уроки реализации» (грант № 23-18-00093 Российского научного фонда).

Параметры общественного договора в оценках преподавателей вузов

Принятие и разделение действующих позиций общественного договора со стороны граждан можно рассмотреть через параметры согласия и доверия между населением и властью. Кроме того, необходимо понимание того, насколько действующая государственная политика отвечает надеждам и ожиданиям граждан. Для нашего исследования принципиально важно понимание того, как данные

интересы осмысливаются и воспринимаются важнейшими агентами социализации молодежи – преподавателями высшей школы.

Работники высшего образования дают высокую оценку уровню сплоченности российского общества – так считают четверть опрошенных, 61,2% оценивают ее на среднем уровне. Уровень согласия между народом и властью по их оценкам тоже достаточно высок: «высокий» – 23,9%, «средний» – 68,7% [ОД-2023]. Полагаем, такая оценка может рассматриваться не только как сторонняя оценка общественных настроений, но и как проекция собственных установок и установок ближайшего окружения. При этом эксперты из сферы государственного управления оценивают степень согласия между народом и властью еще выше: 30% дают этому показателю высокую оценку, а представители общественных организаций – самую низкую. Сложно сказать, что лежит в основе таких ответов со стороны государственных чиновников – истинная вера в согласие между народом и властью, традиционная приверженность и лояльность государственных служащих или непонимание существующего общественного запроса. Тем более, что такая оценка данной профессиональной группы вступает в противоречие с общероссийскими показателями других исследований, которые фиксируют, что россияне отмечают определенный разрыв между гражданами и политическими элитами. 56% граждан считают, что «власти нет никакого дела до жизни простых людей». И хотя этот показатель ниже, чем за весь период мониторинга (75% в 2011 г.), он остается весомым [Как живешь, Россия... 2023, с. 28]. В качестве базовых общественных противоречий россияне выделяют противоречия между «бедными и богатыми» (63%), а также «низшими и высшими классами» (58%). Как важнейшее противоречие 47% граждан выделяют противоречие между «населением и властью» [Как живешь, Россия... 2023, с. 32].

16,4% экспертов из сферы высшего образования считают, что население России высоко оценивает степень поддержки экономической политики государства, 73,1% дают этому параметру среднюю оценку, только 10,4% экспертов говорят о возможной отрицательной оценке гражданами проводимой экономической политики [ОД-2023]. В то время, как по данным других исследований, экономическую политику государства отрицательно оценивают 23% граждан [Как живешь, Россия... 2023, с. 16]. В качестве главных народных ожиданий от дальнейшей экономической политики государства эксперты из сферы высшего образования выделяют: «Стимулирование расширения отечественного производства товаров» (58,2%), «Стимулирование роста благосостояния, доходов населения, содействие справедливому распределению доходов»

(35,8%), «Регулирование, контроль роста цен, особенно на товары первой необходимости» (28,4%).

Эксперты из сферы государственного управления вторым по значимости ожиданием в сфере экономической политики видят «Регулярную индексацию оплаты труда с учетом величины инфляции, увеличение пенсий, пособий» (30%), среди преподавателей вуза эту позицию выбрали только 16,4%.

Работники вузов также высоко оценивают поддержку населением страны проводимой государством социальной политики – о том, что уровень поддержки высокий, говорят 32,8% экспертов [ОД-2023]. В качестве актуальных социальных ожиданий граждан от государства в этом направлении выделяют: «Усиление социальной ориентированности государственной политики в целом, соблюдения принципа социальной справедливости» (58,8%), «Государственная поддержка незащищенных слоев населения, инвалидов» (52,9%). Практически четвертая часть всех экспертов говорит о потребностях граждан в гарантиях бесплатного образования (23,5%) и здравоохранения (24,3%). При этом, по мнению экспертов, запрос населения на реализацию политических прав и свобод невелик (около 3%), борьба государства с коррупцией и бюрократией волнует лишь 5% населения [ОД-2023].

Полагаем, реализация именно этих важнейших для обывателя существования людей гарантий стала сегодня базовым основанием одобрения и поддержки власти, а значит, и существования общественного договора. Это подтверждается и данными других исследований: личная безопасность и социальная защита – потребности, которые большинство современных граждан ценят выше, чем гражданские и политические права («равенство перед законом и судом», «право участвовать в управлении делами государства», «свобода мысли и слова») [Как живешь, Россия... 2023, с. 26]. При этом преподаватели высшей школы полагают, что экономическая политика только на 13,4% совпадает с ожиданиями населения, социальная политика – на 20,9%. Внешняя политика государства и оборонная доктрина соответствуют ожиданиям граждан на 44 и 58%, соответственно [ОД-2023].

Доверие общества к политическим и социальным институтам есть один из важнейших критериев принятия гражданами базовых положений общественного договора и легитимности власти. По общероссийским исследованиям, абсолютное доверие Президенту РФ выказывают 73% граждан, Правительству РФ – 53%, армии – 69%, руководителям регионов – 50, церкви – 52, полиции, суду, прокуратуре – 37, партиям, политическим движениям – 22% [Как живешь, Россия... 2023, с. 18]. При этом оценки преподавателей

вузов об уровне доверия в обществе значительно скептичнее [ОД-2023]. Возможно, это является проекцией собственного отношения к социальным и политическим институтам этой группы.

Понимание гражданами того, как государство реализует и выполняет основные гарантии жизни в стране, является важной частью общественного договора. В оценках академического сообщества существующая власть в значительной мере реализует такие гарантии, как «свобода передвижения», «вероисповедания» – так считают более 80% экспертов; «защиту материнства и детства» выделяют около 70%. Гарантии, связанные с доступным образованием, правом на труд и трудовой занятостью, правом на предпринимательство и защитой частной собственности респонденты оценили в диапазоне от 50 до 60%. То, что государство успешно реализует гарантии личной безопасности, считают менее 30% экспертов, равенство всех перед законом отмечают 22,4%, гарантию достойной оплаты труда – 18% [ОД-2023]. Таким образом, можно говорить о том, что в оценках вузовского сообщества преобладает мнение о том, что государство в недостаточной мере реализует важнейшие для повседневности потребности гарантий здоровья граждан, оплаты труда и социальной справедливости.

Индикатором того, что граждане одобряют и принимают идеи общественного договора, является возможность их участия в управлении на разных уровнях государственной власти. Например, преподаватели вузов считают, что сами они почти не могут влиять на решения, принимаемые на уровне государственной власти на федеральном и региональном уровне (86,2%), но могут влиять на решения на уровне своей организации и принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и пр.) – такое мнение высказал практически каждый второй [От прекарной занятости... 2022, с. 291].

Уровень возможности участия остальных граждан в управлении государством на разных уровнях эксперты системы высшего образования оценивают также невысоко. Только 1,5% респондентов говорят о возможности граждан влиять на принятие решения на федеральном и региональном уровне, 10,4% – на уровне районного самоуправления, 28,4% считают, что граждане могут реализовывать возможность влиять на решения на уровне своей организации [ОД-2023]. При этом, сами граждане не особо стремятся к участию в управлении и иной общественной активности. Например, 71,7% населения говорят, что не являются членами ни одной общественной организации, 17,5% сообщают о членстве в профсоюзе, что зачастую носит пассивный и формальный характер. Среди самих сотрудников высшей школы активность несколько выше – 45,2% не

принимают участия в общественной деятельности, а 30% являются членами профсоюза. Это же характерно и для политического участия: 34,8% преподавателей вузов говорят о том, что не принимают участия ни в каких формах политической жизни, а среди всего населения таких 49% [От прекарной занятости... 2022, с. 318]. Мы наблюдаем ситуацию, при которой примерно от трети до половины граждан демонстрируют полную гражданскую и социальную пассивность, и это яркий пример определенного отчуждения от политики и официальной политической жизни, и концентрация на повседневных делах и заботах, проблемах «близкой дистанции».

Заключение

Говоря о возможных противоречиях между государством, властью и народом, которые могли бы привести к противоречиям и конфликтам в обществе, преподаватели высшей школы выделяют: «Углубление имущественного неравенства, разрыва в доходах, их снижение, рост бедности» (35,8%), «Неэффективную миграционную политику» (16,4%). 15% считают, что конфликт между гражданами и властью возможен в случае затягивания СВО и массовой мобилизации населения. 18% полагают, что видимых противоречий между народом и властью не существует [ОД-2023]. Принятие общественного договора со стороны граждан – не только оценка текущего положения дел в стране, это некая условная договоренность по поводу ее будущего. В какой стране мы хотели бы жить? Какое будущее для себя желаем? Эксперты академического сообщества полагают, что, как минимум, две трети граждан ощущают стабильность своего положения (64,2%), уверенностью в будущем наделяют менее 40% населения. Страх перед будущим и беспомощность в оценках экспертов испытывают только 13,4% граждан [ОД-2023].

Учитывая, что сами преподаватели вуза оценивают свое социально-экономическое положение и состояние дел в стране более сдержанно [От прекарной занятости... 2022, с. 304-324], сложно сказать, насколько позиция преподавателей высшей школы в оценках «общественного договора» между населением и властью носит искренний характер. Что это: действительно позитивная оценка ситуации в стране или осторожность в высказываниях и оценках. Другие эксперты тоже отмечают, что при проведении исследований среди преподавателей они фиксировали осторожность и «ограничения на выражение собственного мнения» [Дежина 2024; Курбатова, Каган 2016; Воробьева 2021a].

Между тем, трансформация мирового порядка поставила перед Россией новые вызовы. По-новому выстраиваются отношения как с международным сообществом, так и внутри нашей страны. Все это создает для государства необходимость осваивать новые принципы и методы взаимодействия с гражданами, а значит, и новые условия/основания общественного договора.

При этом образование остается одним из важнейших факторов развития современного мира, базовым социальным институтом, формирующим гражданскую позицию личности, а, значит, и важнейшим инструментом для формирования субъектов общественного договора и условий его существования. Представители педагогической профессии (учителя, преподаватели вузов) являются носителями российского не только культурно-исторического кода, но и проводником гражданских и политических знаний и ценностей для молодежи, а значит, имеют серьезный «политический ресурс». Можно с уверенностью предположить, что их отношение к власти и проводимой политике во многом будет зависеть от субъективного самочувствия и социального благосостояния этой группы.

Новые требования и правила в сфере образования не просто отличаются от действовавших много лет, но и кажутся некоторым поворотом к советскому прошлому. От того, насколько педагогическое сообщество воспримет базовые идеи общественного договора с государством и властью, насколько идеи общественного сосуществования окажутся близки, понятны и ответственны интересам данной социально-профессиональной группы и интересам всего народа, напрямую зависит поддержка власти и уровень общественного согласия и солидарности.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project “The fates of the social contract in Russia. Evolution of ideas and lessons of implementation”, no. 23-18-00093.

Литература

- Абрамзон, Петров 2017 – *Абрамзон Т.Е., Петров А.В.* Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 2. С. 406–424.
- Буланова 2023 – *Буланова М.Б.* Профессия педагог: новые формы патриотического воспитания школьников // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2023. № 2. С. 105–114. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-105-114.
- Воробьева 2021a – *Воробьева И.В.* Политическая роль современной гуманитарной интеллигенции // *Интеллигенция современного российского общества: поиски смысла жизни* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2021. С. 84–95.
- Воробьева 2021b – *Воробьева И.В.* Российские ученые в условиях precarious занятости // *Вопросы управления*. 2021. № 1 (68). С. 131–142.
- Горохов, Вялых 2013 – *Горохов П.А., Вялых В.В.* Современные модификации идеи общественного договора // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 11. С. 19–23.
- Деева 2015 – *Деева Н.В.* Общественный договор и проблемы современного образования в России // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 5-6. С. 91–93.
- Дежина 2024 – *Дежина И.Г.* Эволюция университетской автономии и академической свободы в оценках преподавателей университетов // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33. № 5. С. 48–66.
- Как живешь, Россия 2023 – *Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: [бюллетень]* / В.К. Левашов, [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с.
- Курбатова, Каган 2016 – *Курбатова М.В., Каган Е.С.* Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // *Журнал институциональных исследований*. 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136.
- Макаренко 2012 – *Макаренко В.П.* Общественный договор и проблема молчаливого согласия // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 2. С. 141–151. EDN: OVXKKV
- Меньшенина и др. 2016 – *Меньшенина Н.Н., Нархов Д.Ю., Чегодаева Т.А., Нархова Е.Н.* Роль преподавателей высшей школы в формировании гражданского общества // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2016. Т. 22. № 1. С. 78–85.
- Нархов 2014 – *Нархов Д.Ю.* Политический ресурс российских преподавателей высшей школы: формы и способы реализации // *Вестник Сургутского гос. пед. ун-та*. 2014. № 2 (29). С. 129–136. EDN: SBXFQL.
- Никольский 2008 – *Никольский В.С.* Университетская автономия и академическая свобода (критический взгляд на взаимосвязь традиционных ценностей) // *Высшее образование в России*. 2008. № 6. С. 147–155. EDN: JJRPMR.

- Равочкин 2020 – *Равочкин Н.Н.* Общественный договор: генезис и модификация идей в новоевропейской социальной философии // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 496–498.
- Тощенко 2022 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся. 2022. № 21. С. 98–121. EDN: WOSWAN. DOI: 10.19181/ezheg.2023.4
- Тощенко 2023 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор, как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 3–15.

References

- Abramzon, T.E. and Petrov, A.V. (2017), “Odic versions of the ‘social contract’ in 18th-century Russia”, *Quaestio Rossica*, vol. 5, no. 2, pp. 406–424.
- Bulanova, M.B (2023), “The profession of teaching. New forms of patriotic education of schoolchildren”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 105–114.
- Deeva, N.V. (2015), “The Social contract and the issues of modern education in Russia”, *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 5-6, pp. 91–93.
- Dezhina, I.G. (2024), “Evolution of University Autonomy and Academic Freedom in the Evaluation of University Faculty Members”, *Higher Education in Russia*, vol. 33, no. 5, pp. 48–66.
- Gorokhov, P.A. and Vyalykh, V.V. (2013), “Contemporary revisions of the social contract idea”, *Theory and Practice of Social Development*, no. 11, pp. 19–23.
- Levashov, V.K. (ed.) (2023), *Kak zhivesh’, Rossiya? Ekspress-informatsiya. 53 etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun’ 2023 goda: [byulleten’]* [How are you living, Russia? Express information. 53 stage of sociological monitoring, June 2023 (bulletin)], FNISTs RAN, Moscow, Russia.
- Kurbatova, M.V. and Kagan, E.S. (2016), “Opportunism of university lecturers as a way to adaptate the external control of activities strengthening”. *Journal of Institutional Studies*, vol. 8, no. 3, pp. 116–136.
- Makarenko, V.P. (2012), Social contract and the problem of tacit consent”, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 141–151.
- Men’shenina, N.N., Narkhov, D.Yu., Chegodaeva, T.A. and Narkhova, E.N. (2016), “Professor’s role of the system of higher school in construction of the civil society”, *Transbaikal State University Journal*, vol. 22, no. 1, pp. 78–85.
- Narkhov, D.Yu. (2014), “The political resource of Russian teachers of a higher education institution: forms and ways of realization”, *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, no. 2 (29), pp. 129–136.
- Nikol’skii, V.S. (2008), “University autonomy and academic freedom (a critical look at the interrelation of traditional values)”, *Higher Education Today*, no. 6, pp. 147–155.
- Ravochkin, N.N. (2020), “The social contract: the genesis and modification in the new European social philosophy”, *Eurasian Law Journal*, no. 2 (141), pp. 496–498.

- Toshchenko, Zh.T. (2022), "The social contract: the evolution of ideas", *Rossiia reformiruyushchayasya* [The reforming Russia], no. 21, pp. 98–121.
- Toshchenko, Zh.T. (2023), "Social contract as a noumenon: the experience of sociological understanding", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 3–15.
- Vorob'eva, I.V. (2021a), "The political role of the modern humanitarian intelligentsia", Toshchenko, Zh.T. (ed.), *Intelligentsiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva: poiski smysla zhizni* [The intelligentsia of modern Russian society. The searches for the meaning of life], RGGU, Russia, pp. 84–95.
- Vorob'eva, I.V. (2021b), "Russian scholars under the conditions of precarious employment", *Management issues*, no. 1 (68), pp. 131–142, available at: <https://journal-management.com/issue/2021/01/10> (Accessed 1 October 2024).

Информация об авторе

Ирина В. Воробьева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vorobyova.irina@list.ru

Information about the author

Irina V. Vorobyova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vorobyova.irina@list.ru

УДК 316:930

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-44-54

Социологическая классификация исторической памяти: вариант решения методологической проблемы

Виталий В. Кулиш

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия, vitalii.kulich@mail.ru*

Аннотация. В настоящее время исследование исторической памяти в отечественной науке приобретает междисциплинарный характер, что, с одной стороны, позволяет обогатить опыт ученых в области изучения исторической памяти, с другой стороны, выявить тенденцию увеличения количества разночтений исследователей в определении видовой принадлежности исторической памяти. Статья посвящена решению проблемы социологического анализа исторической памяти. Особое внимание уделяется характеристике сложившейся в социологии методологической проблеме определения видовой принадлежности исторической памяти. Предметом анализа выступает научное обоснование социологической классификации исторической памяти. Предлагается один из вариантов социологического анализа и построения социологической классификации исторической памяти. В статье на основе применения теории научной классификации, теории социальной инерции, теории систем, концепции социальной субъектности в качестве ключевого основания социологической классификации исторической памяти определяется социальный субъект. В результате проведенного социологического анализа в зависимости от уровня, степени общности, характеристик социального субъекта (субъектности), а также результатов его жизнедеятельности в разных сферах общества определяются разные виды исторической памяти. Отдельное внимание уделяется рассмотрению семейной исторической памяти и общенациональной исторической памяти. Специфичность этих видов исторической памяти определена их важной характеристикой – направленность на обеспечение целостности, единства и устойчивости развития российского государства и общества.

Ключевые слова: историческая память, классификация исторической памяти, социология истории, методология социологического анализа исторической памяти, социальный субъект, социальный субъект исторической памяти

© Кулиш В.В., 2025

Для цитирования: Кулиш В.В. Социологическая классификация исторической памяти: вариант решения методологической проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 44–54. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-44-54

Sociological classification of historical memory. A solution to a methodological issue

Vitaly V. Kulish

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia, vitalii.kulich@mail.ru*

Abstract. At present, the study of historical memory in Russian science is acquiring an interdisciplinary character, which, on the one hand, allows enriching the experience of scientists in the field of studying historical memory, and on the other hand, revealing a tendency to increase the number of discrepancies among researchers in determining the species affiliation of historical memory. The article deals with solving the issue of sociological analysis of historical memory. Particular attention is paid to the characteristics of the methodological issue of determining the species affiliation of historical memory that has developed in sociology. The subject of the analysis is the scientific substantiation of the sociological classification of historical memory. The article proposes one of the options for sociological analysis and construction of a sociological classification of historical memory. It defines a social subject as the key basis for the sociological classification of historical memory, which is made basing on the application of the theory of scientific classification, the theory of social inertia, systems theory, the concept of social subjectivity. As a result of the sociological analysis, depending on the level, degree of community, characteristics of the social subject (subjectivity), as well as the results of his life activity in different spheres of society, various types of historical memory are determined. Special attention is paid to the consideration of family historical memory and national historical memory. The specificity of those types of historical memory is specified by their important characteristic – their focus on ensuring the integrity, unity and sustainability of the development of the Russian state and society.

Keywords: historical memory, classification of historical memory, sociology of history, methodology of sociological analysis of historical memory, social subject, social subject of historical memory

For citation: Kulish, V.V. (2025), “Sociological classification of historical memory. A solution to a methodological issue”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series*, no. 2, pp. 44–54, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-44-54

Введение

Вопрос о том, что такое историческая память, какой она может быть и какую роль играет в процессе консолидации общества, особенно остро стал возникать на полях научных дискуссий в конце XX–XXI вв., когда резко изменилась геополитическая ситуация в мире и усилились трансформационные процессы внутри ряда отдельных государств. Для организации как фундаментальных, так и прикладных научных исследований проблема объекта остаётся одной из самых важных, определяющих стратегию и глубину дальнейшего изучения исследовательской проблемы. Применительно к изучению сущности исторической памяти как объекта социологического анализа, методологически важным является определение исторической памяти не только с позиции ее структуры и содержания, но и со стороны ее классификационной принадлежности.

В процессе изучения различных аспектов исторической памяти на теоретическом уровне появляется особая методологическая задача проведения целенаправленной процедуры построения классификации исторической памяти и выделения конкретного вида исторической памяти, который соотносится с непосредственными задачами исследования. Подчеркнем, что задача классификации исторической памяти имеет принципиальное значение для познания социальных процессов функционирования и формирования исторической памяти.

Возникает важный методологический вопрос: «Почему речь должна идти именно о классификации, а не о видах или типах исторической памяти?». Отвечая на него, мы используем в качестве аргументации положения теории научной классификации, разработанной М.А. Розовым и С.С. Розовой [Розова 2004]. С точки зрения авторов этой теории, «классификация» по отношению к типам, видам, системам – это познание отношений единичного, особенного и всеобщего в определенной группе явлений. Типы, виды, группировка, районирование – это все периоды развития классификации:

Наиболее типичный случай указанного наложения классификационных и системных представлений – это так называемые генетические классификации. Они необходимо связаны с рассмотрением объектов исследования *как развивающихся систем*, что задает определенный угол зрения, под которым рассматриваются элементы классифицируемого множества [Розова 2004, с. 102].

Развивая положения теории научной классификации и используя положения, разработанные в рамках теории социальной инерции Н.А. Матвеевой [Матвеева 2004], мы понимаем

...под исторической памятью определенную развивающуюся систему коллективно выраженных элементов индивидуального и общественного сознания с присущей ей механизмом запечатления, хранения и воспроизводства культуры, и обеспечивающим актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и задающим направления инноваций во всех сферах жизнедеятельности человека общества [Кулиш, Матвеева 2014, с. 20].

Это позволяет рассматривать в качестве предмета исследования социологическую классификацию исторической памяти.

Наиболее распространённым основанием выделения разновидностей исторической памяти, с нашей точки зрения, являлось и остаётся личностная позиция исследователей и их интерпретация исторической памяти. Логика изучения исторической памяти выводит исследователей на собственную интерпретацию исторической памяти и определение её видовой принадлежности. Отсюда возникает многообразие толкований разновидностей исторической памяти, что порождает в итоге сложную методологическую проблему единства понимания предмета исследования различными авторами. Например, Марианна Хирш выдвигает идею о выделении из исторической памяти сферу постпамяти, под которой она понимает все воспоминания, которые достаются человеку через других социальных субъектов, а не лично¹. В свою очередь она также делит историческую постпамять на семейную, аффилированную и официальную. Другим примером является точка зрения А.И. Афанасьева и В.И. Меркушина, которые разделяют историческую память о Великой Отечественной войне на «живую, непосредственную память народа» и «универсальную, обобщённую реконструированную память (историческая литература, учебники по истории, телевидение, художественные произведения, кинофильмы и т. д.).» [Афанасьев, Меркушин 2005].

Таких примеров рассмотрения видов исторической памяти в научной литературе набирается достаточно много, особенно когда с 2000-х гг. стал наблюдаться повышенный интерес к проблеме исторической памяти, и в социологической науке заговорили о «буме

¹Хирш М. Есть разница между постпамятью и мобилизацией патриотических чувств: Интервью. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/est-raznica-mezhdu-postpamjatju-i-mob/> (дата обращения 10 февраля 2024).

памяти» [Романовский 2011]. Известный советский и российский ученый в области теории и методологии социологии Ж.Т. Тощенко различает память историческую, личную, семейную, историческое сознание; упоминает он и историческое мышление [Тощенко 2001; Тощенко 2000].

Таким образом, на научном поле социологических исследований памяти, исходя из степени и результатов интерпретаций сущности исторической памяти, формируется достаточно сложная, и в то же время не имеющая четких научных обоснований и внутренних границ, совокупность разных видов исторической памяти. В данной статье, применяя метод социологического анализа подходов и теорий к определению видовой принадлежности исторической памяти, а также методы систематизации и классификации, мы предлагаем свой вариант обоснования и построения социологической классификации исторической памяти.

Результаты и обсуждение

Используя и развивая положения теории систем [Luhmann 1984], теории научной классификации [Розова 2004], а также концепции социальной субъектности [Косилова 2021], предлагаем выделять разные виды исторической памяти в зависимости от уровня, степени общности и характеристик социального субъекта, его субъектности (как используют социальные субъекты внешние обстоятельства жизни, созданные социальной средой, и какова степень проявления их жизненных сил). Кратко такое основание классификации исторической памяти будем называть – по «социальному субъекту».

По «социальному субъекту» выделяем такие виды исторической памяти как «индивидуальная», «коллективная» и «общенациональная (общественная)». Еще в начале XX в. в исследованиях западных социологов рассматривалась идея о надличностном механизме хранения исторической информации. Так, например, американские социологи Р. Шуман и Ж. Скотт использовали для характеристики феномена памяти определение «коллективная память поколений», понимая под ним «коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые для формирования будущего поколения, а также членов данного поколения» [Шуман, Скотт 1992].

Индивидуальная память, коллективная память, общенациональная (общественная) память являются результатом процесса усвоения отдельными людьми, социальными группами, общностями и обществом в целом накопленного исторического опыта на

протяжении всего процесса жизнедеятельности. Отличие индивидуальной, коллективной и общенациональной (общественной) исторической памяти заключается в социальных механизмах усвоения, хранения, переработки и воспроизводства исторического опыта, исторической информации.

Коллективная историческая память, переживая периодически качественные трансформации, аккумулирует духовные достижения сменяющих друг друга поколений. Индивидуальная историческая память всегда остается «индивидуальной», личностной, единичной, изменяется только содержание и объем хранящейся в ней информации. В коллективной памяти, используя разработанные в современной социологии критерии выделения социальных групп, предлагаем следующие виды исторической памяти:

- по половозрастному (демографическому) признаку: историческая память мужчин и женщин, историческая память молодежи, историческая память пожилых и т. д.;
- по территориально-поселенческому признаку: историческая память горожан, историческая память сельчан, историческая память петербуржцев, историческая память кемеровчан и т. д.;
- по социально-профессиональному признаку: историческая память врачей, историческая память учителей, историческая память инженеров и т. д.;
- по этносоциальному признаку: историческая память русских, историческая память татар, историческая память чеченцев и т. д.;
- по религиозному (конфессиональному) признаку: историческая память христиан, историческая память мусульман, историческая память буддистов и т. д.;
- по социально-политическому признаку: историческая память коммунистов, историческая память членов партии «Единая Россия», историческая память членов общественного движения «Народный фронт» и т. д.;
- по социально-экономическому признаку: историческая память предпринимателей, бизнесменов, историческая память аграриев, историческая память нефтепромышленников и т. д.

В свою очередь, каждый из выделенных по определенному признаку вид коллективной исторической памяти делится на ряд других разновидностей исторической памяти, исходя из внутренней социальной дифференциации социальных групп. Например, по половозрастному (демографическому) критерию мы выделяем историческую память молодежи, так как она выступает обоб-

щающим понятием для исторической памяти всех других групп молодежи. Историческая память молодежи включает в себя: историческую память школьников, историческую память студентов разных уровней профессионального образования, историческую память работающей молодежи, историческую память городской и сельской молодежи и т. д. Также, если использовать другие показатели социальных групп в контексте рассмотрения исторической памяти молодежи, такие, например, как этносоциальный и территориально-поселенческий, тогда можно говорить о таких видах как: историческая память казахской молодежи, историческая память калмыкской молодежи, историческая память молодежи Сибири, Дальнего Востока и т. д. В итоге выстраивается достаточно разветвлённая социологическая классификация исторической памяти.

Еще одним важным аспектом построения классификации исторической памяти является рассмотрение вопроса о видах исторической памяти по сферам жизнедеятельности социального субъекта. Мы предлагаем выделять четыре группы видов исторической памяти по результатам жизнедеятельности социального субъекта в разных сферах: социально-историческая память, политическая историческая память, экономическая историческая память и духовно-историческая память.

Американский социолог Шарлотта Линд в своей монографии «Работая с прошлым: Нарратив и институциональная память», в первой главе Introduction: How Institutions Remember («Как институты помнят») использует понятие «институциональная память» и описывает возможные социальные механизмы сохранения разными организациями, компаниями исторической информации о своем прошлом, а также использования исторического опыта социальными институтами для своего стратегического планирования [Linde 2009]. Основываясь на результатах социологического исследования Ш. Линд, классификацию видов исторической памяти по результатам жизнедеятельности социального субъекта в разных сферах общественной жизни можно углубить, используя основания «институциональная направленность» и «содержательная наполненность исторической памяти». Так, в экономической исторической памяти будет выделяться историческая память разных финансовых институтов и организаций – банков, страховых компаний, пенсионных фондов и т. д. Возьмем в качестве примера Банк ВТБ, Альфабанк или Центральный банк России, все они без исключения имеют свою историю развития банковского дела, банковских операций, опыт работы с персоналом и клиентами, и т. д., что в итоге будет составлять содержание их исторической памяти.

Здесь мы сталкиваемся еще с одной методологической проблемой – соотношения исторической памяти и памяти социальной. Иначе может возникнуть вопрос: «Почему память институтов это историческая, а не социальная память?». Часто эти понятия используются как синонимы. Социальная память, с нашей точки зрения, больше имеет дело с поведенческими стереотипами и повседневными практиками людей, в то время как в исторической памяти сильнее выражен ретроспективный аспект, осознание субъектом своего места в историческом времени и пространстве.

По результатам жизнедеятельности социального субъекта в разных сферах общественной жизни выделим особенный вид исторической памяти – «семейно-историческую память». Следует различать «родовую память», «семейную память» и «семейно-историческую память». Родовая память отражает механизм сохранения социальных практик выживания кровнородственных общностей. Семейная память в большей степени ориентирована на сохранение фамильных ценностей. Семейная историческая память представляет собой систему знаний, представлений и переживаний о прошлом своего рода, семьи на разных этапах жизненного пути ее поколений, а также исторических событий и важных вех истории государства.

Особенно широкий спектр видов исторической памяти мы выделяем, когда прослеживаем результаты жизнедеятельности социальных субъектов в разных сферах. Здесь классификация исторической памяти выстраивается по ее содержанию. Например, в политической сфере жизнедеятельности политическая историческая память может включать в себя знания о существовавших в прошлом формах государственного устройства, о формах правления, политических режимах и т. д. Следовательно, выделяется политическая историческая память о существовавших на протяжении всей истории формах государственного устройства, формах правления, политических режимах.

Если рассматривать историческую память по результатам жизнедеятельности социальных субъектов в духовной сфере, например, конфессиональную историческую память, то она включает знания об особенностях (нормах, традициях, обрядах и т. д.) разных религий мира. В таком случае выделяем конфессиональную историческую память православных, историческую память католиков, историческую память буддистов и т. д.

Рассмотрим еще одну методологическую проблему в социологической классификации исторической памяти. Речь идет о разделении таких видов исторической памяти как «историческая память народа» и «общенациональная историческая память». В научных

социологических публикациях исследователи в подавляющем большинстве случаев используют понятие «историческая память народа», особенно когда изучается историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вероятней всего, исследователи, когда говорят об исторической памяти народа, подразумевают память всех проживающих на территории этнических общностей, а не какой-то конкретный один народ. На уровне макросоциологического анализа правильным будет применение понятия «общенациональная (общественная) историческая память», которая характеризуется коллективностью и представляет собой максимально обобщенный, формулируемый в процессе развития представлений отдельного человека о мире и взаимодействия его с социальной средой коллективный исторический опыт социальной группы, общности или общества в целом. В таком понимании общенациональная (общественная) историческая память видится нам в качестве объединителя и собирателя в общую память более 190 проживающих на территории российского государства этнических общностей. Являясь по уровню социального субъекта общественной, она закрепляет за собой определённым образом выстроенные институциональные рамки ее содержательной наполненности. Эти рамки определяет, в первую очередь, институт государства, а также система институтов гражданского общества. Следуя такой логике социологического анализа, общенациональную историческую память по праву можно также называть «государственной исторической памятью». Особая значимость сохранения и воспроизводства этой памяти обусловлена тем, что благодаря ей обеспечивается целостность, единство и устойчивое развитие государства и общества.

Заключение

Таким образом, нами предложен вариант решения одной из методологических проблем в современной исторической социологии – построение и научное обоснование социологической классификации исторической памяти. На основе теории научной классификации, теории социальной инерции, теории систем, концепции социальной субъектности в качестве ключевого основания социологической классификации исторической памяти выступает социальный субъект. Виды исторической памяти определяются в зависимости от уровня, степени общности, характеристик социального субъекта (субъектности), а также результатов его жизнедеятельности в разных сферах общества. Не претендуя на абсолютизацию такого варианта решения проблемы, тем не менее

сделана попытка минимизировать разночтения исследователей в определении видовой принадлежности исторической памяти, которая позволяет четче определять объект и предмет исследования в области изучения исторической памяти.

Литература

- Афанасьева, Меркушин 2005 – *Афанасьева А.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22.
- Косилова 2021 – *Косилова Е.В.* Парадигмы субъектности. СПб., 2021. 168 с.
- Кулиш, Матвеева 2014 – *Кулиш В.В., Матвеева Н.А.* Функционирование исторической памяти учащейся молодёжи. Барнаул: АлтГПА, 2014. 134 с.
- Матвеева 2004 – *Матвеева Н.А.* Инерционность системы образования в России (теория, методология и опыт социологического исследования). Барнаул: БГПУ, 2004. 263 с.
- Розова 2004 – *Розова С.С.* Исследование классификации и классификационной проблемы // На теневой стороне: Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 88–135.
- Романовский 2011 – *Романовский Н.И.* Новое в социологии – «бум памяти» // Социол. исслед. 2011. № 6. С. 13–23.
- Тощенко 2000 – *Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
- Тощенко 2001 – *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.
- Шуман, Скотт 1992 – *Шуман Г., Скотт Ж.* Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.
- Luhmann 1984 – *Luhmann N.* Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt: Suhrkamp, 1984. 674 S.
- Linde 2009 – *Linde Ch.* WORKINGTHEPAST: Narrative and Institutional Memory. N.Y.: Oxford University Press, 2009. X, 249 p. URL: https://books.google.ru/books?id=g2PtEM8atQ4C&pg=PR9&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false / (дата обращения 8 апреля 2024).

References

- Afanasyeva, A.I. and Merkushev, V.I. (2005), "The war in historical memory of Russians", *Sociological Studies*, no. 5 (253), pp. 11–22.
- Kosilova, E.V. (2021), *Paradigmy sub"ektnosti* [Paradigms of subjectivity], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.

- Kulish V.V. and Matveeva N.A. (2014), *Funktsionirovanie istoricheskoi pamyati uchashcheisya molodezhi* [Functioning of the historical memory of student youth], AltGPA, Barnaul, Russia.
- Linde, Ch. (2009), *WORKINGTHEPAST: Narrative and Institutional Memory*, Oxford Press, New York, USA, available at: URL: https://books.google.ru/books?id=g2PtEM8atQ4C&pg=PR9&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false / (Accessed 8 April 2024).
- Luhmann, N. (1984), *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie*, Suhrkamp, Frankfurt, Germany.
- Matveeva, N.A. (2004), *Inertsionnost' sistemy obrazovaniya v Rossii (teoriya, metodologiya i opyt sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Inertia of the education system in Russia (theory, methodology and experience of sociological research)], BGPU, Barnaul, Russia.
- Romanovsky, N.I. (2011), "New in sociology – 'memory boom' ", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 13–23.
- Rozova, S.S. (2004), "Research of classification and classification issue", *Na tenevoi storone. Materialy k istorii seminara M.A. Rozova po epistemologii i filosofii nauki v Novosibirskom Akademgorodke* [On the Shadow Side 2004 – On the Shadow Side. Materials for the History of M.A. Rozov's Seminar on Epistemology and Philosophy of Science in the Novosibirsk Akademgorodok], Sibirskii khronograf, Novosibirsk, Russia, pp. 88–135.
- Schumann, G. and Scott, J. (1992), "Collective memory of generations", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 47–60.
- Toshchenko, Zh.T. (2000), "Historical Consciousness and Historical Memory. Analysis of the Current State", *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 3–14.
- Toshchenko, Zh.T. (2001), *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical Man], Gardariki, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виталий В. Кулиш, кандидат социологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия; 656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, д. 55; vitalii.kulich@mail.ru

Information about the author

Vitaly V. Kulish, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia; bld. 55, Molodezhnaya Street, Barnaul, Russia, 656031; vitalii.kulich@mail.ru

Российская цивилизационная идентичность в современном политическом нарративе: социально-философский анализ

Максим С. Козырев

*Академия управления МВД России, Москва, Россия,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, max-han@yandex.ru*

Аннотация. Целью статьи является анализ представлений о цивилизационной идентичности России в нарративе политических партий и выявление их причин. По результатам исследования было установлено, что цивилизационная идентичность правящей элиты ситуативная и зависит от характера взаимоотношений с элитами западных стран. Представления о цивилизационной идентичности России у системной оппозиции схожи и ориентируются исключительно на внутривнутриполитические процессы. Иностранные агенты влияния рассматриваются системной оппозицией как конкуренты, противопоставляющие им «ура-патриотическую» риторику, акцентируя внимание на уникальности российских условий. Европейская ориентация наиболее ценна для «Яблока» тем, что для выдавленной конкурентами со всех значимых политических позиций партии ближайшими оппонентами будут отечественные акторы, а зарубежные силы далеки и непосредственно не ограничивают их притязания. Провозглашение европейской идентичности России не угрожает политическому статусу «Яблока» в обозримом будущем, но некоторые ее идеологические конструкции позволяют идеологически обосновать самостоятельность партии.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, Россия, идеологический нарратив, политические партии, социально-философский анализ

Для цитирования: Козырев М.С. Российская цивилизационная идентичность в современном политическом нарративе: социально-философский анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 55–67. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-55-67

Russian civilizational identity in the modern political narrative. Socio-philosophical analysis

Maksim S. Kozyrev

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Plekhanov Russian University of Economics Moscow, Russia,
max-han@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the ideas about the civilizational identity of Russia in the narrative of political parties and reveal their causes. According to the results of the study, it was found that the civilizational identity of the ruling elite is situational and depends on the nature of relations with the elites of Western countries. The systemic opposition's ideas about Russia's civilizational identity are similar and are focused exclusively on internal political processes. Foreign agents of influence are considered by the systemic opposition as competitors, whose influence they counteract with "jingoistic" rhetoric, focusing on the uniqueness of Russian conditions. The European orientation is most valuable for Yabloko because for a party squeezed out by competitors from all significant political positions, the closest opponents will be Russian actors, and foreign forces are far away and do not directly limit their claims. The proclamation of Russia's European identity does not threaten Yabloko's political status in the foreseeable future, but some of its ideological constructions make it possible to ideologically justify the party's independence.

Keywords: civilizational identity, Russia, ideological narrative, political parties, socio-philosophical analysis

For citation: Kozyrev, M.S. (2025), "Russian civilizational identity in the modern political narrative. Socio-philosophical analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 55–67, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-55-67

Введение

Внешнеполитические события последних двух десятилетий активизировали проблему российской цивилизационной идентичности в публичном поле. Более того, выбор одного из ее вариантов был легализован Указом Президента РФ¹, в котором

¹Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 20 февраля 2025).

угадывается почвенническая и консервативная идеологические ориентации². Казалось бы, давно потерявший свои социальные основания и канувший в лету спор между западниками и славянофилами реинкарнируется в условиях двадцать первого века. Бесспорно, что он теперь ведется с совершенно иных мировоззренческих позиций, чем 100–200 лет тому назад, но его главные интенции все так же узнаваемы. Это проблемы социокультурной принадлежности и самобытности России, заимствования опыта социального конструирования других стран, референтной цивилизационной идентичности при осуществлении государственного строительства и т. п.

В этой связи возникает вопрос о причинах возрождения подобного общественного дискурса с победой сторонников, отстаивающих позиции неославянофильства, неоевразийзма и неотрадиционализма. Противостояние с коллективным Западом и защита суверенных интересов России в той или иной степени может являться ответом на этот вопрос. Тем более, что беглый анализ развития общественной мысли нового и новейшего времени приводит к мнению о ее циклично-спиральном движении лишь с временным превалярованием одной из сторон в зависимости от политической конъюнктуры [Блехер, Любарский 2003].

Однако такой подход односторонне и утрирует социальные процессы. В этой связи возникает необходимость дополнить существующие исследования для нивелирования указанных недостатков.

Методология и методы

В данной работе использовалась методология качественных социальных исследований, которая разрабатывалась начиная с 60–70-х гг. XX в. В результате к настоящему времени можно обнаружить весьма большое разнообразие подходов с зачастую трудно выявляемыми отличиями. Например, обоснованная теория (к слову, ее можно назвать первой разработкой подобного рода) [Страусе, Корбин 2001], дискурс-анализ [Дейк 2013; Wodak 1989],

²Именно угадывается, потому как нельзя сказать наверняка без публично-политического контекста, что подразумевается, например, под коллективизмом. Вряд ли найдется ценностная модель позволяющая индивиду полностью игнорировать интересы коллектива или, наоборот, всецело поглощающая индивидуальные интересы групповыми [Блехер, Любарский 2003; Парсонс 2002].

тематический анализ³ [Полухина, Проснянок 2015; Braun, Clarke 2021] и нарративный анализ. Последний был выбран в качестве основного метода этого исследования.

Чаще всего нарратив определяют как вербальное изложение, повествование о событиях, имманентно связанное с их интерпретацией и нефундированное объективными закономерностями⁴. То есть тенденциозность оценки реальности изначально предполагается, но этот факт не исключает его из предметного поля науки.

Данное исследование исходит из постулата о социоцентричности нарратива, то есть любое повествование потенциально может дать информацию о социальной реальности. Любая конструкция есть репрезентация, но только на другом уровне [Брокмейер, Харре 2000; Есо 1994; Лехциер 2013; Салиева 2012; Андреев, Березина 2023; Троцук 2005; Готлиб 2013; Макинтайр 2000]. Однако тождественность нарратива и действительности является частичной в том смысле, что методологически неприемлемым объявляется лишь исключение из повествования рассказчика. Вопрос о том, как исследователю через субъективные жизнеописания нарратива «пробиться» к объективной реальности, остается открытым [Готлиб 2012]. Возможность такой процедуры презюмируется и не подвергается сомнению, но конвенциональность не входит в число ее свойств.

Как следствие отсутствия конвенциональности, объем анализируемого текста, содержание и последовательность исследовательских процедур остается на усмотрение ученого и зависит от его квалификации и научной интуиции.

Усилия сосредоточиваются на качественных (содержательных), а не количественных характеристиках. Предпочтение отдается текстам, в которых выражены основные для цели данного исследования темы. Мнения о текущих событиях, в том числе их эволюция, чаще всего малоинформативны [Козырев 2020].

В предметное поле анализа попали нарративы наиболее устойчивых политических партий, чей срок политической жизни насчитывает не менее двух десятилетий, что, в свою очередь, говорит о сложившейся идеологической ориентации и социальной

³ Практики анализа качественных данных в социальных науках: Учеб. пособие / Отв. ред. Е.В. Полухина. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2024. 385 с.

⁴ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.; Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 1999. 877 с.

базе. К таковым относятся пять политических партий: «Единая Россия», Коммунистическая партия РФ, «Справедливая Россия», Либерально-демократическая партия России, «Яблоко». Соответственно, анализу подверглись 32 публикации за последние 20 лет (2004–2024), которые были отобраны из сплошного массива работ этого периода, находящихся в свободном доступе. Критериями отбора послужило упоминание о российской цивилизационной идентичности и характере отношений России с зарубежными странами.

Под цивилизационной идентичностью, как правило, понимают восприятие человеком (группой) своей принадлежности к тем или иным сообществам (цивилизации), с едиными территориями проживания, ценностями, культурно-историческим опытом, геополитическим положением и т. д. При этом цивилизация представляет собой метаэтническое или суперэтническое сообщество [Немчина Кандыба 2014; Поломошнов, Поломошнов 2020].

Результаты и обсуждения Партия «Единая Россия»

Россия характеризуется как страна, принадлежащая в культурном плане к европейской ойкумене. Непосредственно это указано в Посланиях Президента РФ В.В. Путина, примером чего служит данная цитата: «Прежде всего – Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией»⁵. Аналогичное позиционирование нашей страны можно найти и в публикациях как В.В. Путина, так и иных авторов⁶.

⁵Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. 25.04.2005 URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=53088> (дата обращения 28 марта 2025).

⁶*Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Мир новостей. 2012. 27 февраля. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 28 марта 2025); Русская политическая культура. Взгляд из утопии: Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». М.: Независимая Газета, 2007. С. 7; Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. 25.04.2005; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22.12.2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123798/ (дата обращения 28 марта 2025); Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901899013> (дата обращения 28 марта 2025).

Любопытно, что для первой половины 2000-х в Посланиях Президента РФ характерен акцент на интеграцию с Европой, но начиная с 2010 г. ориентация немного меняется и актуальной становится ориентация на Азиатско-Тихоокеанский регион⁷. А начиная с 2023 года (после начала Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года) Послания Президента РФ приобрели явную антизападную направленность, в которых западные правительства и элиты обвинялись в вероломстве, лжи, цинизме, лицемерии, враждебности и развязывании войны⁸.

Необходимо отметить, что упоминание Европы встречается в основном у Путина и Суркова. Тексты других политиков «Единой России» отсылки к этому региону планеты в целях сравнения, как правило, не содержат.

Коммунистическая партия РФ

Россия в публикациях представителей КПРФ позиционируется как уникальная цивилизация, которая в полной мере не принадлежит ни Западу, ни Востоку⁹.

«Очевидно, что для России – страны, где более 80 процентов составляют этнические русские, – чрезвычайно важна идея спасения самобытной русской цивилизации и возрождения русского народа как стового хребта российской государственности»¹⁰.

Причем и Восток, и Запад агрессивны по отношению к русской цивилизации¹¹.

⁷ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию от 12.12.2012. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138990> (дата обращения 28 марта 2025); Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения 2 марта 2025); *Путин В.В.* Россия и Китай: стратегическое партнерство, ориентированное в будущее. 3 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67694> (дата обращения 28 марта 2025).

⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010/page/2> (дата обращения 28 марта 2025); Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 28 марта 2025).

⁹ *Зюганов Г.А.* Коммунисты – 21. М.: Алгоритм, 2012. С. 63–66.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ Там же. С. 63.

Однако более опасен для России, по мнению Г.А. Зюганова, именно Запад, а Восток предпочтителен в качестве союзника¹².

Сегодня Россия вновь столкнулась с агрессивностью Запада. Новая Антанта в лице НАТО вышла на наши границы и окружила военными базами¹³.

Партия «Справедливая Россия»

Аналогично КПРФ, в публикациях этой партии Россия представляется уникальным государством со своей самобытной национальной культурой. Однозначного причисления страны к европейской ойкумене не обнаружено¹⁴.

Запад определяется скорее как недруг, навязывающий вредный для интересов России новый мировой порядок. Он же является источником либерализма, реализация посылов которого неадекватна специфике нашей страны¹⁵.

Наиболее предпочтительным видится модель многополярного мира, в котором у России есть свое достойное место¹⁶.

¹²Зюганов Г.А. Указ. соч. С. 19; *Он же*. Сражаясь за русский мир // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2023. № 3-4 (58-59). С. 19–42; *Он же*. Выполнить волю народа – сменить курс (открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину) // Там же. 2021. № 3 (50). С. 6–14.

¹³Зюганов Г.А. Развитие страны – выход из кризиса // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 1 (28). С. 117–123.

¹⁴Миронов С.М. В интересах народа. М.: Ключ-С, 2011; *Он же*. Моя позиция: верю в победу справедливости: по материалам выступлений 2021–2022 гг. / Отв. ред.-сост. В.Н. Шевченко. М.: Ключ-С, 2022. С. 4.

¹⁵Миронов С.М. От февраля к октябрю 1917-го: уроки и выводы. М.: Ключ-С, 2017. С. 35–37, 62; *Он же*. Только вперед: избранные статьи, выступления, интервью Председателя Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (2013). М.: Ключ-С, 2014. С. 22, 27, 64, 195; *Он же*. В интересах народа. С. 66–67; Левичев Н.В. Политический дневник 2015: Статьи, выступления, комментарии, интервью Председателя Совета Палаты депутатов партии Справедливая Россия. М.: Ключ-С, 2016. С. 22.

¹⁶Левичев Н.В. Политический дневник 2015... С. 154; Миронов С.М. Социальная стратегия партии: проверено жизнью: Избранные статьи, выступления, интервью Председателя Политической партии Справедливая Россия. М.: Ключ-С, 2017. С. 46; *Он же*. В интересах народа... С. 66; Миронов С.М. Наша цель – создание сильного социального государства: по материалам выступлений 2023 г. / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: Ключ-С, 2024. С. 5.

Либерально-демократическая партия России

Россия видится как самодостаточное государство, основной враг которого США (и Запад вообще) и контролируемые ими международные организации (Трехсторонняя комиссия, МВФ). США, Мировое Правительство являются основным виновником крушения СССР и нынешних бед России. Вообще деятельность США рассматривается в духе теории заговоров: ее цель – установление мирового господства, на пути которого стоит Российская Федерация, превращаемая в полуколонию¹⁷. Подтверждением этому могут служить указанные ниже цитаты.

Россия расположена на Евразийском материке, самой большой и устойчивой части планеты. Она самодостаточна и по территории, и по природным ресурсам. Необходимо только квалифицированное управление развитием страны, оздоровление экономики и нравственного состояния общества¹⁸.

Однако основным препятствием для США в проведении такой политики стал Советский Союз (Россия). В то же время СССР (Россия) рассматривался не только как оппонент в осуществлении указанного глобального плана, но и как самый подходящий объект американского ограбления и международного территориального передела¹⁹.

Партия «Яблоко»

Лидером прогресса представители партии «Яблоко» считают Запад (прежде всего, Европу), ориентация на который является приоритетной²⁰. Референтность подтверждается следующей цитатой.

¹⁷ *Жириновский В.В.* Отомстим за Россию! М.: Изд. ЛДПР, 2000. С. 5, 11–12, 37; Россия – США: российская государственность как мишень мирового капитала. М.: Изд. ЛДПР, 2019. 112 с. URL: <https://hub.ldpr.ru/media/documents/d01dd70fc799ad5231f393d803a5015498e297db3856168933a13ab9e655d795.pdf> (дата обращения 28 марта 2025); Старшему поколению – достойную жизнь! М.: Изд. ЛДПР, 2022. С. 14–15; Курс на сильную и независимую Россию. М.: Изд. ЛДПР, 2022. С. 39–40; *Слуцкий Л.Э.* Только вместе // За русский народ. 2023. № 1-2 (98-99). С. 1.

¹⁸ *Жириновский В.В., Сидоров М.Н.* Политика и экономика для России. М.: Изд. Либерально-демократической партии России, 2007. С. 38.

¹⁹ *Жириновский В.В.* Отомстим за Россию!.. С. 19.

²⁰ *Коган-Ясный В.В.* Частное мнение о России – в трудном поиске смысла. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2016. С. 5–13, 22, 33, 39, 83; О Европейском пути России / Под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2014. С. 23.

Донесение четких позиций до общества: необходимость европейского пути развития для России и опасности отказа от демократических либеральных ценностей в пользу евразийства и традиционализма²¹.

В русле европейского пути должны следовать не только экономическая и политическая сферы России, но и духовная. Даже в нравственном плане Европейский Запад является примером²².

Однако не смотря на отношение к Западу как к источнику благодати прогресса и цивилизации, в публикациях представителей «Яблока» обнаруживаются упреки в нетерпимости к России, отказе от стратегически необходимого сотрудничества, нежелания вникать в суть происходящего и причастность к созданию корпоративно-олигархического государства в России²³.

В целом в политике Запада последние три десятилетия отсутствовали понимание и политическая стратегия будущего, к которому человечество могло бы стремиться²⁴.

Угадывается некая обида на Запад, который не оправдал возложенных на него надежд. Но как бы то ни было утверждается, что для России нет другого пути, кроме европейского²⁵.

Заключение

Учитывая обозначенный выше постулат о неизбежном отражении в публичном нарративе текущего положения дел, можно прийти к следующим выводам.

²¹ Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе / Под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2015. С. 222.

²² *Явлинский Г.А.* Потеря будущего. Время тревог и перемен. 2017. URL: https://www.yabloko.ru/files/poterya_web.pdf (дата обращения 28 марта 2025).

²³ Либеральные ценности и консервативный тренд... С. 62; Россия: история и современность: Лекции в Партийном университете. Право, политические процессы, общество, образование и культура, внешняя и оборонная политика / Под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2023. С. 15; *Явлинский Г.А.* Причины. Почему и как появилась политическая система, приведшая к 24 февраля 2022 года. М.: Медиум, 2022. С. 56.

²⁴ *Явлинский Г.А.* Причины... С. 64.

²⁵ Либеральные ценности и консервативный тренд... С. 47; *Явлинский Г.А.* Причины... С. 75.

1. Цивилизационная идентичность правящей элиты, которая представлена партией «Единая Россия», ситуативная и, скорее всего, зависит от характера взаимоотношений с элитами западных стран. Несомненно, эти отношения опосредуются экономическими интересами, потому как Запад, несмотря на все внешнеполитические перипетии, является основным экономическим партнером отечественной элиты и потребителем сырьевых товаров России. Так как нет однозначных маркеров того, что Азиатско-Тихоокеанский регион вообще и Китай в частности смогут полностью заместить государства Европы и Северной Америки в указанном смысле, то весьма велика вероятность возвращения публично декларируемой европейской ориентации российской элиты после изменения внешнеполитической конъюнктуры. Для иных сценариев пока нет экономических оснований.

2. Цивилизационная идентичность у системной оппозиции в целом идентична, как бы тавтологично это не звучало. Скорее всего, партии КПРФ, СР и ЛДПР состоят из профессиональных политиков, которые ориентируются исключительно на внутривнутриполитические процессы. Экономическими и иными отношениями с зарубежными странами, которые бы оказывали существенное влияние на их социальное положение, они не связаны. Помимо прочего, иностранные агенты влияния рассматриваются системной оппозицией как конкуренты, чьему влиянию они противопоставляют «ура-патриотическую» риторику, акцентируя внимание на уникальности российских условий.

3. Европейская ориентация «Яблока» заставляет предположить, что партия не является рупором крупной национальной буржуазии, ориентированной на внутренний рынок. Ниша тех, кто защищает интересы крупного бизнеса, ведущего внешнеэкономическую деятельность, уже прочно занята «Единой Россией».

Провозглашаемый либеральный политический порядок, как кажется, наиболее ценен для партии, выдавленной конкурентами со всех значимых политических позиций (коей и является «Яблоко»). Ведь ближайшими оппонентами в данном случае будут отечественные политические партии, а зарубежные силы далеки и непосредственно не ограничивают их притязания. Следовательно, провозглашение европейской идентичности России не угрожает политическому статусу «Яблока» в обозримом будущем, но указанные выше упреки в адрес политики стран Запада по отношению к Российской Федерации позволяют идеологически обосновать самостоятельность партии.

Литература

- Андреев, Березина 2023 – *Андреев А.Н., Березина А.В.* К вопросу о неопределенности нарративного анализа // Цивилизационные перемены в России: Материалы XIII Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург, 2023. С. 172–177.
- Блехер, Любарский 2003 – *Блехер Л.И., Любарский Г.Ю.* Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и нового средневековья. М.: Академический проект, 2003. 604 с.
- Брокмейер, Харре 2000 – *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
- Готлиб 2012 – *Готлиб А.С.* Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю советской социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 1 (91). С. 13–16.
- Готлиб 2013 – *Готлиб А.С.* Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
- Дейк 2013 – *Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
- Козырев 2020 – *Козырев М.С.* Особенности применения анализа документов к идеологическому материалу современной России при исследовании ее социальной структуры // Alma mater. 2020. № 9. С. 108–112.
- Лехциер 2013 – *Лехциер В.Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 5–8.
- Макинтайр 2000 – *Макинтайр А.* После добродетели. М.; Екатеринбург: Академический проект: Деловая книга, 2000. С. 291–292.
- Немчина Кандыба 2014 – *Немчина В.И., Кандыба В.Н.* Цивилизационная идентичность: основание пространственно-временной целостности России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 30–35.
- Парсонс 2002 – *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
- Поломошнов, Поломошнов 2020 – *Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А.* Национальная и цивилизационная идентичность как матрицы личностной идентификации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 3А. С. 88–99.
- Полухина, Просянюк 2015 – *Полухина Е.В., Просянюк Д.В.* Методы анализа текста в смешанном дизайне исследования // Политическая наука. 2015. № 2. С. 104–116.
- Салиева 2012 – *Салиева Л.К.* Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. 2012. № 3. С. 116–128.

- Страусс, Корбин 2001 – *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
- Троцук 2005 – *Троцук И.В.* Нарративный анализ в социологии: возможности практического применения: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 215 с.
- Braun, Clarke 2021 – *Braun V., Clarke V.* Can I use TA? Should I use TA? Should I not use TA? Comparing reflexive thematic analysis and other pattern-based qualitative analytic approaches // *Counselling and Psychotherapy Research*. 2021. № 21. P. 37–47.
- Eco 1994 – *Eco U.* Six walks in the fictional woods. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. 160 p.
- Wodak 1989 – *Wodak R.* (ed.). *Language, Power, and Ideology*. Amsterdam: Benjamins, 1989. 288 p.

References

- Andreev, A.N. and Berezina, A.V. (2023), “On the issue of uncertainty of narrative analysis”, *Tsivilizatsionnye peremeny v Rossii* [Civilizational changes in Russia. Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conf, Yekaterinburg Russia, pp. 172–177.
- Blekher, L.I. and Lyubarskii, G.Yu. (2003), *Glavnyi russkii spor: ot zapadnikov i slavyanofilov do globalizma i novogo srednevekov'ya* [The Main Russian Dispute. From Westernizers and Slavophiles to Globalism and the New Middle Ages], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Braun, V. and Clarke, V. (2021), “Can I use TA? Should I use TA? Should I not use TA? Comparing reflexive thematic analysis and other pattern-based qualitative analytic approaches”, *Counselling and Psychotherapy Research*, no. 21, pp. 37–47.
- Brokmejer, J. and Harre, R. (2000), “Narrative. The challenges and promises of one alternative paradigm”, *Voprosy Filosofii*, no. 3, pp. 29–42.
- Dejk, T. (2013), *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication], Librokom, Moscow, Russia.
- Eco, U. (1994), *Six walks in the fictional woods*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Gotlib, A.S. (2012), “Qualitative methodology, historical narrative, or is it possible to write the history of Soviet sociology ‘with a human face’”, *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, no. 1 (91), pp. 13–16.
- Gotlib, A.S. (2013), “Narrative analysis in the field of sociology: opportunities and usage problems”, *International Journal of Cultural Research*, no. 1 (10), pp. 9–14.
- Kozyrev, M.S. (2020), “Features of applying documents analysis to ideological material of modern Russia in study of it's social structure”, *Alma mater*, no. 9, pp. 108–112.

- Lekhtsier, V.L. (2013), "Narrative turn and the actuality of the narrative mind", *International Journal of Cultural Research*, no. 1 (10), pp. 5–8.
- Macintyre, A. (2000), *Posle dobrodeteli* [After virtue: A study of moral theory], Akademicheskii proekt, Delovaya kniga, Ekaterinburg, Russia, pp. 291–292.
- Nemchina, V.I. and Kandyba, V.N. (2014), "Civilization identity: foundation of the spatio-temporal integrity of Russia", *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 12, pp. 30–35.
- Parsons, T. (2002), *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On the structure of social action], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Polomoshnov, A.F. and Polomoshnov, P.A. (2020), "National and civilisational identity as personal identification matrices", *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection. Philosophy about the world and man], vol. 9, no. 3A, pp. 88–99.
- Polukhina, E.V. and Prosyanyuk, D.V. (2015), "Methods of text analysis in a mixed research design", *Political Science*, no. 2, pp. 104–116.
- Salieva, L.K. (2012), "Narrative analysis. History and the present. Application Areas", *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, no. 3, pp. 116–128.
- Strauss, A. and Korbin, J. (2001), *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research. Grounded Theory. Procedures and Techniques], Vasil'eva, T.S. (transl.), Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Trotsuk, I.V. (2005), *Narrative analysis in Sociology: practical application possibilities*, PhD Thesis, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Максим С. Козырев, кандидат философских наук, доцент, Академия управления МВД России, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8;

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; max-han@yandex.ru

Information about the author

Maksim S. Kozyrev, PhD, associate professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 8, Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh Street, Moscow, Russia, 125993;

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 117997; max-han@yandex.ru

УДК 316.4

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-68-80

Социально-политические позиции
художественной интеллигенции
как проявление ее социального потенциала

Демьян А. Цапко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, demzaza76@gmail.com*

Аннотация. Социальный потенциал художественной интеллигенции рассматривается через социально-политические позиции ее представителей, являющиеся результатом критического осмысления ими социальной реальности. Такое осмысление само по себе является важной процедурой для жизни общества, а возможности художественной интеллигенции применительно к нему имеют особые свойства, способные не только точно улавливать еще неочевидные риски, но и распространять конкретные социальные реакции посредством собственной творческой деятельности, зачастую носящей массовый характер. Результаты специализированного опроса, выявляющего социально-политические позиции художественной интеллигенции в сравнении с позициями всего населения, позволяют выявить ее роль в критическом осмыслении социальной реальности, и в этом смысле обозначить социальный потенциал этой группы.

Ключевые слова: художественная интеллигенция, общественный договор, социальный потенциал, социально-политические позиции

Для цитирования: Цапко Д.А. Социально-политические позиции художественной интеллигенции как проявление ее социального потенциала // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 68–80. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-68-80

Socio-political positions of the artistic intelligentsia
as an expression of its social potential

Demyan A. Tsapko

*Russian State University for the Humanities Moscow, Russia,
demzaza76@gmail.com*

Abstract. The social potential of the artistic intelligentsia is considered through the socio-political positions of its representatives, which are the result of their critical reflection on social reality. Such reflection is by itself

© Цапко Д.А., 2025

an important procedure for the life of society, and the abilities of the artistic intelligentsia thereto have special properties, that can not only accurately capture yet-unobvious risks but also disseminating specific social reactions through their own creative activities, which often have a mass character. The results of a specialized survey revealing the socio-political positions of the artistic intelligentsia in comparison with the positions of the entire population allow us to identify the role of the artistic intelligentsia in the critical understanding of social reality, and in that sense, to outline the social potential of the group.

Keywords: artistic intelligentsia, social contract, social potential, socio-political positions

For citation: Tsapko, D.A. (2025), "Socio-political positions of the artistic intelligentsia as an expression of its social potential", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 68–80, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-68-80

В отечественной социологической традиции интеллигенция всегда мыслилась субъектом культуры. Создание образцов, осмысление реальности, формирование норм и ценностей являются неотъемлемыми функциями этой социальной группы. Именно в них и заложен основной социальный потенциал. Однако интеллигенция, будучи неоднородной социальной группой, традиционно изучается в связке с профессиональной деятельностью ее представителей, а стало быть, и социальный потенциал каждой из подгрупп имеет свои особенности. Одной из таких групп является художественная интеллигенция, сфера деятельности представителей которой связана с культурой и творчеством. Рассмотреть ее социальный потенциал особенно интересно сейчас, когда российский народ переживает весь драматизм вовлеченности в военные действия, и перифраз «когда бьют пушки, музы не молчат»¹ возвращает себе актуальность. Художественной интеллигенции свойственно искать ответы на трудные вопросы, как отмечает Ж.Т. Тощенко: «Перед художественной интеллигенцией остро стоит вопрос, что делать, куда идти, каким образом реагировать на вызовы времени» [Тощенко 2025].

В рамках работы над грантом РНФ «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» (проект № 23-18-00093) под управлением чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко в 2024 г. были проведены опросные исследования по теме: «Оценка

¹ Первоначально *Inter arma silent Musae* (лат.).

населением состояния и тенденций общественного договора в современной России», репрезентирующие взрослое население страны по полу и возрасту, а также опрос 102 представителей художественной интеллигенции, выразивших мнение артистов, режиссеров, музыкантов и художников по тому же инструментарию.

Исследования были направлены на получение данных о текущем состоянии общественного договора [Тартыгашева 2023] между населением и государством (органами государственного управления, представителями официальной власти), в том числе в части определения степени согласия и доверия [Вдовиченко 2023] к государственным структурам и уточнения социально-политических взглядов россиян.

Сравнительный анализ данных демонстрирует возможности представителей художественной интеллигенции в осмыслении социальной реальности и трансляции актуальных проблем населения. Насколько эта группа сохраняет функции социального критицизма и гласа народа? На этот вопрос получить однозначный ответ довольно сложно, учитывая тот факт, что в 2022 г. часть художественной интеллигенции покинула страну и в наш опрос не попала. Численно оценить количество уехавших пока не представляется возможным, а соответственно и то, как теперь представлена российская художественная интеллигенция. Однако мнения тех, кто попал в опрос, способны пролить свет на большинство социально-политических позиций этой группы. Умозрительно их можно разделить на генеральные (или долгосрочные) и конкретные (или сиюминутные). К генеральным можно нести оценку хода всего развития страны, доверие к основным социально-политическим институтам. К конкретным – все то, что испытывает человек сейчас, что связано с его повседневностью.

*Оценка вектора развития
и социально-политических институтов
как проявление генеральных
социально-политических позиций*

Пожалуй единственным вопросом, продемонстрировавшим практически идентичные позиции народа и художественной интеллигенции, стал вопрос касающийся генерального порядка о направлении развития страны. Как и большинство россиян, 71% представителей этой группы считают, что страна развивается «в правильном направлении» (рис. 1).

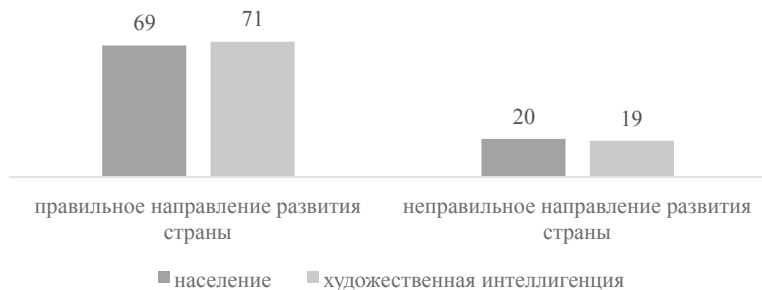

Рис. 1. Направление развития страны
(в % от опрошенных)

Такое единодушие во многом отражает общие настроения единства и патриотического подъема на фоне беспрецедентных внешнеполитических и экономических вызовов, с которыми столкнулась страна. Однако вопросы, декомпозировавшие столь фундаментальные заявления, продемонстрировали сложность восприятия социальной реальности представителей художественной интеллигенции. Так, если доверие Президенту Российской Федерации было предельно близким (70% – все населения, 69% – художественная интеллигенция), то недоверие проявилось заметно больше именно у работников культуры (16 и 23% соответственно) (рис. 2).

Рис. 2. Доверие Президенту Российской Федерации
(в % от опрошенных)

По отношению к Правительству страны проявляется большая радикализация мнений интеллигенции. Ее представители явно не хотят укрываться за формулировками «затрудняюсь ответить» или «безразличен», стремясь выразить свою оценку происходящему и деятельности власть предрежащих.

Тогда как в ответах на вопрос о доверии Армии художественная интеллигенция была мало похожа на остальных россиян. И хотя доверяющих Армии артистов и художников больше, нежели не доверяющих ей, каждый третий представитель этой группы заявил о своем недоверии (рис. 3).

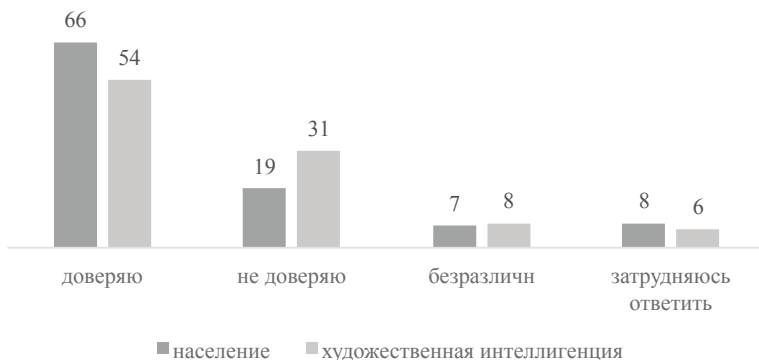

Рис. 3. Доверие армии (в % от опрошенных)

Представители художественной интеллигенции всегда были далеки от военного дела. Большая часть из них избежала службы в армии. Примеры совмещения этих двух сфер деятельности в истории носят скорее исключительный характер, хотя и нельзя забывать о массовом участии деятелей культуры в Великой Отечественной войне. Десятилетия мирной жизни сделали их подвиг почти мифическим на фоне распространения в интеллигентских кругах пацифистских идей. Вера в то, что все можно решить дипломатически, не стимулирует доверия к такому институту как Армия в принципе. Социальная группа, которой свойственна рефлексия, проблематизация и постоянное соотнесение себя, продукта своего умственного труда, своей творческой деятельности с окружающим миром, в моменты изменения самой структуры этого самого мира, испытывает кризис мировосприятия и самоопределения. Отсюда и берется это повышенное, по сравнению с представителями других социальных групп, недоверие к армии. Ведь она сегодня является

«триггером» больших изменений. Тем не менее серьезного разрыва с мнением народа художественная интеллигенция не демонстрирует и в этом вопросе.

В оценке источника основных угроз для страны работники культуры не так солидарны с остальным населением. Несмотря на похожие распределения ответов, где большинство считает, что основные угрозы исходят из-за рубежа (55% – все население, 48% – художественная интеллигенция), представители изучаемой группы чаще видят опасность, находящуюся внутри страны (29 и 33% соответственно). Способность к рефлексии дает возможность разглядеть скрытые угрозы и быстрее артикулировать риски, которые еще могут быть неочевидными.

Возможно именно поэтому художественная интеллигенция заметно более сдержанна в отношении поддержки существующей власти, чем остальные россияне (рис. 4).

Рис. 4. Солидарность с суждениями о поддержке власти (в % от опрошенных)

Однако, несмотря на социальный критицизм, имманентный интеллигенции в целом, 63% представителей этой группы считают, что нынешнюю власть можно поддерживать, по крайней мере в вопросах, одобряемых большинством.

Внешние вызовы способствовали консолидации разных групп российского общества и отразились в суждениях, связанных с влиянием, оказываемым международными экономическими санкциями, на жизнь в нашей стране (рис. 5).

Основная идея большинства суждений, озвученных представителями художественной интеллигенции, сводится к тому, что агрессивная политика недружественных стран заставила произвести

переоценку и собственных стратегий, и тактических экономических задач, и представлений о партнерстве. Наиболее популярным для всех участников опроса стало суждение о том, что санкции заставляют политиков и бизнес развивать отечественную промышленность и сельское хозяйство. Причем работники культуры выбрали этот ответ заметно чаще (около 40%, остальное население – 32%).

Рис. 5. Влияние, оказываемое введенными США и Европой санкциями, на жизнь в нашей стране (в % от опрошенных)

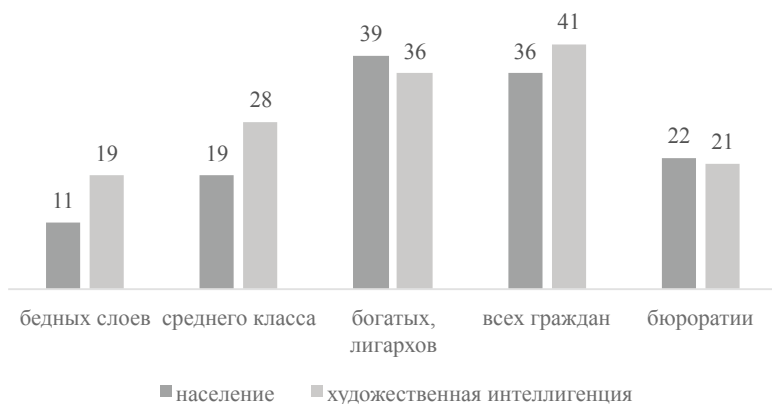
Социально-политические позиции по конкретным вопросам

Другое дело оценка сиюминутной ситуации. В ней проявляется целый спектр возможных интерпретаций и заблуждений. Сама формулировка вопроса, содержащая словосочетание «внутренняя политическая ситуация», может увести часть респондентов в сторону

ассоциаций с политической напряженностью как таковой, включая СВО. Для интеллигенции как для группы преимущественно высокообразованных граждан больше шансов свойственно точнее отвечать на столь щекотливый вопрос. Возможно именно поэтому в среде работников культуры он вызвал больше оценок, характеризующих сложившуюся в настоящее время внутреннюю политическую ситуацию как «спокойную, нормальную», чем у остальных россиян. Тем не менее каждый пятый (и среди всего населения, и в среде работников культуры) считает ситуацию напряженной, критической.

Ключом к пониманию оснований формирования социально-политических позиций могут являться представления о том, в чьих интересах функционирует государство. И в этом вопросе проявляется много интересных особенностей в суждениях представителей художественной интеллигенции. С одной стороны, распределения ответов на соответствующий вопрос похожи. С другой – налицо более сдержанная позиция. Так, если большая часть ответов представителей широких слоев населения связана с убежденностью в том, что Российское государство выражает и защищает интересы богатых людей вообще и олигархов в частности, и лишь на втором месте стоит ответ, указывающий на защиту интересов всех граждан, то работники культуры чаще признают работу государства для всех. Примечательно, что каждый третий представитель художественной интеллигенции отмечал, что государство защищает интересы среднего класса, тем более, что большинство из них к нему и относятся. И наряду с достаточно проявившейся солидарностью с большинством граждан в ответах о поддержке олигархов и чиновников, заметным оказался процент ответов о том, что государство нацелено на защиту бедных слоев. Таким образом, работники культуры в отличие от недавнего прошлого чувствуют определенную поддержку государства и не считают зазорным признаться в этом (рис. 6).

Выявление актуальных для человека проблем является одновременно важной социологической задачей как для интерпретации генеральных позиций, так и для понимания их формирования. Проведенный опрос предполагал деление проблем на возникающие на работе и те, с которыми сталкивается человек по месту жительства. Среди рабочих проблем при сравнении с ответами всех россиян особенно выделяются те из них, которые связаны с большей рефлексией и осведомленностью о возможностях эффективного сотрудничества и стимулирования труда. Наиболее ярко это проявилось в оценках оплаты труда, предоставления социальных льгот и общей организации труда, где количество упоминаний со стороны художественной интеллигенции существенно больше (табл. 1).

*Рис. 6. Интересы, выражаемые и защищаемые сегодня
Российским государством
(в % от опрошенных)*

Таблица 1

*Наиболее волнующие проблемы по месту работы
(в % от опрошенных)*

Ответы	Население	Художественная интеллигенция
Отсутствие социальных льгот	15	19
Низкая оплата труда	39	53
Опасение потерять работу	13	20
Плохое медицинское обслуживание	13	19
Отдаленность работы от дома	13	17
Плохая организация труда	7	16
Нет перспективы в работе, профессиональной карьере	14	16
Особых проблем нет	17	15
Неясность в оплате труда	12	15
Нет нормальных отношений с руководством	8	9
Работа не нравится (однообразный, неинтересный труд)	9	8
Плохие взаимоотношения в коллективе	4	6

Что касается проблем, волнующих россиян по месту жительства, то доля ответов работников культуры, касающаяся бытовых неурядиц, была несколько ниже, чем у всего населения, хотя и заняла лидирующие позиции. А вот проблемы, связанные с духовной жизнью и безопасностью, демонстрировали большую активность художественной интеллигенции: проблема обучения детей, отсутствие условий культурной жизни и организации досуга, криминальная обстановка, отсутствие личной безопасности (табл. 2).

Таблица 2

Проблемы места жительства
(в % от опрошенных)

Ответы	Население	Художественная интеллигенция
Жилищно-коммунальные проблемы (Проблемы в сфере ЖКХ)	64	57
Проблемы здравоохранения	61	50
Проблемы обучения детей	23	29
Плохое транспортное сообщение	21	19
Отсутствие условий культурной жизни, организации досуга	5	8
Отсутствие условий для занятия физкультурой и спортом	3	3
Плохая экология	23	19
Криминальная обстановка	10	14
Отсутствие личной безопасности	7	10
Ничего не волнует	6	3
Затрудняюсь ответить	3	8

Вся совокупность показателей, представленных выше, ярко отражается в ответах на вопрос «Какие чувства Вы испытываете в последнее время?», который вполне может выступать своего рода квинтэссенцией социального самочувствия в конкретный момент. Практически по всем вариантам ответов на этот вопрос было получено больше ответов от работников культуры, как с положительными коннотациями, так и с отрицательными. Представители художественной интеллигенции и здесь не пытались уйти от конкретного ответа в отличие от других респондентов. Но вот чего не

чувствуют сейчас работники культуры, так это «беспомощности». Такой ответ был одним из самых непопулярных в этой группе, уступая только «стыду за нынешнее состояние своей страны». Это еще раз демонстрирует готовность интеллигенции четко проявить свою позицию в сложное для страны и ее народа время, хотя и далеко от полного единства.

Финализировать рассмотрение сиюминутных социально-политических позиций художественной интеллигенции можно суждениями представителей этой группы о том, что сегодня вызывает чувство гордости за страну. И в этом вопросе весьма ярко проявились тенденции, описанные выше. Независимо от политических убеждений, а также разницы в отношении к действующей власти и ее деятельности количество значимых ответов на соответствующий вопрос у работников культуры было большим, чем у всего остального населения. Исключением стала Армия, которая немногим реже называлась в качестве повода для гордости. Впрочем, и ее назвал каждый третий представитель художественной интеллигенции.

Заключение

Сравнительный анализ социально-политических позиций населения Российской Федерации и представителей конкретной социальной группы – художественной интеллигенции – позволил выявить сохранение основных ее характеристик, которые и создают особый социальный потенциал, несмотря на все разговоры о смерти интеллигенции в принципе. К таким характеристикам можно отнести на генеральном уровне социальный критицизм, проявляющийся в требовательном отношении к деятельности власти и строгой ее оценке; способности разглядеть и артикулировать риски; детализировать угрозы; определить собственное отношение к социально-политической реальности и занять конкретную позицию, адекватную собственным убеждениям. В настоящее время представители художественной интеллигенции готовы ответить на вопрос классика «С кем вы, мастера культуры?» пусть и не единодушно. И это особенно важно, ведь по роду своей профессиональной деятельности работники культуры являются трансляторами идей, в том числе социально-политических.

На уровне конкретных сиюминутных социально-политической позиции особенности художественной интеллигенции проявились в заботе о духовной жизни своей и будущих поколений, в стремлении к эффективной организации труда, в поиске ответов на

классические вопросы, любимые русской художественной интеллигенцией, «Кто виноват?» и «Что делать?».

В функции осмысления социальной реальности, выраженной в социально-политических позициях как генерального стратегического, так и вполне житейского сиюминутного уровня, скрывается важная составляющая социального потенциала художественной интеллигенции.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project “The fates of the social contract in Russia. Evolution of ideas and lessons of implementation”, no. 23-18-00093.

Литература

- Вдовиченко 2023 – *Вдовиченко Л.Н.* Доверие как важный фактор социальной стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 64–72. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-64-72.
- Тартыгашева 2023 – *Тартыгашева Г.В.* Идея общественного договора в трудах Томаса Гоббса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 89–99. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-89-99.
- Тощенко 2025 – *Тощенко Ж.Т.* Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.

References

- Tartygasheva, G.V. (2023), “The idea of a social contract in the writings of Thomas Hobbes”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 89–99, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-89-99.
- Toshchenko, Zh.T. (2025), *Sud'by obshchestvennogo dogovora v Rossii: evolyutsiya idei i uroki realizatsii* [The fates of the social contract in Russia. Evolution of ideas and lessons of implementation], FNISTS RAN, Moscow, Russia.

Vdovichenko, L.N. (2023), "Trust as an important factor of social stability", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 64–72, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-64-72.

Информация об авторе

Демьян А. Цапко, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; demzaza76@gmail.com

Information about the author

Demyan A. Tsapko, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; demzaza76@gmail.com

Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений

Анна А. Голосеева

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, goloseyeva@yandex.ru*

Андрей А. Хохлов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, hohlov@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена социальной мобилизации и его оценке как фактора поступательного развития государства. За основу берется концептуальный подход Г. Блумера, подразумевающий, что любая деятельность, направленная на поддержание общности, является социальной мобилизацией.

Анализируется влияние на процессы социальной мобилизации новых технологий распространения информации и медиатизации политической жизни в государствах современного типа. Более подробно рассматриваются отдельные типы социальной мобилизации, выделенные авторами: институциональная, протестная, гибридная и спонтанная.

Делается вывод о том, что российский опыт дает возможность предполагать особую роль мобилизации в жизни государства, отличную от европейских аналогов. Это связано с тем, что в современной России на протяжении многих лет пространство политической активности постепенно переходило под контроль государства, а после начала СВО в 2022 г. публичные гражданские инициативы групп, не подконтрольных чиновникам и неодобряемые государственной властью, оказались вне легального правового поля. В связи с этим, с одной стороны, мы наблюдаем патриотическую самоорганизацию вокруг добровольной помощи участникам боевых действий. С другой стороны, часть общества сосредоточена на решении частных, бытовых проблем, а ее участие в политической жизни страны трансформируется в некие ритуальные действия. Здесь социальная мобилизация приобретает специфические формы: спонтанные всплески, триггерами которых выступают неполитические поводы, вызывающие массовое возмущение (случаи жестокого обращения с животными или экологические бедствия и т. д.).

Ключевые слова: социальная мобилизация, гражданский активизм, гражданское общество

© Голосеева А.А., Хохлов А.А., 2025

Для цитирования: Голосеева А.А., Хохлов А.А. Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 81–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93

Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change

Anna A. Goloseeva

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, goloseyeva@yandex.ru*

Andrey A. Khokhlov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, hohlov@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the phenomenon of social mobilization and its assessment as a factor of progressive development of the state. It is based on the conceptual approach of H. Bloomer, which implies that any activity aimed at maintaining community is social mobilization.

It analyzes the influence of new information dissemination technologies and the mediatization of political life in modern states on the processes of social mobilization. The individual types of social mobilization identified by the authors are considered in more detail: institutional, protest, hybrid and spontaneous.

It is concluded that the Russian experience makes it possible to assume a special role of mobilization in the life of the state, which differs from its European counterparts. This is due to the fact that in modern Russia, over the years, the space of political activity has gradually come under the control of the state, and after the start of the Special military operation in 2022, public civic initiatives of groups beyond the control of officials and disapproved of by state authorities have been outside the legal right field. Regarded thereto on the one hand, we are witnessing patriotic self-organization around voluntary assistance to participants in hostilities. On the other hand, a part of society is focused on solving private, everyday emergencies, and its participation in the political life of the country is transformed into some kind of ritual actions. Here, social mobilization takes on specific forms: spontaneous outbursts triggered by non-political causes that cause mass outrage (cases of animal cruelty or environmental disasters, etc.).

Keywords: social mobilization, civic activism, civil society

For citation: Goloseyeva, A.A. and Khokhlov, A.A. (2024), "Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 81–93, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93

В современном мире мы наблюдаем разнообразные социальные активности: от деятельности волонтерских групп до сообществ политически ангажированных граждан. Коллективные действия больших и малых контингентов населения являются частью социально-политического ландшафта разных стран, при этом различия наблюдаются только в формах социально-политического поведения, независимо от типа политического режима.

В связи с этим возникает несколько вопросов: являются ли упомянутые активности фактором поступательного развития государства, и все ли эти группы и движения можно отнести к агентам социальной мобилизации? Можем ли мы рассматривать целенаправленные усилия государственных структур по организации общества на мобилизационной основе как одну из форм социальной мобилизации или мы имеем дело с другим социальным феноменом?

Следует отметить, что в российской и зарубежной научной литературе подходы к интерпретации феномена социальной мобилизации несколько отличаются. В отечественной науке еще с советских времен мобилизация, как правило, рассматривается как результат массового поведения под воздействием политических сил. Если обратиться к Социологическому словарю, то обнаружим следующее определение мобилизации: «...направленный процесс активизации масс для решения чрезвычайных военных, экономических, политических и других целей»¹. А в западных источниках акцент смещен на деятельность негосударственных организаций и сообществ.

В своем анализе мы опираемся на концептуальный подход Г. Блумера, который сделал вывод о том, что любая деятельность, направленная на поддержание общности, является социальной мобилизацией. Блумер придавал большое значение ценностно-мировоззренческой составляющей коллективного действия и групповой сплоченности, необходимой для конструирования проблемной ситуации [Blumer 1969].

¹ Большой толковый социологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/social_dict/%D0%9C%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения 9 марта 2025).

Основными элементами социальной мобилизации являются гражданский активизм, практики местного самоуправления, конструктивный протест против злоупотребления властью чиновниками. В процессе взаимодействия общества и государственных структур проявляется субъект активного действия. Таким субъектом могут выступать большие людские контингенты и малые сообщества: всевозможные движения социальной направленности – волонтеры, участники НКО и прочие социальные и политические активисты – формируют динамичное и деятельное гражданское общество, которое придает государственным институтам устойчивость.

Социальная мобилизация возможна в условиях, когда индивиды идентифицируют себя с конкретным социумом. В противном случае им незачем мобилизовываться, нечего поддерживать и нет нужды протестовать. Другими словами, мобилизация любых видов имеет смысл только тогда, когда граждане осознают свою принадлежность какому-либо сообществу.

Принято условное деление социальной мобилизации на позитивную и негативную.

Применительно к массовому обществу можно говорить о крупных социальных движениях, над которыми пытаются установить контроль властные группы в недемократических государствах, и в этом случае осуществляется «тотальная мобилизация» [Юнгер 2000], характерная для тоталитарных и авторитарных систем. Поскольку исторические примеры позволяют нам говорить о недолговечности политических режимов, основанных на тотальной мобилизации, логично определять этот вид коллективного поведения как условно негативный. Сохранение сегодня отдельных политических режимов закрытого типа (Куба, КНДР), где осуществляется государственный контроль над многими сферами жизни граждан, но импульс тотальной мобилизации «затух», может служить подтверждением тезиса о негативных результатах такого типа социально-политической организации.

Что касается тех государств, в которых институциональная структура участия граждан в политике предполагает постоянное обновление и расширение форм демократического вовлечения различных групп и сообществ в политический процесс, то такую мобилизацию можно охарактеризовать как условно позитивную.

Хотя те, кто разделяет взгляды Юнгера на тотальную мобилизацию, могут утверждать, что государственная власть, устанавливая контроль за поведением масс, обеспечивает общественный порядок и политическую стабильность; следовательно, такая мобилизация позитивна. Впрочем, подобные идеи, в которых принуждение к

повиновению власти и культ войны и техники рассматривались как универсальный способ организации миропорядка, сегодня уже мало кого вдохновляют.

Цель данной статьи – проанализировать различные типы социальной мобилизации с точки зрения эффективности политического администрирования и перспектив устойчивого развития государства и общества.

Медиатизация как фактор социальной мобилизации

Значительное влияние на социальную мобилизацию оказывают новые технологии распространения информации и медиатизация политической жизни в государствах современного типа. Поскольку мы живем в эпоху информационного общества, то невозможно игнорировать влияние медиа на политические и социальные установки граждан, в том числе и на протестные. Совершенствование цифровых технологий значительно упростило способы информационно-психологического воздействия на сознание современного человека. Особенно интересны локальные конфликты, которые благодаря социальным сетям мгновенно становятся частью общенациональной политической повестки. Например, инцидент с решением властей дать добро на строительство храма в сквере в Екатеринбурге в 2019 г. приобрел широкую известность благодаря медийной активности участников конфликта. Отечественные исследователи выявили корреляцию между скоростью распространения информации о событии и активностью популярных медийных (сетевых) акторов [Гавра, Быкова 2021]. Достаточно небольшого числа активистов, чтобы медиатизация события пошла быстрее. Сетевые активисты способны перевести виртуальное недовольство в офлайн-формат, тем самым расширяя базу протеста.

Медиатизация может быть представлена как «надстройка» над социальной реальностью, но она обладает особыми характеристиками и смыслами.

Медиапространство... особая реальность, являющаяся частью социального пространства и организующая социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации [Юдина 2008, с. 151].

Типы социальной мобилизации

Нам представляется логичным выделить несколько условных типов социальной мобилизации: институциональную, протестную, гибридную и спонтанную.

Институциональная мобилизация подразумевает процесс конструктивного взаимодействия граждан и власти в формате участия в политических процессах. В демократиях современного типа институциональная мобилизация является условием самообновления и развития общественно-политической системы и укрепления институтов демократии.

Институциональная мобилизация охватывает социальную и политическую активность, не наносящую ущерба государственно-политической системе, но способствующую установлению более конструктивных отношений между властью и обществом. Недовольство отдельных групп граждан не становится ресурсом разрушительной протестной активности, но остается в правовом поле и способствует росту эффективности диалога власти и общества.

В научной литературе гражданское общество обычно рассматривается как совокупность добровольно сформировавшихся организаций, в которых осуществляется самодеятельная активность граждан. Само гражданское общество здесь является средой, в которой формируются механизмы социальной мобилизации. Активные граждане, будучи субъектами социальной мобилизации, самым непосредственным образом участвуют в политическом процессе, понимаемом как рационально организованное взаимодействие между гражданским обществом и структурами государственной власти [Великая 2022, с. 64].

Здесь уместно вспомнить мысли В. Парето о том, что социальная мобилизация – необходимое условие для самосохранения общества [Pareto 2017]. Если власть поощряет социальную активность граждан, то мобилизационные флуктуации способствуют появлению новых форм групповой идентичности и более совершенных элементов институционального дизайна.

Однако, кроме мобилизации гражданской, необходимо отметить и государственную мобилизацию. Последняя означает целенаправленные усилия властных структур, пытающихся формировать лояльные правительству настроения в обществе. Любые провластные массовые мероприятия, это и есть мобилизация «сверху». Для того чтобы мобилизация, инициированная государственными структурами, была эффективной, требуется идеологическая индоктринация ее агентов.

Протестная мобилизация включает все формы протестной активности, включая и революционные акции. В последнем варианте

происходит разбалансировка государственной системы, а в обществе нарастают деструктивные тенденции. Как правило, подобные процессы характерны для закрытых и ригидных политических систем.

Неэффективная и репрессивная государственная политика провоцирует относительную депривацию в обществе, что может вызвать волны общественного возмущения разрушительной силы. Тогда социальная мобилизация развивается по негативному для власти сценарию.

Согласно теории «мобилизации ресурсов» негативная общественная активность возникает в ситуации, когда накапливается социальное раздражение и сформированы организационные условия для развития коллективного протеста. Сама эта теория указывает на очевидные факторы, способствующие росту протестных движений: понятно, что «дыма без огня» не бывает и для социального недовольства должны быть в наличии соответствующие обстоятельства.

Протестное поведение достаточно хорошо изучено [Артюхина 2017; Костюшев 2011]. Традиционно протест понимается как коллективные действия, вызванные социальной напряженностью и социальным недовольством граждан политическим курсом и условиями жизни.

Довольно популярны в среде специалистов по политическим наукам различные вариации теории социальной депривации, которая рассматривает конфликт как разрыв между ожиданиями индивидов и возможностями для их исполнения. В принципе, протестные настроения могут служить «обратной связью» для власти, которая получает сигнал от общества, что существуют определенные проблемы, которые необходимо срочно решать. Гораздо хуже, когда таких сигналов нет, и правительство вынуждено ориентироваться на собственные или экспертные мнения, что ведет к накоплению административных и стратегических ошибок. В определенных обстоятельствах, когда властная группа перестает получать «обратную связь» от общества и злоупотребляет репрессивными мерами контроля над политическим процессом, спонтанная самоорганизация граждан перерастает в стихийные антиправительственные выступления. Так, например, массовые митинги в Москве в августе 1991 г. – это реакция активной части общества на попытку государственного переворота в СССР. Стихийный протест способствовал радикальной смене не только правительства, но и общественно-политического строя.

В системах с недостаточно прочными демократическими традициями средний класс может быть драйвером протестной (нега-

тивной) мобилизации, которая ведет к расшатыванию устоев политической системы, а не к их укреплению. Подобные активности были заметны в России в 2011–2012 и 2019–2020 гг. А в соседней Украине привели к сносу политического режима в 2014 г.

Что касается форм коллективной активности, то мы согласны с подходом Р. Дарендорфа, который утверждал, что и конфликтная, и консенсусная формы мобилизации одинаково важны для устойчивого функционирования государственно-политической системы. Ведь чтобы обеспечить консенсус в обществе, необходим конструктивный диалог и согласование интересов разных социальных групп. В определенном смысле конфликт является не только «сигналом» о проблеме, адресуемом структурам власти, но также источником самообновления общественного организма.

В ситуации острого политического кризиса и резкого ослабления правящей группы стихийные протесты привлекают внимание политических акторов, заинтересованных в дестабилизации государственного аппарата. Тогда мы имеем дело с *гибридной мобилизацией*.

Под гибридной мобилизацией мы понимаем целенаправленное воздействие внешних (иностраных) политических субъектов на общественное сознание другого государства с целью манипулирования социальными противоречиями ради достижения политических целей невоенными средствами. Такое воздействие носит агрессивный характер, а субъекты агрессии сохраняют анонимность. При этом гибридное воздействие на массовое сознание осуществляется с помощью новейших технологических и коммуникационных ресурсов.

К распространенным видам гибридной агрессии можно отнести и деструктивные действия в сети Интернет. При этом данные действия реализуют как государства, так и различные группы местных политических радикалов и даже экстерриториальные организации, включая террористические сообщества.

Сетевой формат подрывных действий проявился отчетливо в период «арабской весны», когда под угрозой оказались многие авторитарные режимы Ближнего Востока. Субъекты тогдашних массовых протестов против действующей власти до сих пор остаются в информационной «тени», несмотря на большое количество данных, собранных исследователями политических процессов.

Примеры гибридной мобилизации на территории бывшего СССР можно обнаружить в Кыргызстане, где было три государственных переворота; последний – в 2020 г.; в Грузии в 2003 г. (революция роз); на Украине в 2004 г. (цветная революция) и в период «Евромайдана» в 2014 г.

Социальная мобилизация в России в контексте трансформации политического режима

В современной России на протяжении многих лет пространство политической активности постепенно переходило под контроль государства, а после начала СВО в 2022 г. социальная мобилизация приобрела специфические формы.

С помощью медийных машин государственная власть стремится формировать общенациональную сплоченность, которая строится «поверх» социальной солидарности, этнокультурной идентичности и политических предпочтений. Однако переживание стресса от столкновения с новыми реалиями – СВО, инфляция, трудности планирования личного будущего – заставляет граждан сосредотачиваться на решении частных, бытовых проблем. Участие в политической жизни страны неизбежно трансформируется в некие ритуальные действия: демонстрация социально одобряемого поведения и лояльности власти во время голосования на выборах федерального уровня.

С одной стороны, мы наблюдаем определенную патриотическую самоорганизацию вокруг добровольной помощи участникам боевых действий: сбор гуманитарной помощи и средств на экипировку, письма поддержки, изготовление окопных свечей, маскировочных сетей и т. д.

С другой стороны, публичные гражданские инициативы групп, не подконтрольных чиновникам и неодобряемых государственной властью, оказались вне легального правового поля. Это касается и выражения практически любых форм протеста. Ярким примером является присвоение статуса иноагента активистке движения жен мобилизованных участников СВО «Путь домой» М. Андреевой².

Можно вспомнить гипотезу Лазарсфельда, согласно которой социальные невзгоды, переживания депрессии и неуверенности в своем будущем способствуют росту социальной аномии и социальной сегрегации. В российском обществе сокращение сферы публичной политики и невозможность заниматься оппозиционной политической работой стали причиной канализации общественной активности в другие области социальной жизни [Левичева, Диманс 2023, с. 78–79]. Можно наблюдать спонтанные всплески общественной мобилизации, триггерами которых выступают неполитические

²Екатерину Дунцову и Марину Литвинович признали иноагентами // ТАСС. 2024. 31 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20963993> (дата обращения 9 марта 2025).

поводы, вызывающие массовое возмущение. Например, случаи жестокого обращения с животными (поиски кота Твикса, выброшенного из поезда, общественное расследование обстоятельств гибели животного³) или экологические бедствия (уборка мазута на пляжах Краснодарского края⁴) мобилизуют активных граждан.

Несмотря на спонтанный характер такого коллективного поведения, его можно отнести к особенностям функционирования российского гражданского общества. Это соответствует концепции российского гражданского общества Б. Капустина, согласно которой им следует считать любое ситуационное объединение граждан, собравшихся ради решения проблемы или конфликта локального значения [Капустин 2011, с. 23–25]. Следовательно, приведенные выше примеры проявлений гражданских инициатив, логично обозначить как оригинальный тип социальной мобилизации. Конечно, «мерцающий» характер и недолговечность подобной активности по формальным признакам не позволяет исследователям поместить эту активность в жесткие институциональные рамки. Тем не менее именно такая коллективная активность оказывает влияние на политические институты, защищая их от эрозии.

Заключение

Мобилизация может иметь как позитивный, так и негативный смысл, в зависимости от точки зрения наблюдателя или участника событий. Поскольку речь идет об идеях, которые представляют собой трудную для анализа переменную, то степень субъективности оценок мобилизации варьируется в максимально представимом диапазоне. Те формы и типы социальной мобилизации, которые обеспечивают политическую стабильность в обществах западной демократии, не обязательно должны восприниматься в качестве универсальных моделей коллективных активностей.

Российский опыт дает возможность предполагать особую роль мобилизации в жизни государства, отличную от европейских аналогов. Например, уход в волонтерскую деятельность, экологическая активность – все это является социальной мобилизацией.

³ Выбросившую кота из поезда проводницу отстранили от работы // РБК. 2024. 23 января. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2024/65af6fe69a7947b71ebac9ce> (дата обращения 9 марта 2025).

⁴ В Анапе выросло количество техники и волонтеров // Вести Кубань. 2025. 4 января. URL: <https://kubantv.ru/obshhestvo/v-anape-vyroslo-kolichestvo-texniki-i-volonterov> (дата обращения 9 марта 2025).

Но эти активности существуют как бы параллельно с политикой государственной власти. В каком-то смысле мы можем сравнивать нынешние типы самомобилизации граждан с той низовой общественной деятельностью (кружки по интересам, неформальные объединения, клубы самодетельной песни и т. д.), которая была характерна для позднесоветского времени. То есть это тоже социальная мобилизация, но она не способствует укреплению институционального каркаса государственно-политической системы. Надо сказать, что и государственная власть настороженно относится к низовым социальным инициативам. Власть пытается строить собственные управленческие «вертикали» и контролировать гражданскую мобилизацию с помощью идеологических конструктов.

Литература

- Артюхина 2017 – *Артюхина В.А.* Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30–34.
- Великая 2022 – *Великая Н.М.* Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 59–71. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-59-71.
- Гавра, Быкова 2021 – *Гавра Д.П., Быкова Е.В.* Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 2. С. 3–24.
- Капустин 2011 – *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом Государственного университета – ВШЭ, 2011. 224 с.
- Костюшев 2011 – *Костюшев В.В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.
- Левичева, Диманс 2023 – *Левичева В.Ф., Диманс С.Л.* Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 73–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-73-83.
- Юдина 2008 – *Юдина Е.Н.* Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 151–154.
- Юнгер 2000 – *Юнгер Э.* Тотальная мобилизация // Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000. С. 441–470.
- Blumer 1969 – *Blumer H.* Social Movements // Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective / Ed. By B. McLaughlin. N.Y.: Free Press, 1969. 497 p.
- Pareto 2017 – *Pareto V.* The rise and fall of elites. London and New York: Reutledge, Taylor and Francis Group, 2017. 120 p.

References

- Artyukhina, V.A. (2017) "Understanding social protest in modern sociology. An analysis of basic approaches", *Sociological Research*, no. 11, pp. 30–34.
- Blumer, H. (1969) "Social Movements", McLaughlin, B. (ed.), *Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective*, Free Press, N.Y., USA.
- Gavra, D.P. and Bykova, E.V. (2021), "Mediatized protest mobilization in social networks. Algorithms for constructing speech strategies", *Bulletin of the Moscow University, series 10 "Journalism"*, no. 2, pp. 3–24.
- Капустин, В.Г. (2011), "*Grazhdanstvo I grazhdanskoye obshchestvo*" [Citizenship and Civil Society], Izd. dom Gosudarstvennogo universiteta – VshE, Moscow, Russia.
- Kostyushev, V.V. (2011), "Social protest in the field of politics. Potential, repertoire, discourse (experience of theoretical interpretation and empirical verification)", *Polis. Political research*, no. 4, pp. 144–157.
- Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), "Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 73–83, DOI: 10.28995/2073- 6401-2023-2-73-83.
- Pareto, V. (2017), *The rise and fall of elites*, Reutledge, Taylor and Francis Group, London and New York.
- Velikaya, N.M. (2020), "Public legitimization of political power in the context of transformation of civil society in modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 59–71, DOI: 10.28995/2073- 6401-2022-3-59-71.
- Yudina, E.N. (2008), "Media space as a new sociological category", *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the 21st century], no. 2, pp. 151–154.
- Junger, E. (2000), "Total mobilization", Junger, E. *Rabochii. Gospodstvo I geshtal't. Total'naya mobilizatsiya; O boli.* [The Worker. Dominance and gestalt. Total mobilization; About pain], Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 441–470.

Информация об авторах

Анна А. Голосеева, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиневой, д. 6, стр. 1; goloseyeva@yandex.ru

Андрей А. Хохлов, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; hohlov@rggu.ru

Information about the authors

Anna A. Goloseyeva, Cand. Of Sci. (History), associate professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; bld. 6 (1), Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; goloseyeva@yandex.ru

Andrey A. Khokhlov, Cand. Of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; hohlov@rggu.ru

УДК 316.6(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-94-104

Представления московского студенчества
о будущем России
как основание участия в различных формах
гражданской активности

Елена А. Ирсетская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, e.irs@rggu.ru*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность изучения проблемы повышения гражданской активности населения, а также необходимости увеличения обеспечения участия молодежи в современных социально-политических процессах. Анализируются результаты двух волн исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2023 и 2024 гг. Основное внимание уделено анализу вовлеченности в социально-политические практики студенческой молодежи в зависимости от позитивных и негативных представлений о возможном будущем развитии России. Показаны изменения в динамике представлений московских студентов о сценариях развития России на протяжении 2023 и 2024 гг. Особо отмечено выявленное влияние гендерных характеристик студенческой молодежи на представления и оценки будущего развития страны.

Ключевые слова: гражданская активность, студенческая молодежь, будущее России

Для цитирования: Ирсетская Е.А. Представления московского студенчества о будущем России как основание участия в различных формах гражданской активности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 94–104. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-94-104

© Ирсетская Е.А., 2025

Moscow students' ideas about the future of Russia as the basis for participation in various forms of civic activity

Elena A. Irsetskaya

*Russian State University for the Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Institute of socio-political studies of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, e.irs@rggu.ru*

Abstract. The article substantiates the relevance of studying the issue of increasing civic activity of the population, as well as the need to step up the participation of young people in modern socio-political processes. Author analyzes the results of two waves of the study “Russian Students. Civic Culture and Life Strategies”, conducted by the FNISC ISPI RAN in 2023 and 2024. He focuses mainly on the analysis of the student youth involvement in the socio-political practices, depending on positive and negative ideas about the possible future development of Russia. The paper shows changes in the dynamics of Moscow students' ideas about Russia's development scenarios during 2023 and 2024. Particularly it notes the identified influence of gender characteristics of student youth on ideas and assessments of the country's future development.

Keywords: civic engagement, student youth, future of Russia

For citation: Irsetskaya, E.A. (2025), “Moscow students' ideas about the future of Russia as the basis for participation in various forms of civic activity”, *RGGU/RSUH Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, no. 2, pp. 94–104, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-94-104

Введение

Современные социально – экономические и политические процессы отличает высокий динамизм, насыщенность изменений, что приводит к значительным трансформациям в российском обществе. В этой связи вопросы повышения гражданской ответственности и социальной активности молодежи являются значимой задачей на пути формирования и развития политической культуры, а также развития эффективных институтов гражданского общества, которые должны быть качественно встроены в систему общественных связей и обеспечивать участие молодежи в современном социально-политическом процессе.

Активное политическое участие молодежи представляется основанием поддержания и функционирования политических институтов демократии. По данным опросов ведущих социологических центров, 83% россиян считают, что участие молодых людей в жизни страны необходимо. Среди наиболее популярных аргументов респонденты выделяют наличие у молодых людей большего количества возможностей для участия в политической жизни страны; обладание необходимым количеством ресурсов; убежденность в том, что из представителей молодежи формируются будущие руководители страны; а также наличие у молодежи большого потенциала для реализации изменений и инициации реформ во всех сферах жизнедеятельности¹. Отметим, что ряд экспертов также фиксирует в своих исследованиях повышение интереса в молодежной среде к политическому процессу [Ирсетская, Китайцева 2024].

Степень вовлеченности молодежи, а также других групп граждан демонстрирует степень жизнеспособности и эффективности всей социально политической системы в целом. Гражданская активность молодежи является значимым индикатором степени демократизации современного общества, а также выступает основанием для молодых граждан в деле самостоятельного решения общественных проблем и формирования чувства ответственности за реализуемую деятельность и поступки.

Ожидания, социальные настроения, а также представления о будущем развитии страны, которые находят отражение в сознании современной молодежи, сегодня выступают показателями для анализа форм ее политического участия. Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по контролю и работе с обращениями граждан А. Булгакова в ходе пресс-конференции отметила возросший интерес в молодежной среде к выборам 2024 г. и обратила внимание, что молодые люди приняли участие не только, как избиратели, но и как наблюдатели, и представители СМИ².

Представления студенческой молодежи о будущем России, являются отражением ее отношения к проводимым реформам и преобразованиям, внешнеполитическому и экономическому курсу страны, а также мотивацией вовлеченности молодежи в практики социально-политического участия.

¹Участие молодежи в политической жизни страны // Официальный сайт Фонда общественного мнения. 28.02.2023. URL: <https://fom.ru/Politika/14842.%2009.%202024>. (дата обращения 25 февраля 2025).

²В ОП РФ заявили о высоком интересе молодежи к выборам-2024 // Официальный сайт информационного портала LIFE.7.09.24. URL: <https://life.ru/p/1685818>. (дата обращения 20 февраля 2025).

Теоретическая разработанность проблемы исследования

В условиях демократизации российского общества, социальная активность индивидов является важной характерной чертой граждан в процессе решения значимых социальных проблем, которые оказывают существенное влияние на социальные процессы. В связи с этим, молодежь, как особая социальная группа, характеризующаяся наибольшей активностью и вовлеченностью в процессы освоения окружающей ее действительности, а также адаптации к трансформациям социально-экономических и политических условий, должна иметь возможности к самостоятельному решению возникающих проблем при помощи использования специальных институтов и инициатив гражданского общества.

Вопросы гражданской активности молодежи рассматривались во многих работах современных российских социологов и исследователей: А.Ю. Домбровской, Е.А. Колосовой, Е.Н. Агаповой, О.А. Граничиной, М.В. Жаровой, С.Ю. Трапицына, Д.К. Щегловой, И.Э. Надуткиной, И.В. Конева, Т.Н. Каменевой, Ф.Р. Знахарчука, Е.И. Васильевой, Т.Е. Зерчаниновой, А.С. Никитиной и другие.

Гражданская активность, как форма волонтерских объединений и движений представлена в работах Е.В. Харьковской, Е.А. Белецкой, Н.В. Посоховой, С.Н. Гламазды, И.Н. Григорьева.

Позитивные аспекты развития гражданской активности в молодежной среде описаны в работах С.В. Патрушева. Автор обозначает два основных типа гражданской активности – гражданское участие и гражданское действие. Гражданское участие призвано способствовать воспроизводству ценностно-нормативного базиса различных форм гражданского общества, а гражданское действие направлено главным образом на реализацию общественных изменений и преобразований.

Проблемы ценностной составляющей участия молодежи в гражданской активности проанализированы в работах Ш.Ш. Пирогланова, Д.А. Сабадина, Н.А. Бережной, Е.В. Климкович, В.В. Маленкова, О.Е. Березкиной, А.А. Кондаковой.

Описанию и анализу деструктивных аспектов молодежной активности посвящены работы П.А. Зеленского, В.В. Щерблановой, Л.В. Логиновой, Д.С. Протасова, П.Е. Суслонова и других. В работах В.В. Петухова анализируется протест, как яркая форма проявления политического несогласия и неудовлетворения населения. Отмечен дефицит обращения и неэффективное функционирование таких форм гражданской активности, как профсоюзы, политические партии, организации.

Образ будущего в сознании российской молодежи нашел отражение в огромном пласте научно-исследовательских работ таких ученых, как В.К. Левашов, О.В. Гребняк, О.П. Новоженина, Н.М. Великая, Ю.А. Зубок, А.А. Токарева, Д.А. Будко, Г.В. Лукьянова и другие.

*Гражданская активность молодежи
в контексте представлений
о будущем развития страны*

Обращаясь к анализу представлений современной студенческой молодежи о будущем России, рассмотрим результаты исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН: третью волну, проведенную в апреле–мае 2023 г. по общероссийской выборке в 30 субъектах Федерации всех федеральных округов³, а также четвертую волну данного исследования, проводившегося в Москве и Московской области (октябрь–ноябрь 2024 г.), в которой после ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 952 респондента.

Можно отметить, что в целом увеличилось количество студентов, которые оптимистично настроены, относительно перспектив дальнейшего развития России (табл. 1).

³Исследовательский коллектив: д-р полит. наук Н.М. Великая (руководитель), канд. социол. наук Е.А. Ирсетская, канд. социол. наук И.С. Шушпанова, ст. науч. сотр. О.П. Новоженина. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6757 респондентов.

Опрос населения проведен в апреле–мае 2023 г. в 30 субъектах во всех федеральных округах, в том числе: ЦФО (Липецкая область, Москва, Московская область, Смоленская область), СЗФО (Вологодская область, Ленинградская область, Республика Коми, Санкт-Петербург), ЮФО (Волгоградская область, Краснодарский край, Ростовская область), СКФО (Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская республика, Республика Ингушетия, Чеченская Республика), ПФО (Нижегородская область, Пермский край, Республика Татарстан, Саратовская область), УрФО (Тюменская область, Свердловская область, Челябинская область), СФО (Алтайский край, Иркутская область, Омская область), ДФО (Приморский край, Республика Саха Якутия, Республика Бурятия, Хабаровский край).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, какое будущее ожидает Россию?», %

Вариант ответа	2023 г.	2024 г.
Россия обречена на распад	11,6	4,7
Россия будет существовать в нынешних границах	40,3	41,9
Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов	48,1	53,5

Источник: ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 3 и 4-я волна, 2023/2024 гг.

Так, при ответе на вопрос о том, как студенческая молодежь воспринимает перспективы развития нашей страны, в 2024 г., по сравнению с 2023 г., увеличилось число респондентов, выбравших ответ, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов (48,1% в 2023 г. и 53,5% в 2024 г.) Также увеличилось количество тех, кто полагает, что Россия будет существовать в нынешних границах с 40,3% в 2023 г. до 41,9% в 2024 г. При этом уменьшилось количество пессимистично настроенных респондентов, которые считают, что Россия обречена на распад. В 2023 г. такого мнения придерживались 11,6%, а в 2024 г. такой вариант ответа выбрали 4,7% респондентов. Анализируя идейные представления о будущем развитии России, многие исследователи отмечают актуализацию патриотического дискурса в молодежной среде, который опирается на концепты «русский мир» и «былое величие страны», а также противопоставляет интересы России и Запада [Великая, Ирсетская 2024].

Можно также отметить и гендерные особенности, которые видны при ответе на данный вопрос (табл. 2).

Было выявлено, что женщины чаще выбирают ответ, что Россия будет развиваться достаточно стабильно и останется существовать в нынешних границах (так считают 45,0% опрошенных женщин и 39,3% мужчин). Мужчины чаще, чем женщины отвечают, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов (такой вариант ответа среди мужчин отметили 55,7% опрошенных и 50,7% – среди женщин). В рассуждении о пессимистичном сценарии особых гендерных различий не обнаружено, ответы респондентов, относящихся к этой группе, разделились практически поровну. Так считают 5,0% опрошенных среди мужчин и 4,3% среди опрошенных женщин.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, какое будущее ожидает Россию?»,
в зависимости от гендерных особенностей. 2024 г., %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Россия обречена на распад	5,0	4,3
Россия будет существовать в нынешних границах	39,3	45,0
Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов	55,7	50,7

Источник: ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 4-я волна, 2024 г.

Основываясь на мнении студентов о будущем России, можно разделить респондентов в соответствии с тем, какой сценарий будущего развития России они прогнозируют, негативный или позитивный. Соответственно, ответы на вопрос о том, что «Россия обречена на распад», отнесем к негативному прогнозу, а ответы на вопросы «Россия будет существовать в нынешних границах?» и «Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов?» – отнесем к позитивному прогнозу развития государства. Интересная взаимосвязь была выявлена при анализе данных ответа на вопрос о представлениях будущего развития России и тем, насколько активно студенческая молодежь участвует в различных формах социально-политической коммуникации. Многие эксперты отмечают, что «явка на выборах является важнейшим индикатором доверия к избираемой власти и к процедуре выборов в целом» [Великая 2024]. Обратимся к табл. 3, в которой представлены распределения ответов на вопрос о будущем России в зависимости от того, принимают ли студенты участие в выборах.

Различие в ответах студентов на вопрос о том, как часто они принимают участие в тех или иных формах гражданской активности и мероприятиях, между сторонниками позитивных сценариев проявляются не так существенно, в то время как ответы респондентов из группы, которые прогнозируют негативный вариант развития России, иные. Из данных, представленных в табл. 3, мы видим, что чаще в выборах принимают участие те респонденты, которые придерживаются позитивных сценариев развития России: «Россия будет существовать в нынешних границах» и «Рано или поздно

вокруг России начнется процесс объединения народов» (доля тех, кто никогда не принимал участия в выборах всего 31,9 и 26,4% соответственно). С другой стороны, в группе респондентов, которые придерживаются негативного сценария и считают, что Россия обречена на распад, доля ответивших, что они никогда не участвуют в выборах существенно больше, и составляет 53,1%.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос
о формах гражданской активности и мероприятиях,
в которых студенты принимали участие за последний год,
в зависимости от их мнения о будущем,
которое ожидает Россию, %

Россия обречена на распад (негативный сценарий)				
Вариант ответа	Участие в выборах	Митинги, демонстрации, пикеты	Публичное обсуждение общественно-значимых проблем	Проведение массовых мероприятий
Никогда	53,1	78,1	62,5	71,9
Один раз	31,3	18,8	28,1	18,8
Иногда	6,3	–	9,4	9,4
Регулярно	9,4	3,1	–	–
Россия будет существовать в нынешних границах (позитивный сценарий)				
Никогда	31,9	87,7	69,8	61,4
Один раз	31,6	5,3	8,8	13,7
Иногда	10,2	3,9	13,7	14,7
Регулярно	26,3	3,2	7,7	10,2
Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов (позитивный сценарий)				
Никогда	26,4	89,0	72,3	57,7
Один раз	25,3	4,7	9,9	12,6
Иногда	11,3	3,9	11,3	20,1
Регулярно	37,1	2,5	6,6	9,6

Источник: ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 4-я волна, 2024 г.

Обращаясь к анализу такой формы социально-политической активности, как участие в митингах, демонстрациях и пикетах, можно отметить следующее. Группа респондентов, придерживающаяся негативного сценария развития России, чаще участвует в обозначенных формах политической активности, чем респонденты, придерживающиеся позитивных сценариев. Так, среди тех респондентов, которые ответили, что Россия обречена на распад – 78,1% никогда не участвовали в митингах, а в группах с позитивным сценарием количество респондентов, никогда не участвующих в митингах, составляет 87,7 и 89,0% соответственно.

Отметим, что ряд экспертов оценивают влияние роли протестов на развитие страны в целом как положительное, а также в ходе анализа протестной деятельности отмечается существенный потенциал к построению и разработке государственной коммуникационной политики, направленной на эффективное взаимодействие с молодежью [Аюшеева 2019].

Анализируя гражданскую активность по публичному обсуждению общественно-значимых проблем (в коллективе, на собрании и т. п.), было выявлено, что группа студенческой молодежи, придерживающаяся негативного сценария развития России, чаще демонстрирует вовлеченность в такого рода мероприятия, по сравнению с теми, кто является приверженцем позитивного сценария. 62,5% респондентов из группы, придерживающейся негативного сценария, сказали, что никогда не участвуют в публичном обсуждении общественно-значимых проблем, соответственно 37,5% ответивших в той или иной мере принимают в них участие. Для сравнения, в группе респондентов, которые отмечают, что «Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов», демонстрируют более низкую вовлеченность в общественные дискуссии: только 27,7% респондентов из этой группы в той или иной мере участвуют в такого рода активностях, а 72,3% респондентов никогда не участвуют.

Фактор приверженности студенческой молодежи негативного или позитивного сценария развития России оказывает значимое влияние на активность их участия в проведении массовых мероприятий (олимпиад, универсиад, городских праздников и т. п.). Можно отметить, что студенты, разделяющие негативные представления о будущем России, реже участвуют в массовых мероприятиях и городских праздниках (71,9% отметили, что никогда не принимали участие), чем студенты, придерживающиеся позитивного сценария (61,4 и 57,7% соответственно среди выбравших варианты «Россия будет существовать в нынешних границах» и «Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов» соответственно).

Выводы

Подводя итоги отметим, что формирование представлений молодежи о сущности политической деятельности, разъяснение ее смысла и содержания, а также углубления понимания механизмов работы социально-политических институтов и организаций является важной государственной задачей. Молодежь является наиболее активной социальной группой, обладает значительным ресурсом времени, что способствует ее эффективной и глубокой интеграции в процессы гражданской активности, которая главным образом должна быть направлена на решение социальных проблем, а также способствовать уточнению и формированию общественного запроса государству с целью разработки наиболее эффективных решений в области общественного управления.

Участие молодежи в различных формах гражданской активности способствует раскрытию возможностей человека, а также повышает его адаптивность и включенность в изменения окружающего мира. Представители студенческой молодежи, которые придерживаются позитивного сценария будущего развития России, чаще принимают участие в таких формах гражданской активности, которые обладают высокой легитимностью, регламентацией действий и согласованностью. Среди таких форм – выборы, а также массовые мероприятия (олимпиады, универсиады, городские праздники), которые преимущественно направлены на интеграцию и укрепление сплоченности российских граждан. В то же время представители студенческой молодежи, которые придерживаются негативного сценария развития России, проявляют большую готовность участия в таких социально-политических мероприятиях, которые часто сопряжены с рисками и характеризуются конфликтностью и стихийностью протекания, а также предоставляют возможности для проявления и выражения несогласия и недовольства текущей общественно-политической ситуацией. Среди таких мероприятий отмечены митинги, демонстрации, пикеты, а также публичное обсуждение общественно-значимых проблем.

Активное политическое участие – это возможность для молодежи самостоятельно выбирать свое будущее, влиять на проводимые реформы, преобразования, а также на жизнь своей страны в целом.

Литература

- Аюшеева 2019 – Аюшеева Д.А. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // Управленческое консультирование. 2019. № 6 (126). С. 147–153.
- Великая, Ирсетская 2024 – Великая Н.М., Ирсетская Е.А. Идеологические основания конструирования образа будущего в сознании современной студенческой

- молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 414-429.
- Великая 2024 – *Великая Н.М.* Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // Наука. Культура. Общество. 2024. № 4. С. 21–35.
- Ирсетская, Китайцева 2024 – *Ирсетская Е.А., Китайцева О.В.* Политические взгляды студенческой молодежи, как основание для участия в различных формах гражданской активности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 115–125.

References

- Ayusheeva, D.A. (2019), “Participation of youth in protest actions in modern Russia as way of self-identity”, *Administrative Consulting*, no. 6 (126), pp. 147–153.
- Irsetskaya, E.A. and Kitaitseva, O.V. (2024), “Political views of student youth as the basis for participation in various forms of civic activity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 115–125.
- Velikaya, N.M. and Irsetskaya, E.A. (2024), “Ideological foundations of image of the future among the contemporary student youth”, *RUDN Journal of Sociology*, vol. 24, no. 2, pp. 414–429.
- Velikaya, N.M. (2024), “Parties of the parliamentary opposition in the elections to representative bodies of local self-government in 2024”, *Science. Culture. Society*, no. 4, pp. 21–35.

Информация об авторе

Елена А. Ирсетская, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Борисоглебский пер., д. 13, стр. 3;

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125057, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; e.irs@rggu.ru

Information about the author

Elena A. Irsetskaya, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Institute of Socio-Political Studies, FCTAS RAS, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 13, Borisoglebsky Lane, Moscow, Russia, 121069;

Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125057; e.irs@rggu.ru

УДК 316.42(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-105-118

Репрезентация феномена специальной военной операции в средствах массовой информации

Анастасия А. Зайцева

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Москва, Россия, aa.zaytseva23@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы репрезентации феномена специальной военной операции в средствах массовой информации. Эмпирической основой послужили данные 443 статей 3 общественно-политических изданий РФ 2022–2023 гг. Контент-анализ прессы позволил получить информацию о динамике и характере информационной картины, формируемой СМИ. Во-первых, в изучаемый период преобладают новости и информационные заметки, что указывает на высокую динамику событий и их интенсивное освещение в СМИ, реже встречаются публикации специалистов военных аналитиков с научно-эмпирическим и аналитическим осмыслением событий и результатов спецоперации. Во-вторых, среди сюжетов журналистской публицистики доминирует дискурс власти, в котором в большей степени акторами выступают политические деятели. В-третьих, эмоциональная тональность информационной картины характеризуется неопределенностью и неустойчивостью контента. В-четвертых, публикуются материалы, которые можно разделить по 5 кластерам: рефлексия об СВО, военные сводки, события вокруг СВО, мобилизация и мирная жизнь при СВО.

Ключевые слова: репрезентация, СМИ, специальная военная операция, СВО, консолидация, российское общество, общественное мнение

Для цитирования: Зайцева А.А. Репрезентация феномена специальной военной операции в средствах массовой информации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 105–118. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-105-118

© Зайцева А.А., 2025

Representation of the phenomenon of a special military operation in the mass media

Anastasiya A. Zaytseva

*Institute of socio-political studies of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, aa.zaytseva23@yandex.ru*

Abstract. The article considers the issues of representing the phenomenon of a special military operation (SMO) in the mass media. The empirical basis was data from 443 articles in 3 socio-political publications of the Russian Federation in 2022–2023. The content analysis of the press made it possible to obtain information about the evolution and nature of the information picture formed by the media. Firstly, news and information notes predominate in the period under study, which indicates the high dynamics of events and their intensive media coverage, whereas publications by military analysts with scientific, empirical and analytical understanding of the events and results of a special operation are less common. Secondly, the discourse of power dominates among the subjects of journalistic writing, in which political figures act as actors to a greater extent. Thirdly, the emotional tonality of the information picture is characterized by uncertainty and instability of the content. Fourthly, materials are published that can be divided into 5 clusters: reflection of SMO, military reports, events around SMO, mobilization and daily life under SMO.

Keywords: representation, mass media, special military operation, consolidation, Russian society, public opinion

For citation: Zaytseva, A.A. (2025), “Representation of the phenomenon of a special military operation in the mass media”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 105–118, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-105-118

Специальная военная операция (СВО), проводимая на территории Украины более двух лет, неоднозначно освещается в отечественных и зарубежных СМИ, что влияет на структуру и устойчивость социально-политической тревожности в российском обществе. По данным социологических исследований, развитие военно-политического кризиса на Украине привело к консенсусу и социально-политической консолидации российского общества, высоким оценкам доверия населения к институтам власти, проявился эффект «сплочения вокруг флага». По мнению исследователей, специальная военная операция на Украине стала началом кардинального изменения настроений, суждений и, в конечном счете, общественного мнения

граждан о мире и места и роли в нем России [Российское общество 2023]. Эти процессы привели к качественным изменениям в тональности оценок текущей социально-политической ситуации. Целью настоящей статьи является представление результатов исследования репрезентации феномена СВО в СМИ в контексте социально-политической консолидации российского общества.

Концептуальные подходы и методы исследования

Тематика отношения к СВО затрагивается в эмпирических социологических исследованиях известных полстеров и трудах отдельных ученых. СВО определяется исследователями как один из глубоких и острейших военных кризисов в социальной истории России [Цветкова 2023]. Обзор литературы по теме исследования позволил выявить: рассмотрение репрезентации СВО в российских СМИ [Великая, Зайцева 2022; Казаков 2022]; отношение российской молодежи к СВО [Ершов 2024]; проведение событийного анализа [Ильин, Морев 2022]; изучение отношения населения других стран к России в современном контексте [Шушпанова 2022]. Отдельно отметим иностранные исследования, в которых даются противоположные для российского политического дискурса трактовки, отражающие дискуссию не только в публичном пространстве, но и в научном сообществе [Galba, Spišák 2023].

В данной статье мы опираемся на теорию информационного общества М. Кастельса и коммуникативного действия Ю. Хабермаса, где воздействие СМИ на общественное сознание рассматривается как инструмент и субъект информационного и идеологического воздействия на аудиторию [Castells 2010; Habermas 1983].

В рамках контент-анализа были проанализированы 443 статьи, которые составили 23% от генеральной совокупности (1938 статей, опубликованных за первый год проведения СВО). Статьи размещены в трех массовых российских изданиях: (КП) «Комсомольская правда» (93) и «Комсомольская правда. Толстушка» (26); (МК) «Московский комсомолец» (74); (РГ) «Российская газета» (194) и «Российская газета. Неделя» (56) с 24 февраля 2022 г. по 23 февраля 2023 г.¹

¹Критерием отбора являются: общероссийская значимость, широта охвата аудитории, тираж изданий. Анализ текстовых сообщений, размещенных в информационном пространстве Российской Федерации (федеральные СМИ), проводился в несколько этапов: отбор статей с упоминаниями ключевых слов (по базе МЕДИАЛОГИЯ); отбор текстов статей (ключевые слова: образ СВО, специальная военная операция), кодирование текстов, интерпретация результатов кодирования.

Выборка осуществлялась с помощью генератора случайных чисел, использовался метод количественного и качественного контент-анализа.

Общие результаты контент-анализа

В течение первого года проведения СВО статьи публиковались в различных жанрах: большая часть – новость (23%), информационная заметка (18%), интервью (17%) и аналитическая статья (15%). Реже встречаются комментарии экспертов (8%), репортаж с места событий (8%), выступление (6%) и пресс-релиз (4%). Преобладание подобных жанров говорит о частой смене событий, их освещении в СМИ, о внимании к отдельным авторам (в основном военным аналитикам) в формате интервью, о постепенном осмыслении спецоперации в жанре аналитических статей.

Упоминались более 200 персоналий, включая российских и зарубежных политических деятелей, государственных лидеров, творческих личностей, лидеров общественного мнения, журналистов, военных корреспондентов, историков и политологов. Среди наиболее часто упоминаемых отмечаются В. Путин (88 статей), И. Конашенков (42 статьи), В. Зеленский (36 статей), С. Шойгу (34 статьи), Д. Байден (13 статей), Й. Столтенберг (12 статей), реже Д. Пушилин (7 статей), Д. Песков (7 статей), М. Мишустин (7 статей). Очевидно доминирование политического дискурса, включающего выступления Президента РФ, руководителя департамента информации и массовых коммуникаций Министерства обороны Российской Федерации, Президента Украины и бывшего министр обороны РФ. Необходимо отметить высокую частоту упоминаний Президента США и генерального секретаря НАТО в контексте СВО.

Эмоциональная тональность текстов варьировалась в зависимости от событий, освещаемых в СМИ. Несмотря на то что преобладал позитивно-нейтральный тон статей, периодически отмечаются периоды негатива – первые дни после объявления СВО, затем март 2022 г., июнь–июль 2022 г., период после объявления о мобилизации, конец ноября 2022 г. В конце февраля 2022 г. подробно описываются причины проведения СВО, критика Запада, аспекты информационной войны. В марте начинается более подробное описание военных действий, осуждается украинский национализм, украинские и российские военные противопоставляются. В данный период в текстах наблюдается надежда на быстрые переговоры и решение на скорое завершение СВО:

Украина заявила о готовности выполнить те принципиальные требования, на которых на протяжении всех последних лет Россия настаивала².

Тем не менее надежды не оправдались. В июне, июле 2022 г. репрезентация противников формулируется через метафору трусости: «Основная тактика противника – прикрыться мирными жителями и стрелять из-за спины»³. Отношение к частичной мобилизации как в СМИ, так и в оценках россиян было неоднозначным: часть захотели стать добровольцами, часть выступили однозначно против.

Содержание пяти тематических кластеров

В ходе тематического анализа статей были выделены пять кластеров: рефлексия об СВО (17%), военные сводки (25%), события вокруг СВО (28%), мирная жизнь при СВО (9%) и мобилизация (21%).

В кластере «Рефлексия об СВО» даются обоснование и причины проведения спецоперации, ее последствий для региона и мира в целом. С точки зрения жанра статьи носят скорее аналитический характер. В данном кластере констатируется необходимость проведения специальной военной операции РФ на Украине как вынужденной меры, обсуждается реакция Запада на спецоперацию и критика со стороны, цели и причины начала СВО, описание начала и хода СВО и обсуждение различий России с действиями США, размышления о будущем Украины после завершения СВО.

В данном кластере обсуждаются потенциальные последствия и влияние операции на регион и мировую политику. Причины проведения СВО более подробно раскрываются в геополитических и гуманитарных аспектах, связанных с обвинениями в геноциде и военных преступлениях со стороны украинских военных и чиновников, планы США и их союзников по созданию антипода России через Украину, и, наоборот, необходимость укрепления позиции России в мировых отношениях: «Главная задача спецоперации – защитить Российскую

²Украина готова выполнить требования, на которых настаивает Россия // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27373/4565800> (дата обращения 15 марта 2025).

³Тактика украинцев: стрелять из-за спины мирных жителей // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/07/31/taktika-ukraincev-streliat-iz-za-spiny-mirnyh-zhitelej.html> (дата обращения 15 марта 2025).

Федерацию от военной угрозы»⁴. В части статей повествуется о необходимости модернизации российских вооружений и военной техники, однако сомнений в проведении СВО нет: «Наши ответно-встречные удары будут молниеносными, быстрыми», «Мы были созданы ради этой миссии»⁵, «судьбоносного сражения нашей Родины за право на будущее»⁶. Одной из причин проведения СВО называется геноцид жителей Донбасса. Он сохраняется не только в памяти жертв и их родственников, но в уголовных делах и протоколах.

Рефлексия касается моментов, связанных с взаимоотношениями в том числе с другими странами в контексте украинского кризиса, как, например, с Германией. В статье о позиции А. Меркель говорится о том, что она «чувствовала, что с “Минском” дела плохи. И в итоге не было достигнуто единство в ЕС в этой связи»⁷.

В ходе рефлексии об СВО авторы статей предполагают дальнейшее устройство Украины после завершения СВО. Эксперты давали оценки по вероятности завершения СВО к концу 2022 г. по причинам развала украинской инфраструктуры, возможного энергетического кризиса со срывом отопительного сезона, нехватки топлива, продовольствия и ухудшение жизни украинского населения. Все это характерно для политической лексики, связанной со стратегией запугивания врага.

В статьях данного периода говорится о росте популярности российской власти в период проведения СВО, что подтверждали данные трех социологических центров – ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр (ВЦИОМ: одобряют деятельность президента РФ в марте 2022 г. – 64,1%, в апреле 2022 г. – 79%; ФОМ: считают, что президент

⁴ Российские военные готовят «котлы»: сколько продлится спецоперация на Украине // Московский комсомолец. URL: <https://mk.ru.turbopages.org/mk.ru/s/politics/2022/03/02/rossiyskie-voennye-gotovyat-kotly-skolko-prodlitsya-specoperaciya-na-ukraine.html> (дата обращения 30 марта 2025).

⁵ Александр Дугин: «солнечный» Путин победил «лунного» // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/03/30/aleksandr-dugin-solnechnyy-putin-pobedil-lunnogo.html> (дата обращения 30 марта 2025).

⁶ Мэр Читы ушел на фронт // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/12/21/mer-chity-ushel-na-front.html?ysclid=ly4muzz7b7724111140> (дата обращения 30 марта 2025).

⁷ Ангела Меркель раскрыла закулисную сторону спецоперации на Украине: шанс упущен // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/06/08/angela-merkel-raskryla-zakulisnuyu-storonu-specoperacii-na-ukraine-shans-upushhen.html> (дата обращения 30 марта 2025).

Путин работает на своем посту скорее хорошо, март 2022 г. – 64%, апрель 2022 г. – 79%, Левада-Центр (признан в РФ иностранным агентом): одобряют деятельность В. Путина на посту президента, март 2022 г. – 71%, апрель 2022 г. – 83%).

В кластере «Военные сводки» повествуется о событиях, непосредственно происходящих на фронте: боевые столкновения, открытие мирных коридоров для беженцев, позиции сил. Публикуются выступления Игоря Конашенкова об успехах проведения СВО, и, одновременно, о том, как украинские националисты издеваются над российскими военнослужащими. Особенно поддерживаются новые герои СВО, министр обороны РФ вручает им высокие награды – звезды Героев России и ордена Мужества, освещается участие Чеченского спецназа в СВО, как продвигается российская армия в украинские населенные пункты, как Военные силы Украины обманывают наемников. Описываются подвиги отдельных солдат и командиров российской армии, оружие, высокоточные и крылатые ракеты. Отдельно освещается вскрытие диверсионно-разведывательной группы, ликвидация украинских беспилотников, уничтожение украинской инфраструктуры, успехи в вооружении российской армии, потери украинских вооруженных сил. Проводятся работы по разминированию населенных пунктов Сумской области, поддержка жизнедеятельности переправы через реку Северский Донец. Описывается ситуация в Буче как постановочная: «Фотографии и видеокдры из Бучи – очередная постановка киевского режима для западных СМИ»⁸. Повествуется о создании гуманитарных коридоров и спасении мирных жителей из Мариуполя. Министр обороны С. Шойгу инспектирует войска, проверяет условия службы и вручает награды отличившимся военнослужащим.

Внимание уделяется поддержке Запада в конфликте и поставке вооружения, снабжение информацией ВСУ: «Украинцы получают информацию с американских спутников-разведчиков, космических аппаратов дистанционного зондирования Земли»⁹. В 2022 г. виделось необходимым как можно скорее остановить подачу боевой техники на Украину. Тем не менее по прошествии

⁸Российские военные бьют по тыловой инфраструктуре Украины // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/04/03/rossijskie-voennye-biut-ro-tylovoj-infrastrukture-ukrainy.html> (дата обращения 15 марта 2025).

⁹«Потрясающего разрешения снимки»: раскрыта роль разведки США вокруг острова Змеиный // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/06/28/potryasayushhego-razresheniya-snimki-raskryta-rol-razvedki-ssha-vokrug-ostrova-zmeinyy.html?ysclid=lgdiigumt1360553415> (дата обращения 15 марта 2025).

более двух лет подача боевой техники только незначительно сократилась.

В статьях третьего кластера рассматриваются события, связанные с СВО, но не отражающие непосредственные военные действия. Значительная часть статей посвящена вопросам экономических санкций, наложенных на Россию. Несмотря на ожидания Запада, санкции против России не нанесли серьезного ущерба экономике: «Российский реальный сектор в массе своей достойно встречает очередной финансовый шторм, а в своих лучших проявлениях даже работает на опережение»¹⁰. Россия предпринимала различные действия, стремясь удержать экономику в балансе, например, повышение ключевой ставки Центробанком России. Отключение России от системы SWIFT и заморозка вкладов, санкции на авиационную отрасль оказались менее разрушительными для экономики, чем ожидалось.

В экономической сфере отмечались действия государства, направленные на реализацию программ повышения зарплат и антиинфляционных мер, в области импортозамещения. Сообщалось, что российские ученые и компании активно работают над созданием передовой техники и оборудования, которые могут заменить импортные аналоги и минимизировать эффект санкций.

Любые военные действия сопровождаются миграциями и трудно контролируемые потоками беженцев. В связи с этим публикуются статьи о том, какая помощь беженцам из ДНР и ЛНР оказывается различными институциями: «Мы сделали со своей стороны все возможное, чтобы обеспечить их безопасность в ходе эвакуации»¹¹.

В статьях данного кластера наблюдается особое позиционирование зарубежных стран и то, как именно они отражены в российских СМИ: «Сейм Литвы признал Россию “государством, поддерживающим и осуществляющим терроризм”»¹², США и Германия продол-

¹⁰ Крупный бизнес отвечает на санкции прибавками к зарплате // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27373/4566382/> (дата обращения 15 марта 2025).

¹¹ На Херсонском направлении Минобороны приняло решение сохранить жизни солдат и боеспособность группировки // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/11/10/vojska-zanimaiut-podgotovlennye-pozicii-na-levom-beregu-dnepra.html?ysclid=ly4o5p3x94594371332> (дата обращения 15 марта 2025).

¹² Оценены последствия признания России «государством-террористом» со стороны сейма Литвы // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/05/12/oceneny-posledstviya-priznaniya-rossii-gosudarstvomterroristom-so-storony-seyma-litvy.html?ysclid=lyg2s47ljq205958391> (дата обращения 15 марта 2025).

жали поддерживать украинские власти через поставки вооружения и гуманитарную помощь. Это задерживало окончание военных действий, укрепляло позиции Украины. Россия, в свою очередь, стремится остановить спецоперацию путем компромиссов, что может свидетельствовать о поиске дипломатических решений для завершения конфликта.

Кластер «Мобилизация» посвящен тематике частичной мобилизации в рамках СВО, проводимой в сентябре-октябре 2022 г. Анализ статей данного кластера дает представление о различных аспектах частичной мобилизации, организации, финансовой и социальной поддержке, общественной реакции и законодательных изменениях. В начале процесс частичной мобилизации был осложнен неустойчивыми формальными нормами, кого именно необходимо и возможно призывать. В данном контексте была опубликована статья в газете «Комсомольская правда». «Глава думского комитета по обороне А. Картаполов: “Если права призывников нарушают – они имеют полное право обращаться в военную прокуратуру”»¹³, в которой более подробно прояснялись категории граждан, которые могли быть призваны в ходе частичной мобилизации. В связи с трансформацией практик в изменившихся условиях, в статьях формулируются советы и рекомендации для мобилизованных, включая открытие специальных счетов в банках, обозначение особых прав и льгот. Мобилизованные участники СВО получали финансовую поддержку от государства, включая кредитные каникулы, льготы по оплате ЖКХ. В одной из статей сказано, что «рабочее место за сотрудником сохранится, и после службы он сможет на него вернуться»¹⁴.

Тема частичной мобилизации была тесно связана с готовностью к вступлению в ряды российской армии, поэтому необходимо было поддерживать и стимулировать моральный дух мобилизованных, которые считали себя героями и спасателями Донбасса: «Кто, если не мы...»¹⁵. Согласно официальным СМИ, министр обо-

¹³Глава думского комитета по обороне Андрей Картаполов: Если права призывников нарушают – они имеют полное право обращаться в военную прокуратуру // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27450/4653760/> (дата обращения 20 марта 2025).

¹⁴Могут ли мобилизованного уволить с работы: ответы на вопросы о трудоустройстве и привилегиях // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27449/4653116/> (дата обращения 20 марта 2025).

¹⁵Как под «День Победы» и с молитвой проводили мобилизованных жителей Ростовской области // Комсомольская правда. URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/27449/4653036/> (дата обращения 20 марта 2025).

роны С. Шойгу доложил президенту о завершении мобилизации 28 октября 2022 г. с призывом 300 тысяч человек.

Кластер, посвященный мирной жизни при СВО, фокусирует вопросы, связанные с социально-гуманитарными аспектами данного процесса. Основных смысловых блоков несколько: информация и оповещение населения, поддержка проведения СВО со стороны известных личностей, борьба с украинским национализмом в гуманитарном аспекте, международные события, связанные с СВО, экономические последствия санкций, культурные мероприятия и инициативы, благотворительность.

В условиях текущей геополитической ситуации информационное поле усложнилось участившимися случаями телефонного мошенничества. В СМИ активно освещался запрет социальных сетей Meta, в продолжение чего мессенджер Телеграм стал занимать лидирующие позиции.

Идейная поддержка проведения СВО олицетворялась через известных личностей как, например, шахматист С. Карякин, который был дисквалифицирован Комиссией по этике Международной шахматной федерации (ФИДЕ). С другой стороны, велись обсуждения, направленные против звезд, покинувших Россию после начала СВО.

Критика украинского национализма усилилась на фоне обнаружения в ДНР и ЛНР учебников, «учивших ненавидеть».

Детишкам объясняют, что именно они, не щадя жизни, в 2014-м боролись за «свободу» Украины и именно они сегодня готовы воевать с «погаными москалями»¹⁶.

Публикуется письмо российским солдатам ветерана ВОВ М. Поливановой с призывом к борьбе против нацистов, которым она делится:

Никогда бы не поверила, что снова увижу войну, страдания людей и фашизм, с которым уже сталкивалась. Мы снова спасаем мир от этой чумы и сохраняем тысячи человеческих жизней¹⁷.

¹⁶Найденные в украинских школах учебники учат ненавидеть Россию // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/03/30/najdennye-v-ukrainskih-shkolah-uchebniki-uchat-nenavidet-rossiiu.html> (дата обращения 20 марта 2025).

¹⁷Ветеран Великой Отечественной попросила внуков добить нацистов // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/03/29/reg-cfo/veteran-velikoj-otechestvennoj-poprosila-vnukov-dobit-nacistov.html> (дата обращения 20 марта 2025).

Культурные инициативы остаются важным аспектом общественной жизни в период проведения СВО. Они имеют соответствующий контекст, связаны с поддержкой военных, повествуют об изменениях и появлении новых слов в русском языке, связанных с военной лексикой.

Без внимания не оставались вопросы, связанные с планами по восстановлению социальных объектов, инфраструктуры и жилья в Донецкой и Луганской Народных Республиках. Много статей повествуют о благотворительных проектах, направленных на поддержку военных, беженцам из ДНР и ЛНР, детям Донбасса, семьям погибших военных:

Мне жаль, что Украина стала территорией горя. Мне жалко всех, кто оказался в этой мясорубке, но особенно детей¹⁸.

Заключение

В средствах массовой информации СВО позиционируется как вынужденная мера, однако акцентирование внимания на военных действиях способствует повышению тревожности и ухудшению психологического состояния россиян. В СМИ преобладают новости и информационные заметки, что указывает на высокую динамику событий и их интенсивное освещение в СМИ, реже встречаются публикации специалистов с аналитическим осмыслением событий спецоперации. Среди сюжетов журналистской публицистики доминирует дискурс власти, в котором в большей степени акторами выступают политические деятели. Эмоциональная тональность информационной картины в СМИ характеризуется неопределенностью и неустойчивостью контента. Основные тематики статей распределены по 5 кластерам: рефлексия об СВО, военные сводки, события вокруг СВО, мобилизация и мирная жизнь при СВО.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-00438, <https://rscf.ru/project/23-18-00438/>.

¹⁸94-летний ветеран передал детям Донбасса 400 тысяч рублей // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/04/13/reg-pfo/94-letnij-veteran-pere-dal-detiam-donbassa-400-tysiach-rublej.html> (дата обращения 20 марта 2025).

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation, project № 23-18-00438, <https://rscf.ru/project/23-18-00438/>.

Литература

- Великая, Зайцева 2022 – *Великая Н.М., Зайцева А.А.* Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // *Caucasian Science Bridge*. 2022. № 5 (4). С. 160–172.
- Ершов 2024 – *Ершов Ю.М.* Репрезентация специальной военной операции в СМИ Юга России // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. Издательско-полиграфический центр УрФУ. 2024. № 30 (1). С. 5–18.
- Ильин, Морев 2022 – *Ильин В.А., Морев М.В.* Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. № 15 (5). С. 9–32.
- Казаков 2022 – *Казаков А.А.* Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022. № 22 (4). С. 460–467.
- Российское общество 2023 – *Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году: [монография] / Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая [и др.]; Под ред. В.К. Левашова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.*
- Цветкова 2023 – *Цветкова Г.А.* Россияне в условиях специальной военной операции // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2023. № 4. С. 111–120.
- Шушпанова 2022 – *Шушпанова И.С.* Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // *Наука. Культура. Общество*. 2022. № 28 (4). С. 97–108.
- Castells 2010 – *Castells, M.* *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1: *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2010. 625 p.
- Habermas 1983 – *Habermas J.* *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, Mass.: MIT Press 1983. 243 p.
- Galba, Spišák 2023 – *Galba J., Spišák J.* Speciální vojenská operace v kontextu interpretace Ruska. *Vojenské rozhledy*. 2023. No. 32 (1). P. 50–68.

References

- Castells, M. (2010), "The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society", 2nd ed., Wiley Blackwell, Oxford, UK.
- Ershov, Yu.M. (2024), "Representation of a special military operation in the media of Southern Russia", *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Issues of education, science and culture], no. 30 (1), pp. 5–18.
- Galba, J. and Spišák, J. (2023), "A Special Military Operation in the Context of Russia's Interpretation", *Vojenské rozhledy*, no. 32 (1), pp. 50–68.
- Habermas, J. (1983), "Moral Consciousness and Communicative Action", MIT Press. Cambridge, Mass.
- Il'in, V.A. and Morev, M.V. (2022), "The special military operation reveals new features of civil society", *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 15 (5), pp. 9–32.
- Kazakov, A.A. (2022), "The attitude of Russian youth towards SMO. The role of media support for state policy", *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, no. 22 (4), pp. 460–467.
- Levashov, V.K. (ed.) (2023), *Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh global'noi mnogopolynarnosti. Sotsial'no-politicheskoe polozhenie Rossii v 2022 godu* [Russian society and the state in the context of global multipolarity. The socio-political situation of Russia in 2022. Monograph], Berezina, N.V., Bogdanov, I.Ya., Velikaya, N.M. et al., FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Shushpanova, I.S. (2022), "Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis", *Science. Culture. Society*, no. 28 (4), pp. 97–108.
- Tsvetkova, G.A. (2023), "Russians in a special military operation situation", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 111–120.
- Velikaya, N.M. and Zaitseva, A.A. (2022), "Representation of the special military operation in print mass media in the context of consolidation of Russian society", *Caucasian Science Bridge*, no. 5 (4), pp. 160–172.

Информация об авторе

Анастасия А. Зайцева, кандидат социологических наук, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корпус 1; aa.zaitseva23@yandex.ru

Information about the author

Anastasiya A. Zaytseva, Cand of Sci. (Sociology), Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; aa.zaytseva23@yandex.ru

Социальные общности и социальные группы

УДК 316.334.56

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-119-131

Воображая горожан: к проблеме формирования образа местного жителя

Татьяна В. Белецкая

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия, beletskaya.t@gmail.com*

Аннотация. В фокусе статьи находится проблема формирования образа местного жителя в туристических практиках. Обосновывается, что продвижение туристической дестинации связано не только с коммерческими выгодами, но и всегда касается местного населения, его взаимодействия с туристами и приезжими. Тем не менее развитие туризма привело к определенной сепарации путешественников и местных жителей. Ввиду этого, возникает угроза возникновения у них социальных стереотипов и предвзятости в отношении друг друга. На материалах интервью раскрываются основные особенности туристических представлений о жителях Калининградской области. Во внешних оценках калининградцев обнаруживается дисбаланс между впечатлениями о них как о жителях фронтальной территории и как о жителях курортного города. Также отмечается, что во внешних представлениях находят слабое отражение трудовые, военные, культурные качества местного населения. Выявляются основные каналы и способы формирования образа местных жителей: создание специализированных туристических материалов, современных тематических музеев и экспозиций, инкорпорирование сюжетов о местном населении в городскую инфраструктуру и объекты услуг, их репрезентация в экскурсионном дискурсе. Несмотря на то, что в статье анализируется калининградский кейс, обладающий своей спецификой, предложенные пути конструирования положительно имиджа местного населения представляются актуальными и для других регионов.

Ключевые слова: город, горожане, местные жители, брендинг мест, территориальная идентичность, Калининград

Для цитирования: Белецкая Т.В. Воображая горожан: к проблеме формирования образа местного жителя // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 119–131. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-119-131

© Белецкая Т.В., 2025

Picturing the urban residents. On the issue of forming the local dweller's image

Tatiana V. Beletskaya
*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia, beletskaya.t@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the issue of forming the local dweller's image in tourist practices. It is proved that the promotion of a tourist destination is connected not only with commercial benefits, but also always concerns the local population, its interaction with tourists and visitors. Nevertheless, the development of tourism has led to a certain separation of travelers and locals. As a result, they are at risk of developing social stereotypes and bias against each other. The interview materials reveal the main features of tourist ideas about the residents of the Kaliningrad region. External assessments of Kaliningrad residents reveal an imbalance between impressions of them as residents of the frontier territory and as residents of the resort city. It is also noted that the labor, military, and cultural qualities of the local population are poorly reflected in external views. The article identifies main channels and ways for shaping the image of local dwellers: the creation of specialized tourist materials, modern thematic museums and expositions, the incorporation of stories about the local population into urban infrastructure and service facilities, and their representation in sightseeing discourse. Despite the fact that the article analyzes the Kaliningrad case, which has its own specifics, the proposed ways of constructing a positive image of the local population seem relevant for other regions.

Keywords: urban imaginary, local dwellers, place branding, territorial identity, Kaliningrad

For citation: Shevchenko, I.O. and Beletskaya, T.V. (2025), "Picturing the urban residents. On the issue of forming the local dweller's image", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies"* Series no. 2, pp. 119–131. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-119-131

Введение

Одной из отличительных черт современного этапа развития общества является бум туристической индустрии. Здесь следует отметить, что сама социальная практика путешествия имеет древнейшие корни, проявляясь на протяжении истории человечества в самых различных формах: исследование новых территорий, налаживание торговых связей, военные походы, паломничество, странничество, поиск знаний, навыков, творческого вдохновения и т. п. Тем не менее массовый туризм – явление относительно недавнее, ставшее

возможным лишь в XX в. и обусловленное научно-техническим прогрессом и процессами демократизации [Пенкина, Чернявская 2021, с. 37]. Сокращение времени, затрачиваемого на преодоление значительных расстояний, ценовая доступность транспортных услуг, развитие соответствующей инфраструктуры и коммуникационных технологий, обеспечивающих возможность ориентироваться и взаимодействовать в незнакомой среде, способствовали превращению туризма из специфического вида досуга, доступного ограниченными благосостоятельными кругам, в часть повседневной мобильности широких слоев населения.

Осознание преимуществ туристической деятельности – прежде всего, экономических и политических – привело к конкурентной борьбе как на локальных уровнях, так и на уровне всего мирового сообщества. Для многих регионов и государств туризм стал ключевой отраслью экономики и важнейшим направлением развития.

В виду этого неудивительно, что интерес к изучению феномена туризма в первую очередь проявился в маркетинговых исследованиях. Концепции имиджа и бренда, уже используемые в анализе и продвижении товаров, услуг, организаций, были экстраполированы на туристические дестинации. Идея «брендинга мест» (“place branding”) С. Анхольта получила широкий отклик как в научной среде, так и в конкретных управленческих практиках.

Тем не менее, весьма скоро и сам Анхольт выразил сомнения в эффективности применения «искусства продажи потребительских товаров» для формирования положительного имиджа мест [Anholt 2008, с. 6]. Одна из главных проблем здесь заключается в том, что обжитая территория, будь то страна, регион или город, не является «продуктом» – некой статической материей, пассивным объектом. Еще в 1938 г. один из ведущих представителей Чикагской школы социологии Л. Вирт писал об актуальности и необходимости изучения города как социальной сущности [Вирт 2005, с. 100]. Продвижение символических компонентов образа туристической дестинации оказывает непосредственно влияние также и на ее население: на социальные и экономические условия жизни, территориальную идентичность, социальную удовлетворенность.

Р. Линдер отмечает важность и растущую популярность исследований «воображаемого» города (*imaginaire urbain, urban imaginary*), под которым он понимает «универсум представлений» о городе, наполненный смыслами и «насыщенный историей» [Линдер 2017, с. 70]. Он говорит, что города представляют собой «нарративные пространства, в которые вписаны определенные истории (о значительных людях и важных событиях), мифы (о героях и негодях) и притчи (о добродетелях и пороках)» [Линдер 2017,

с. 70]. В данной цитате мы отчетливо видим, что символическое пространство города напрямую связано с людьми, персоналиями, местным населением и его ценностями. Ввиду этого мы можем допустить и обратный процесс: формирование положительного образа местных жителей будет способствовать и продвижению территории. То есть «воображаемое» города включает в себя и образ его жителей – «вообразимость» горожан.

Одной из наиболее острых социальных проблем, связанных с увеличением туристической нагрузки на места, сегодня становится обострение социальной напряженности между туристами и местными жителями. Можно сказать, в некотором смысле любой туризм является *экстремальным*, поскольку предполагает путешествие, а, соответственно, и погружение в иную непривычную среду. Как отмечает Н.В. Черепанова:

Путешествие – это перемещение (реальное или виртуальное) в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого [Черепанова 2006, с. 66].

Но, становясь частью культурной индустрии, как представляется, туризм все больше теряет связь с подобным идеалистичным определением.

Процессы коммерциализации, на наш взгляд, оказали серьезное влияние и на цели путешествий, и на природу взаимодействий с местным населением. Познавательная потребность во многом замещается потребностями в рекреации, развлечении, престиже и т. п. «Другой» и его культура становятся не целью, а средством удовлетворения собственных интересов. Туристические поездки в своем основном объеме превратились в своеобразный аттракцион с выверенными тропами и маршрутами, а жизнь местного населения зачастую инсценирована и далека от реальности (деревни берберов в Тунисе, бедуинов в Египте, заведения с «местной» кухней и т. п.). Впечатления о местных жителях в таких условиях зачастую носят фрагментарный характер, связаны с контактами с обслуживающим персоналом или опосредованы рассказом экскурсовода.

Обозначенные вызовы напрямую касаются и Калининградской области, в которой в последние годы наблюдается активный рост туристической индустрии. Тем не менее статус туристической дестинации является пока еще достаточно новым для региона, в виду чего востребован социальный анализ происходящих изменений. Столь интенсивное и динамичное развитие туристического сектора может повлечь за собой возникновение символических конфликтов

в восприятии значения региона, его истории, культуры, а также и самого местного населения.

Ввиду этого, целью данной статьи заключается в выявлении особенностей восприятия и проблем формирования образа местных жителей Калининградской области. Представленный анализ опирается на эмпирические данные интервью с посетившими область жителями других российских регионов (2025 г.), а также анализ туристических медиаматериалов.

Калининградцы в социальных представлениях жителей других городов России

В интервью мы попросили жителей других регионов России ($n = 25$) ответить на несколько вопросов, касающихся их восприятия калининградцев: «Можете ли Вы выделить какие-либо характерные черты и особенности жителей Калининграда?»; «Отличаются ли чем-то калининградцы от жителей Вашего города?». Анализ результатов показал, что в целом в представлениях опрошенных преобладают положительные и нейтральные оценки калининградцев. Многие респонденты отмечали их дружелюбие, открытость, общительность:

В Москве не получится просто спросить, куда пройти. А в Калининграде человек все расскажет, может, даже, и другие разные места показать, люди отзывчивые (*№ 12, м, 25, Москва*).

Такая ненавязчивая дружелюбность. Если что-то спросишь, то подробно рассказывают и показывают, вежливо говорят (*№ 24, ж, 51, Москва*).

В Калининграде люди все живые, общительные... В Пензе и Москве мало людей, которые готовы с тобой поговорить (*№ 06, ж, 31, Пенза*).

Тем не менее при более глубоком общении выяснилось, что некоторые из респондентов подозревают за фасадом вежливости закрытость и отстраненность калининградцев:

Радушно принимают. Но у меня не получилось с кем-то из местных подружиться. Калининградцев сложно вынудить на откровенность, они более закрытые (*№ 05, м, 32, Пенза*).

На подобные мнения, возможно, оказывает влияние представление респондентов о географической специфике Калининград-

ской области. В их ответах явно проявился стереотип о том, что ее эксклавное положение накладывает свой отпечаток на характер местного населения:

Калининградцы, на мой взгляд, ощущают еще оторванность от России (*№ 01, м, 29, Санкт-Петербург*).

У калининградцев отличия характерные для людей, живущих на окраине.

Я часто слышала выражение от местных жителей – «Ты из России приехал?», чувствуется сепарирование (*№ 16, ж, 32, Москва*).

По мнению респондентов, на калининградцев также оказывает влияние и близость к Европе, ранее бывшие привычными для жителей поездки за рубеж и т. п. Но некоторые опрошенные, констатируя отсутствие существенных различий с жителями других российских регионов, отмечают, что калининградцы *«кичатся»* тем, что живут рядом с Европой.

Многие респонденты приписывали калининградцам черты, характерные для жителей *пограничных, фронтирных регионов*: широта мышления, «особая» ментальность, открытость предпринимательской деятельности, деловитость, мультикультурализм:

У калининградцев есть склонность к авантюризму. Плюс, регион находится на стыке разных культурных сфер, что дает возможность прикоснуться к разным культурам, эпохам (*№ 01, м, 29, Санкт-Петербург*).

Опрошенные также отметили, что для калининградцев характерна большая озабоченность политической обстановкой, также свойственная жителям пограничных территорий, имеющих стратегическое военное значение:

Еще мне показалось, что жители Калининграда информированы больше в политической ситуации, так как это их больше касается, такое положение области (*№ 20, м, 31, Москва*).

Тем не менее в противовес характерному для фронта высокому ритму жизни, в представлении большинства опрошенных для калининградцев характерна спокойная, размеренная жизнь.

Люди более размеренно живут, чувствуется спокойствие (*№ 03, ж, 31, Сочи*).

Безумное спокойствие людей, люди не несутся (*№ 07, ж, 25, Москва*).

Калининградцы в отличие от москвичей не так спешат, жители больше на расслабоне (*№ 22, м, 31, Москва*).

Подобный контраст можно объяснить тем, что в представлениях о Калининграде образ «фронтира» резонирует со сложившимся под влиянием туристических источников и во время самой туристической поездки образом «курорта». Респонденты отмечали у калининградцев характерные черты жителей **курортного, приморского региона**: внешний вид, расслабленность, отсутствие спешки и т. д.:

Калининградцы ассоциируются с жителями курортного города. Жители столицы более замкнутые и агрессивные. Калининградцы более расслабленные даже по сравнению с Владивостоком. Приятные люди, располагающие к себе (*№ 18, ж, 31, Владивосток*).

Показалась, что в городе спокойная атмосфера, нет спешки. Чувствуется, что это не северный город по гардеробу. Есть вальяжность у жителей, как в приморских городах (*№ 11, м, 26, Москва*).

Люди даже по-другому выглядят, чем в Пензе. Видно даже, что у людей больше денег. Люди гуляют, отдыхают, красиво выглядят (*№ 06, ж, 31, Пенза*).

Несколько респондентов отметили, что калининградцы высоко проявляют любовь к своему городу, гордятся местом жительства. Тем не менее, несмотря на военный статус области, лишь одна респондентка назвала калининградцев патриотичными:

Именно люди создают историю города, Калининград очень патриотичный город (*№ 09, ж, 26, Москва*).

В итоге стоит заключить, что хотя калининградцы и оцениваются извне в целом положительно, тем не менее во внешнем восприятии практически отсутствуют такие важные черты местного населения как мужественность, трудолюбие, военная доблесть и др. Продвижение этих характеристик представляется значимым для снижения проявившихся во внешнем образе калининградцев стереотипов об их «замкнутости», «оторванности», «закрытости», «вальяжности» и т. д. Ввиду этого актуальным становится вопрос, о современных способах, форматах и площадках конструирования положительного имиджа местного населения.

Основные каналы формирования положительного образа местного жителя

Проблема формирования положительного образа местного жителя, прежде всего, связана с вопросом, где и как его продвигать. Ответ на него должен проистекать из анализа туристического спроса. Ключевым моментом тут является то, откуда туристы получают информацию о дестинации. Сегодня основными источниками этой информации являются медиаматериалы, представленные в Интернете: туристические порталы, социальные сети, блоги и т. п. При этом, ввиду специфики современного медиапотребления особое значение имеют визуальные компоненты.

На наш взгляд, на сайтах, посвященных туризму в Калининградской области, образ самих калининградцев пока еще слабо репрезентирован и требует дальнейшего развития. К примеру, проведенный нами контент-анализ показал, что из 552 изображений, сопровождающих экскурсионное предложения, лишь на 35 присутствуют люди: женщины на 29 фотографиях, мужчины на пяти и лишь на одном фото присутствуют мужчина и женщина вместе. При этом, изображения абстрактны и носят рекламный характер.

На туристическом портале Калининградской области¹ также отсутствуют виджеты, посвященные культуре, быту местных жителей, известным калининградцам. Хотя сравнительно недавно появилась вкладка «Настоящий калининградец», но она посвящена продвижению одноименной акции, цель которой заключается в том, чтобы сделать фотографии возле указанных достопримечательностей. К примеру, на сайте интерактивного городского гида «Узнай Москву»² десять из двенадцати представленных на баннерах экскурсионных предложений как-либо связаны с известными москвичами: актерами, писателями, деятелями культуры и т. п. Естественно, что количество известных калининградцев гораздо скромнее, но тем не менее, истории их жизни, связанные с ними места также вполне могли бы найти отражение в туристическом медиaprостранстве.

Еще одним важнейшим каналом формирования представлений об особенностях культуры и жизни местного населения являются музеи, тематические музейные экспозиции, выставки и т. п. Тем не менее специфика нынешнего культурного «потребления» требует,

¹Туристический портал Калининградской области. URL: <https://visit-kaliningrad.ru/> (дата обращения 20 марта 2025).

²Интерактивный городской гид «Узнай Москву». URL: <https://um.mos.ru/> (дата обращения 5 сентября 2024).

чтобы они соответствовали современным стандартам, были технологичными, интерактивными. В Калининграде положительный опыт освещения особенностей местных жителей, их трудовых достижений, военных подвигов демонстрируют Музей Мирового океана, Калининградский областной историко-художественный музей, Калининградской железной дороги и др. Представляется также значимым музейно-театральный проект «Дом китобоя», в котором воссоздана типичная коммуналка квартала советского Калининграда. Подобные иммерсивные пространства позволяют преодолеть границу между туристом и местным жителем, почувствовать близость за счет входа в личное пространство, быт.

Ответы наших респондентов также показывают, что одним из главных источников представлений о местных жителях являются личное общение. Поскольку, как уже отмечалось выше, в современных туристических поездках подобное общение с местным населением весьма ограничено, представления строятся на основе контактов с сотрудниками сферы услуг: продавцами, официантами, арендодателями и т. п. Респонденты в ходе интервью постоянно обращались к собственному опыту личного взаимодействия, к частным случаям: в таком-то кафе было «очень хорошее и вежливое обслуживание», в такой-то пекарне все были «приветливые», «приятные таксисты, запомнилась хозяйка, сдающая квартиру, – «образованная, приятная, умная женщина» и т. д. То, что именно сотрудники сферы услуг становятся «зеркалом» всего местного сообщества и его ценностей особенно видно в высказывании одного из респондентов:

Еще у калининградцев есть гордость, они гордятся местом, где живут. Это проявляется и по таксистам, официантам – рассказывают про город, чувствуется, что не стесняются города, в котором живут (*№ 22, м, 31, Москва*).

То есть ответ респондентов подтверждают значение общения с представителями сферы услуг в формировании положительного образа местных жителей. Культура общения, радушие, доброжелательность персонала напрямую проецируются и на само население.

Ввиду этого одним из способов донести элементы местной культуры и быта до туристов является их инкорпорация именно в объекты сферы услуг. Названия, дизайн, тематика кафе, ресторанов, отелей, магазинов, гастрономия и т. п. – этот культурный текст в первую очередь считывают современные путешественники, которые зачастую могут даже и не доходить до музеев и выставок. Для Калининграда характерно подобное тематическое наполнение, но в

основном в нем проецируются необычные и привлекательные для туристов элементы немецкой культуры. В то же время, полезна была бы поддержка развития тематик, раскрывающих историю поствоенного периода в фотографиях, блюдах, элементах декора и т. п.³

В этом свете, также важнейшим культурным посредником, проводником, репрезентантом местного населения является экскурсовод. Их влияние на впечатления туристов проявилось и в ответах наших респондентов: «экскурсовод проводил экскурсию с любовью к своему делу», «экскурсовод с любовью и душой вела экскурсию». Ввиду этого, особое значение для конструирования положительных представлений о калининградцах является включение и расширение в экскурсионном дискурсе сюжетов о их военной доблести, о трудностях заселении Калининградской области, хозяйственной деятельности и культурной жизни.

Крайне важным для понимания особенностей жителей калининградской области извне, а также и для укрепления территориальной идентичности представляется раскрытие в символическом пространстве региона самого уникального опыта освоения и сохранения, казалось бы, чуждой культурной среды местными жителями [Шевченко, Белецкая 2024, с. 125]. Как отмечает А.М. Сологубов:

Новые жители Калининградской области, создавая собственный «жизненный мир» (Edmund Husserl) взамен чужого, вынуждены были создать и новый всеобъемлющий мир знаний. Переселенец стал человеком познающим (*homo scientis*), добывая знания, доказывая свою правоту окружающим, делясь полученным знанием. История освоения нового культурного пространства есть и история его познания [Сологубов 2012, с. 45].

В этом свете, калининградская идентичность – это идентичность познающего небезразличного субъекта. Сам процесс ее формирования, исследование и «переживание» города новыми жителями [Резвухина 2020, с. 199] представляет интересный и поучительный опыт, демонстрация которого будет способствовать лучшему пониманию особенностей калининградцев и культурном диалогу с жителями других регионов.

³Подобным образом могут репрезентироваться даже военные подвиги. К примеру, в Праге есть корчма «У парашютистов», которая находится недалеко от Собора святых Кирилла и Мефодия. В этом соборе 18 июня 1942 г. состоялся бой, в котором семь чехословацких диверсантов-парашютистов в течении семи часов противостояли восьми сотням гестаповцев и эсэсовцев. В корчме размещены исторические фотографии и другие материалы об этом событии.

Заключение

В практиках продвижения Калининградской области как туристической дестинации на данный момент наблюдается недостаток в репрезентации характера и особенностей культуры и быта местного населения. В медиасфере основной акцент ставится на отображении символических атрибутов немецкого прошлого, так как они наиболее востребованы туристами из других регионов России как необычные и уникальные, отличные от других городов. На туристических сайтах и порталах практически отсутствует информация об известных личностях, об особенностях освоения края, социальной специфики местного сообщества.

Особенно полезным и востребованным для развития культурного диалога представляется репрезентация в калининградском пространстве истории заселения области и освоения инокультурного пространства. Несмотря на наличие музеев и памятников, знакомящих с трудностями переселенчества, хозяйственной деятельностью и военными подвигами их количество немногочисленно и не всегда востребовано со стороны туристов. В виду этого требуется их дальнейшее развитие, приведение в соответствие современным туристическим стандартам, включение в объекты показа в экскурсионных программах.

Показательно, что в ходе интервью о калининградцах проявились проблема восприятия местных жителей и других российских регионов. В ответах респондентов проявились стереотипы о жителях Москвы, Сочи, Твери, Пензы и т. п. Это свидетельствует о том, что формирование положительного образа местного населения актуально и насущно и для других российских территорий.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning production” implemented at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

Литература

- Вирт 2005 – *Вирт Л.* Избранные работы по социологии: Сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2005. 243 с.
- Линднер 2017 – *Линднер Р.* Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике // *Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике.* М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 68–77.
- Пенкина, Чернявская 2021 – *Пенкина Н.В., Чернявская О.В.* Туризм как система социальной практики: социально-философский анализ // *Вестник МГПУ. Серия «Философские науки».* 2021. № 4 (40). С. 37–47.
- Резвухина 2020 – *Резвухина А.И.* Изобретая прошлое: ландшафт как способ построения идентичности // *Studia Culturae.* 2020. № 46. С. 186–202.
- Сологубов 2012 – *Сологубов А.М.* Переселенец как Homo scientis: эпистемологический аспект освоения Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2012. № 6. С. 39–46.
- Черепанова 2006 – *Черепанова Н.В.* Путешествие как способ измерения культурного пространства // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2006. № 7. С. 65–71.
- Шевченко, Белецкая 2024 – *Шевченко И.О., Белецкая Т.В.* Символический капитал места как констелляция социальных смыслов (на примере Калининградской области) // *Социологические исследования.* 2024. № 10. С. 116–128.
- Anholt 2008 – *Anholt S.* Place branding: Is it marketing, or isn't it? // *Place branding and public diplomacy.* 2008. № 1 (4). P. 1–6.

References

- Anholt, S. (2008), “Place branding: Is it marketing, or isn't it?”, *Place branding and public diplomacy*, no. 1 (4), pp. 1–6.
- Cherepanova, N.V. (2006), “Travel as a way of measuring cultural space”, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 7, pp. 65–71.
- Lindner, R. (2017), “Texture, imaginary, habitus. Key concepts of cultural analysis in urban studies”, in *Sobstvennaya logika gorodov: novye podkhody v urbanistike* [Own Logic of Cities. New Approaches in Urbanism], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 68–77.
- Penkina, N.V. and Chernyavskaya, O.V. (2021), “Tourism as a social experience system: social and philosophical analysis”, *MCU Journal of Philosophical Sciences*, no. 4 (40), pp. 37–47.
- Rezvukhina, A.I. (2020), “Invention of the past: landscape as a way of identity constructing”, *Studia Culturae*, no. 46 (4), pp. 186–202.
- Shevchenko, I.O. and Beletskaya, T.V. (2024), “Symbolic capital of a place as a constellation of social meanings (the case of the Kaliningrad region)”, *Sociological Studies*, no. 10, pp. 116–128.

Sologubov, A.M. (2012), "Migrant as *homo scientis*: the epistemological aspect of reclamation of the Kaliningrad region", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social sciences*, no. 6, pp. 39–46.

Wirth, L. (2005), *Izbrannye raboty po sotsiologii: Chornik perevodov* [Selected works on sociology], A collection of translations, INION RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна В. Белецкая, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; beletskaya.t@gmail.com

Information about the author

Tatiana V. Beletskaya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; bld. 14, Aleksandra Nevskogo Street, Kaliningrad, Russia, 236016; beletskaya.t@gmail.com

УДК 316.343.24

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-132-139

Социальный потенциал интеллигенции как субъекта благотворительной деятельности

Анастасия К. Разина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, razina.ak@rggu.ru*

Аннотация. Традиционно представители интеллигенции являлись важными участниками благотворительного обмена. Наличие у данной социальной группы ряда нематериальных ресурсов, составляющих ее богатый социальный потенциал, позволяет говорить об особых формах участия интеллигенции в благотворительной деятельности.

В статье на основе вторичного анализа данных исследования «Благотворительная помощь кризисным семьям», проведенного группой исследователей лаборатории «Ксилаб» по заказу Благотворительного фонда «Шалаш» в 2020–2021 гг., рассматриваются специфические элементы социального потенциала интеллигенции и возможности для их реализации в сфере благотворительности. Интеллигенция как социальная группа носителей специфических знаний, навыков и ресурсов может выступать значимым субъектом благотворительного процесса, оказывая нематериальную помощь как благополучателям, так и различным социальным организациям в сфере благотворительной помощи и меценатства.

Ключевые слова: благотворительность, интеллигенция, социальный потенциал, нематериальный ресурс, кризисная ситуация, экспертный потенциал, социально-информационный потенциал

Для цитирования: Разина А.К. Социальный потенциал интеллигенции как субъекта благотворительной деятельности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 132–139. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-132-139

© Разина А.К., 2025

The social potential of intelligent community as a subject for philanthropic activity

Anastasiya K. Razina

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, razina.ak@rggu.ru

Abstract. Intelligent community have long been active participants in acts of philanthropic exchange. Their contribution is particularly significant due to the intangible assets they possess, which constitute their rich social capital. That allows talking about specific forms of engagement of intellectuals in philanthropy.

The article considers those aspects based on a secondary analysis of data obtained from a study carried out by The Ksilab Laboratory of complex sociological research and commissioned by the Shalash Charity Foundation and conducted by a research team in 2020–2021. The study was titled “Charitable Assistance to Crisis Families”. The article delves into the social capital possessed by intellectuals and the opportunities for its application in the field of charity.

As members of a social group endowed with specific knowledge, skills, and resources, intelligent community may act as a significant subject in the philanthropic process, providing non-tangible assistance to various social organizations engaged in charitable aid and sponsorship.

Keywords: philanthropy, intelligent community, social potential, nonmaterial resource, crisis situation, expert potential, social and informational potential

For citation: Razina, A.K. (2025), “The social capital potential of intelligent community as a subject for philanthropic activity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 132–139. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-132-139

Введение

История благотворительности в России берет свои истоки еще в X в. и связывается с приходом христианской этики. Традиционно в благотворительной деятельности участвовали представители различных социальных групп, обладающие различными материальными и нематериальными ресурсами: представители царской семьи (в дореволюционную эпоху), священнослужители различных санов и конфессий, различные меценаты, владеющие материальным капиталом, а также представители такой специфической социальной группы, как интеллигенция [Буданцева 2010,

с. 56–57]. Ярким примером участия представителей интеллигенции в благотворительной деятельности являются супруги Шанявские Альфонс Леонович и Лидия Алексеевна, положившие на организацию народного университета не только свои финансовые активы, но социальные связи и обширные знания в различных областях, полученные благодаря достойному и прогрессивному образованию [Буланова 2024, с. 73–74].

Благотворительную деятельность можно определить как добровольную и условно-безвозмездную передачу излишка материального или нематериального ресурса одним участником социального взаимодействия (личностью, общностью, институтом, организацией) другому, демонстрирующему недостаток этого ресурса. При использовании данного определения становится очевидным, какие материальные ресурсы благотворительности могут подлежать обмену: в первую очередь, денежные ресурсы, иные материальные активы и недвижимое имущество. Однако в контексте обсуждения интеллигенции гораздо важнее отметить наличие у нее ряда нематериальных ресурсов, которые также могут стать предметом благотворительного обмена. Именно поэтому социальный потенциал интеллигенции можно рассматривать как фактор участия интеллигенции в благотворительной деятельности.

Понимание социального потенциала интеллигенции

Структура социального потенциала как феномена включает в себя ряд элементов, такие как «трудовой, социально-демографический, научно-образовательный, профессионально-квалификационный, инновационный, организационно-управленческий, социально-политический потенциалы» [Файзулин, Файзулин, 2023, с. 47]. Рассматривая данную структуру в рамках анализа социального потенциала интеллигенции как особой социальной группы и участника благотворительного обмена, отметим, что наибольший интерес представляют следующие элементы ее социального потенциала, которые в рамках данной статьи мы считаем допустимым объединить категорией «экспертный потенциал»:

- 1) научно-образовательный: интеллигенция в лице ученых, преподавателей, исследователей обеспечивает аккумуляцию, распространение и развитие различных областей знания, в том числе научного, производит анализ и оценку различных социальных процессов, обеспечивает культурное и нравственное развитие молодежи;

- 2) профессионально-квалификационный: зачастую именно интеллигенция обладает определенными экспертными знаниями, имеет ряд общих и специфичных профессиональных компетенций, применимых в различных областях деятельности;
- 3) инновационный: в данном случае можно рассмотреть способность интеллигенции генерировать, развивать и внедрять новые идеи, технологии и методы, способствующие прогрессу в различных областях.

Также уместно добавить такой элемент социального потенциала интеллигенции, как социально-информационный. Представители интеллигенции, особенно в условиях роста цифровизации жизни и быстрого распространения информации, зачастую достигают довольно высокого уровня публичности и узнаваемости. Данный фактор сам по себе, возможно, не играет значимой роли, однако публичность может стать важным фактором распространения обозначенных выше ресурсов интеллигенции, являться каналом повышения осведомленности о тех или иных социальных проблемах.

Социальный потенциал интеллигенции – возможности для реализации в благотворительной сфере

Итак, как может быть задействован социальный потенциал интеллигенции в благотворительной сфере? Предлагаем рассмотреть данный вопрос на примере социологического исследования «Благотворительная помощь кризисным семьям», проведенного коллективом Лаборатории комплексных социологических исследований «Ксилаб» по заказу Благотворительного фонда «Шалаш» в 2020–2021 гг. Исследование проходило в три этапа:

1. Экспертные интервью (ноябрь–декабрь 2020 г.) – 7 интервью со специалистами из различных сфер, чья деятельность связана с работой с кризисными семьями.

2. Глубинные интервью (ноябрь–декабрь 2020 г.) – 13 интервью с представителями семей с детьми, обращавшихся за помощью в НКО.

3. Дискурс-анализ интернет-сообществ – качественный анализ сообщений и комментариев из 16-и источников (тематических форумов и сообществ в социальных сетях).

Целью исследования выступил поиск путей преодоления кризисных ситуаций и оснований для совершенствования помощи семьям, а его результаты легли в основу стратегии коммуникации

и непосредственной работы фонда¹. Также важно было выявить нематериальную составляющую благотворительной помощи кризисным семьям, а именно определить, какие эмоциональные, социальные и экспертные ресурсы необходимы семьям в ситуации кризиса [Таловская и др. 2021, с. 143–144]. Далее мы будем производить вторичный анализ данных описанного исследования.

Самый очевидный ресурс интеллигенции для помощи – это ее непосредственная экспертиза, через которую реализуется научно-образовательный, профессионально-квалификационный и инновационный социальный потенциал интеллигенции. Исследование 2021 г. показало определенные лакуны, в которых требуется экспертный ресурс.

1. Консультирование некоммерческих организаций и сектора в вопросах работы с благополучателями. В исследовании выявлено определенное недоверие благополучателей к субъектам благотворительной деятельности, особенно к государственным организациям, которые воспринимаются скорее как органы контроля, а не поддержки. Кроме того, отмечается кадровый голод в рассматриваемой сфере, ведущий к ряду других системных проблем: инфраструктурных, профилактических и информационных².

2. Нематериальная помощь благополучателям, под которой мы понимаем прямую благотворительную деятельность, как разовую (единичный благотворительный акт), так и регулярную (сотрудничество с теми или иными благотворительными организациями, систематические акты благотворительности), и постоянную (членство в благотворительных организациях, профессиональная благотворительная деятельность). Нематериальная помощь может быть оказана в различных форматах; так, в цитируемом исследовании выделяется образовательная, психологическая, досуговая, экспертная помощь³.

3. Обеспечение технологического прогресса в сфере благотворительности, включая разработку и совершенствование методики помощи, развитие социальной инфраструктуры, инновации в сфере медицины и высоких технологий. Яркий пример – научно-производственная лаборатория «Сенсор-тех», разрабатывающая

¹ Благотворительная помощь кризисным семьям: критерии эффективности и восприятие благополучателями: Отчет по результатам социологического исследования. 2021 г. URL: <https://shalash.academy/research/help-crisis-families>. (дата обращения 14 января 2025). С. 7–9.

² Благотворительная помощь кризисным семьям... С. 27–30; 43–45; 60–61.

³ Там же. С. 66–69.

технические устройства и программное обеспечение для людей с нарушением зрения и слуха⁴.

Отдельно стоит упомянуть, что в цитируемом исследовании отмечается наличие прямой корреляции между образованием и способностью преодолевать кризисные ситуации без посторонней помощи⁵. Это подтверждает часто наблюдаемые кейсы, в которых представители интеллигенции, сами сталкиваясь с трудной жизненной ситуацией, не только благополучно преодолевают кризис, но и находят в дальнейшем ресурсы для помощи тем, кто столкнулся с подобными ситуациями. Среди примеров стоит упомянуть кандидата социологических наук Ю.В. Кремневу, мать ребенка с одновременным нарушением зрения и слуха, в 2019 г. возглавившую межрегиональную благотворительную общественную организацию «Сообщество семей слепоглухих»⁶. Однако данное утверждение является скорее гипотезой и требует более глубокого исследования.

4. Следующий важный ресурс – публичность. Участники исследования о кризисных семьях – как эксперты, так и благополучатели – сообщали о недостаточной осведомленности как самих потенциальных благополучателей о возможностях, которые им предоставляют государство и НКО, так и широкой общественности о проблемах социально уязвимых граждан. Если в первом случае это приводит к тому, что потенциальный благополучатель лишается помощи, так как не знает о такой возможности, то второй зачастую приводит к системным социальным рискам в виде замалчивания проблем социально уязвимых групп граждан, недостатку поддержки этих групп и даже их стигматизации⁷.

Таким образом, социально-информационный потенциал интеллигенции может быть реализован в следующих сферах:

- 1) популяризация благотворительной деятельности;
- 2) повышение осведомленности о проблемах социально уязвимых граждан, профилактика их стигматизации;

⁴О Лаборатории «Сенсор-Тех». URL: <https://sensor-tech.ru/about> (дата обращения 14 января 2025).

⁵Благотворительная помощь кризисным семьям... С. 40–41; 58–59.

⁶Федотова Ю. «Это была классная жизнь, но изматывающая». Почему женщины уходят из бизнеса в благотворительность // Forbs Woman. 2020. 29 июня. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/403487-eto-byla-klas-snaya-zhizn-no-izmatyvayushchaya-pochemu-zhenshchiny-uhodyat-iz> (дата обращения 14 января 2025).

⁷Благотворительная помощь кризисным семьям... С. 28–30; 39–40; 60–61; 64–65.

3) «ликвидация безграмотности» в рамках своего экспертного поля: популяризация вопросов психологии, медицины и т. д.

Главный барьер, с которым интеллигенция может столкнуться, реализуя свой социальный потенциал в сфере благотворительности – это негативные установки как потенциального благополучателя, так и иных социальных групп. Они могут проявляться в недоверии к эксперту, зачастую основанном на обывательском опыте; стигматизации, в том числе аутостигматизации социально уязвимых граждан; потребительской позиции отдельно взятых благополучателей; выученной беспомощности.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: интеллигенция обладает особым социальным потенциалом, реализация которого приносит реальную пользу в сфере благотворительности. Представитель современной интеллигенции – это носитель определенного экспертного знания, обладающий той или иной степенью публичности. В условиях цифровизации данные ресурсы не уступают по значимости материальным активам. Однако дальнейшего исследования требуют вопросы мотивации интеллигенции к участию в благотворительности, побуждающие и сдерживающие факторы реализации социального потенциала в данной сфере, а также смыслы, вкладываемые в благотворительную деятельность, и цели, преследуемые субъектом в процессе благотворительного обмена.

Литература

- Буданцева 2010 – Буданцева С.В. Развитие благотворительной деятельности в России // Вестник ТГУ. 2010. № 2. С. 56–61.
- Буланова 2024 – Буланова М.Б. Женщины-благотворители в России конца XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 68–76.
- Таловская и др. 2021 – Таловская Б.М., Аркин Г.О., Зотова В.А., Разина А.К. Сегментация семей с детьми и подростками и варианты помощи // Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: Сб. трудов XIV Междунар. научно-практич. конф. Москва, 6–8 апреля 2021 г. / Отв. ред. А.А. Бочавер. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2021. С. 140–144.
- Файзуллин 2023 – Файзуллин Ф.С., Файзуллин И.Ф. Социальный потенциал как фактор интенсификации общественного развития // XXIII Уральские со-

циологические чтения: Личность, культура, общество: наследие Л.Н. Когана и современность: Материалы Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2023. С. 44–48.

References

- Budantseva, S.V. (2010), "Development of the charitable activity in Russia", *Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 2, pp. 56–61.
- Bulanova, M.B. (2024), "Educational projects of women philanthropists in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 68–76, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-68-76.
- Faizullin, F.S. and Faizullin, I.F. (2023), "Social potential as a factor in the intensification of social development", *XXIII Uralskie sotsiologicheskie chteniya. Lichnost', kul'tura, obshchestvo: nasledie L.N. Kogana i sovremennost': materialy Vseros. nauchno-praktich. konf.* [XXIII Ural Sociological Conference. Personality, Culture, Society. The Legacy of L.N. Kogan and the Present. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference], Yekaterinburg, Russia, pp. 44–48.
- Talovskaya, B.M., Arkin, G.O., Zotova, V.A., and Razina, A.K. (2021) "Segmentation of Families with Children and Adolescents and Options for Assistance", Bochaver, A.A. (ed.), *Podrostok v megapolise: distantsionnoe vzroslenie: Sbornik trudov XIV Mezhdunar. nauchno-praktich.i konf.* [Teenager in the Megapolis. Remote Growing Up. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference], NIU "Vysshaya shkola ekonomiki", Moscow, Russia, pp. 140–144.

Информация об авторе

Анастасия К. Разина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; razina.ak@rggu.ru

Information about the author

Anastasiia K. Razina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; razina.ak@rggu.ru

Ценности и установки современных российских студентов в сфере труда

Ольга В. Китайцева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olga_kitaitseva@mail.ru*

Мария А. Кокоулина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, kokoulinama@yandex.ru*

Аннотация. Трудовые установки и ценности являются важнейшими компонентами трудового поведения молодежи. В статье выявлены ценностные ориентации российских студентов в отношении труда и трудовой деятельности, а также позиции ценностей труда в структуре базовых ценностей. На материалах социологического исследования показано, что мотивация к труду российских студентов прежде всего связана со стратегиями достижения материального благополучия, получения образования, самореализацией и построением успешной профессиональной карьеры.

Рассмотренные авторами состояние уверенности студентов в получении работы после окончания вуза и запросы при трудоустройстве показали, что большинство студентов оптимистично смотрят на перспективу найти работу по специальности, беспокойство вызывает только желаемый уровень оплаты. В качестве важных требований к будущей работе студенты выделяют размер заработной платы, возможность профессиональной самореализации и соблюдение баланса между работой и личной жизнью.

Ключевые слова: труд, трудовая деятельность, мотивация к труду, трудовые установки российских студентов

Для цитирования: Китайцева О.В., Кокоулина М.А. Ценности и установки современных российских студентов в сфере труда // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 140–151. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-140-151

Values and attitudes of modern Russian students in the field of work

Olga V. Kitaitseva

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, olga_kitaitseva@mail.ru*

Mariya A. Kokoulina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, kokoulinama@yandex.ru*

Abstract. Labor attitudes and values are the most important components of the work behavior of young people. The article identifies the value orientations of Russian students in relation to work and work activities, as well as the positions of work values in the structure of basic values. Based on the materials of a sociological study, it is shown, that the motivation for work of Russian students is primarily associated with strategies for achieving material well-being, obtaining an education, self-realization and building a successful professional career.

The state of students' confidence in getting a job after graduation and their requests for employment, examined by the authors, showed that most students are optimistic about the prospect of finding a job in their specialty; the only concern is the desired level of pay. Students highlight the size of the salary, the possibility of professional self-realization, and maintaining a balance between work and personal life as important requirements for future work.

Keywords: labor, labor activity, motivation to work, labor attitudes of Russian students

For citation: Kitaitseva, O.V. and Kokoulina, M.A. (2025), "Values and attitudes of modern Russian students in the field of work", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2 pp. 140–151, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-140-151

Введение

Выявление смыслов социально-экономической деятельности человека во многом сводится к оценке своего благополучия, благосостояния, а также достижения достойных, по его мнению, условий труда и отдыха [Тощенко 2016, с. 11]. Оценка и нахождение смыслов в том, как работник интерпретирует свою деятельность в сфере труда, определяет место, которое занимает труд и трудовая деятельность в его жизни. В этой связи изучение поведения людей в сфере труда позволяет очертить аксиологический контур их жизни.

Несмотря на то что трудовое поведение чаще рассматривается в экономических науках, однако, не всегда трудовое поведение обуславливается производственной логикой или объективной необходимостью зарабатывать деньги. Трудовые установки работников формируются из определенной системы предпочтений, а также ценностных образов и ожиданий, которые в дальнейшем ложатся в основу смыслов экономической и хозяйственной деятельности общества.

Особенно важное значение приобретает выявление представлений о будущей работе у студентов российских вузов, которые только получают профессиональное образование для выхода на рынок труда или уже начинают свой трудовой путь параллельно с получением образования. Интерес исследователей к этой тематике определяется изменениями в ценностной системе общества, произошедший в результате смены экономической модели хозяйствования. Рыночные отношения формируют иную иерархию базовых ценностей и меняют место труда в системе общечеловеческих ценностей и ориентаций. Соответственно разделяемые современными студентами трудовые ценности и установки станут строительным материалом будущих моделей трудового поведения, определяя структуру наиболее значимых компонент для анализа профессиональной/трудовой деятельности. Распространенные среди студентов высших учебных заведений трудовые ценности и установки оказывают влияние на их поведение на рынке труда, формирование личных профессиональных стратегий, вовлеченность в творческий процесс. Таким образом разделяемые молодыми людьми трудовые ценности в будущем найдут свое отражение в коллективных и индивидуальных действиях по вовлеченности в производственные процессы, которые позволяют работать над увеличением производительности труда.

В данной статье мы обращаемся к данным опроса проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2023 г. по общероссийской выборке в 30 субъектах федерации всех федеральных округов «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии»¹;

¹ Опрос «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенный в апреле-мае 2023 г. Исследовательский коллектив под руководством д-ра полит. наук Н.М. Великой. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6757 респондентов. Проведен в 30 субъектах во всех федеральных округах.

данным инициативного всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 16 февраля 2021 г. (N = 1600), телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке, а также данным инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник», 31 марта 2024 г. (N = 1600)², телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке телефонных номеров, задействованных на территории РФ, данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки не превышает 2,5%.

В рамках анализа будут показаны представления российских студентов о будущей профессиональной/трудовой деятельности, цели трудовой деятельности и ее значимость в структуре ценностей индивида, отношение к различным ее аспектам и характеристикам, а также какое место занимает трудовая деятельность в ценностных ориентациях российских студентов, а также значимые ценностные установки трудовой деятельности студентов и факторы, влияющие на выбор места работы при трудоустройстве.

Обзор литературы

В социологии изучение ценности труда имеет давнюю традицию. Работы Г. Зиммеля можно считать основой в процессе формирования различных подходов к исследованию проблем трудовой деятельности. Он маркировал разделение на физический и умственный труд, а также указывал, что такой дуализм обусловлен отличающимися ценностями, основанием которых является определенная квалификация работников.

В кругу современных социологических подходов изучение ценности труда направлено на изучение взаимосвязи труда с сознанием человека, тех ценностей и ориентиров, содержание которых является основанием того или иного отношения к трудовой деятельности, удовлетворенности трудом, профессиональной самореализации и др.

²Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 16 февраля 2021 г. (N = 1600). Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке, извлеченной из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%.

Можно выделить в научной литературе ряд методологических подходов к изучению трудовых ценностей. В нашем исследовании мы будем опираться на разделение трудовых ценностей на внутренние и внешние, которое было обосновано в работах Э. Дисси и Р. Райана [Ryan, Deci 2000]. Внутренние трудовые ценности объединяют ценности, характеризующие возможности самореализации. Среди них – заинтересованность в работе, возможность проявлять творческий подход и инициативу при решении поставленных задач, согласованность сферы трудовой деятельности и способностей человека и др. Внешние ценности объединены вокруг восприятия результатов трудовой деятельности, а также служат для достижения других ценностей, таких как высокая заработная плата, комфортные условия труда и др.

Труд в ценностных ориентациях российских студентов

Мнения студентов о месте труда в жизни человека показывают относительно низкую приоритетность труда как смыслообразующей ценности для современных студентов (см. табл. 1). По сравнению с мнением россиян, которые видят в труде прежде всего инструментальную ценность, связанную с зарабатыванием денег, студенты даже чаще считают, что «Труд – это дело: чем лучше платят, тем больше делаю», с этим суждением согласны 47,6% студентов против 32,6% от всех опрошенных. Таким образом почти половина студентов, считают, что основной смысл работы в зарабатывании денег, вместе с тем 30,3% студентов находят труд интересным, но хотели бы соблюдать баланс между работой и личной жизнью.

Студенты определились с условиями, при которых они согласились бы работать лучше. Основная мотивация для студенческой молодежи – это достойная зарплата, так считают 50,6% студентов. Также для молодых людей важной причиной более высокой интенсивности работы является возможность обучения по своей профессии, так думают 43,2% студентов. Важность профессиональной самореализации студентов отражается также и в стратегиях, которым следуют студенты при выборе вузов [Ирсетская, Китайцева 2023].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Скажите, пожалуйста, чем для Вас является труд?»,
% от опрошенных

Варианты ответа	Студенты	Все опрошенные
Труд – это дело: чем лучше платят, тем больше делаю	47,6	32,6
Нахожу труд интересным, но не позволю ему мешать остальной жизни	30,3	34,9
Труд – неприятная необходимость. Если бы мог, не работал бы	6	10,4
Хотел бы вложить в труд все лучшее, независимо от заработка	15	18
Затрудняюсь ответить	1	4,1

Источник: Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 2021 г.

Рис. 1. Распределение ответов студентами на вопрос:
«При каких условиях Вы стали бы работать на своем рабочем месте лучше, чем сейчас?» (закрытый вопрос, не более трех ответов, % от опрошенных)

Источник: Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 2021 г.

Важную роль в повышении производительности труда, по мнению студентов, играют ценность заработанных денег (32,6%), компетентность руководства (20,8%), уважение к трудовым успехам труда (10,9%). Обращаясь к данным исследования коллег, нужно сказать, что

...важным инструментом стимулирования подготовки кадров, необходимых стране, является политика оплаты труда не только в зависимости от уровня и качества выполняемых трудовых обязанностей, но и с учетом важности и значимости той отрасли экономики и культуры, в которой работает специалист» [Тощенко 2024, с. 39].

Таким образом, несмотря на важность материального стимулирования, студенты хотели бы еще видеть перспективы своего профессионального, должностного роста и квалифицированных руководителей. В этой связи пока остается актуальным вывод, сделанный И.О. Шевченко о том, что «отношение к работе и представления о мотивах труда в России являются противоречивыми, но пока в России преобладает «культура труда» [Шевченко 2022, с. 77], когда значительная часть населения считает труд внутренней необходимостью. Среди студентов 15% хотели бы вложить в труд все лучшее, независимо от заработка.

Рис. 2. Распределение ответов студентов на вопрос:
«Что делает Вас счастливым человеком?»,
в %, множественный ответ

Источник: Исследование ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.

Имеет смысл обратить внимание на позиции ценностей важных для студентов в рейтинге жизненных приоритетов, которые делают человека счастливым: достижение успехов на работе, в профессии (41,1%), успехи в учебе, образованность (34,8%), самореализация/реализация своих творческих способностей (28,2%). Названные ценности так же, как и традиционно занимающие верхние позиции рейтингов ценности свободы (59,7%), семьи (57%), любви (56,4%) становятся весьма значимыми для молодых людей (см. рис. 2).

Таким образом труд и трудовая деятельность не занимают топовых позиций в ценностных ориентациях российских студентов, а мотивация к труду связана со стратегиями достижения материального благополучия, получения образования, самореализацией и построением успешной профессиональной траектории.

Трудовые установки российских студентов при трудоустройстве

Результаты исследования выявили, что российские студенты в целом оптимистично смотрят в будущее. Почти треть (27,6%) студентов вузов уверены, что смогут найти хорошо оплачиваемую работу по специальности после окончания вуза (табл. 2); 42,2% уверены, что работу по специальности найдут, вопрос только в достойной оплате. Укрепление уверенности соискателей отмечают и рекрутинговые агентства, что связывают с демографическим кризисом и дефицитом молодых соискателей на рынке труда.

В условиях низкого индекса конкуренции на рынке труда компании пытаются привлечь соискателей «социальным пакетом», хорошими условиями труда³. Для студентов важны такие характеристики будущего рабочего места как: хорошие условия труда (рабочее место, оборудование) 28,8%, предоставление социальных гарантий, предусмотренных законом (оплачиваемые отпуска, больничные дни, различные выплаты...) 25%, дополнительный «социальный пакет» со стороны предприятия (поликлиника, путевки, детсад, жилье) 10,1% (рис. 3).

³ Дембинская Н. «Уже некого набирать»: Россия столкнулась с новой проблемой // Официальный сайт РИА новости 05.08.2023. URL:<https://ria.ru/20230508/trudoustroystvo-1870029905.html> (дата обращения 14 марта 2025).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы считаете, легко ли Вы сможете найти работу по специальности после окончания вуза?», в % от опрошенных

Да, вполне реально найти хорошо оплачиваемую работу по специальности	27,6
Работу по специальности найти можно, но хорошо оплачиваемую – трудно	42,2
Трудно будет найти любую работу по специальности	11,9
Практически невозможно	2,3
Еще не знаю	16

Источник: Исследование ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.

Мнения студентов о смысле работы и о ее месте в жизни человека показывают, что при устройстве на работу выпускники вузов делают акцент на инструментальной составляющей ценностных характеристик труда (рис. 3). Чаще всего для соискателей первого места работы важен размер заработной платы, об этом сказали 62,6% опрошенных студентов. В то же время, содержательный характер труда и достижение профессиональной самореализации остается в верхних строках тех характеристик, которые важны для студентов при трудоустройстве, 52,7% опрошенных указали на это.

Необходимо обратить внимание на то, что в структуре ценностей работы выявляется важность баланса между трудовой деятельностью и личной жизнью работника. При рассмотрении трудоустройства 39,4% студентов говорят о важности удобного режима и графика работы, а также удобства транспортного достижения места работы (рис. 3). По данным сервиса по поиску работы SuperJob сегодня баланс работы и личной жизни удается соблюдать только 39% работающей молодежи до 34 лет, а 42% из этой группы сосредоточены в основном на работе⁴. Продолжающийся

⁴Всероссийский опрос сервиса SuperJob 19 февраля – 14 марта 2024 г. приняли участие 3000 трудоустроенных граждан из всех округов страны, 538 населенных пунктов, исследуемая совокупность: экономически активное население России старше 18 лет, имеющее постоянную работу // Официальный сайт superjob.ru 18.03.2025. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114561/huzhe-vsego-s-balansom-raboty-i-lichnoj-zhizni-uvrachej-i-uchitelej/> (дата обращения 20 марта 2025).

с 2022 г. кризис на рынке труда сформировал нехватку персонала в значительной части отраслей хозяйства. За последнее десятилетие вход в демографическую яму сократил количество человек в возрасте 20–24 лет почти вдвое, что значительно сократило количество персонала, претендующего на стартовые позиции, которые обычно предлагаются молодежи, выпускникам вузов. В этой связи нагрузка на персонал растет, и молодежь вынуждена работать активнее. Поэтому запрос на баланс трудовой деятельности и личной жизни проявляется достаточно явно.

Рис. 3. Если бы Вам пришлось сейчас устраиваться на работу, то что для Вас было бы наиболее важным?

Вы можете дать до трех ответов, в %, множественный ответ

Источник: Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 31 марта 2024 г.

Заключение

Проблематика анализа труда и трудовой деятельности современной студенческой молодежи сегодня остается крайне актуальным и востребованным направлением социального анализа.

Изменения последних лет, которые фиксируются в социально-экономической сфере, в значительной степени определяют место и ценность труда для молодых россиян. Проведенное исследование показало, что труд и трудовая деятельность присутствуют в ценностных ориентациях российских студентов, но не занимают главных позиций.

В среде современной студенческой молодежи меняется отношение и понимание процесса трудовой деятельности, как ценности, а также изменяются принципы и основания трудовой мотивации. В ходе исследования был сделан значимый вывод о том, что в сфере трудовой деятельности мотивация к труду связана со стратегиями достижения материального благополучия, получения образования, самореализацией и построением успешной профессиональной траектории. Профессиональная мотивация студенческой молодежи преимущественно связана с возможностью повышения собственного материального благополучия и получения высокой зарплаты за свой труд. Помимо материального фактора, представители современной студенческой молодежи обращают внимание на наличие комфортных условий труда, поддержание баланса между трудовой деятельностью и личной жизнью, возможность получения социальных гарантий, а также социальные льготы, предоставляемые работодателем.

Литература

- Ирсетская, Китайцева 2023 – *Ирсетская Е.А., Китайцева О.В.* Основные стратегии выбора вуза студентами в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 255–266. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-255-266.
- Тощенко 2016 – *Тощенко Ж. Т.* Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.
- Тощенко 2024 – *Тощенко Ж.Т.* Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2024. № 1. С. 28–42.
- Шевченко 2022 – *Шевченко И.О.* Мотивация труда российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 72–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85.
- Ryan, Deci 2000 – *Ryan R.M., Deci E.L.* Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 54–67.

References

- Irsetskaya, E.A. and Kitaitseva, O.V. (2023), “Basic strategies for choosing a university for students in modern Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 255–266, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-255-266.

- Ryan, R.M., and Deci, E.L. (2000), "Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions", *Contemporary Educational Psychology*, vol. 25, no. 1, pp. 54–67.
- Shevchenko, I.O. (2021), "Russian employee's motivation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 72–85, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85.
- Toshchenko, Zh.T. (2016), "Life world and its meanings", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 6–17.
- Toshchenko, Zh.T. (2024), "Forms of the higher education participation in ensuring labor productivity", *RUDN Journal of Sociology*, no. 1, pp. 28–42.

Информация об авторах

Ольга В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; olga_kitaitseva@mail.ru

Мария А. Кокоулина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; kokoulinama@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga_kitaitseva@mail.ru

Mariya A. Kokoulina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kokoulinama@yandex.ru

Карьера молодежи
в условиях нестабильности института труда:
теоретико-методологический анализ

Роман К. Дианов

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва, Россия, r.dianov@immo.mgimo.ru*

Аннотация. В статье представлен теоретико-методологический подход, направленный на изучение карьерных установок молодежи в контексте растущей неопределенности на рынке труда. В условиях быстро меняющегося социума у работников остается меньше возможностей рассчитывать на построение стабильной и долгосрочной карьеры в рамках одной компании. В современных концепциях карьеры делается акцент на усилении значимости различных форм трудовой мобильности, на изменении ценностных ориентаций работника и важности субъективного восприятия собственного профессионального пути. Можно говорить о формировании нового типа карьеры, свойственного информационному обществу. На основе анализа ряда вторичных данных автором предпринята попытка выяснить, как традиционный и новый типы карьерного развития проявляются среди российской молодежи. Выявлено, что ориентации молодых россиян в отношении своей карьеры имеют гибридный, смешанный характер. В целом молодежь ориентирована на построение организационной карьеры, при которой заработная плата выступает важнейшим фактором успеха. Вместе с тем некоторые молодые люди проявляют интерес к работе на себя, дистанционной занятости. Часть молодежи готова демонстрировать самонаправленность в ходе своего профессионального развития, менять организации при необходимости. Делается вывод, что изучение карьерных установок и ориентаций молодых людей должно учитывать сосуществование традиционного и нового типов карьеры.

Ключевые слова: карьера, труд, занятость, молодежь, карьерные установки, безграничная карьера, протейная карьера, исследования карьеры

Для цитирования: Дианов Р.К. Карьера молодежи в условиях нестабильности института труда: теоретико-методологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 152–161. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-152-161

© Дианов Р.К., 2025

Theoretical and methodological analysis of youth career development in the context of labor market instability

Roman K. Dianov

MGIMO University, Moscow, Russia, r.dianov@inno.mgimo.ru

Abstract. This article develops a theoretical and methodological approach to studying the career attitudes of young people amid growing labor market uncertainty. In a rapidly changing society, individuals have fewer opportunities to build stable, long-term careers within a single company. New career models emphasize strengthening the importance of various forms of labor mobility, shifts in employee value orientations, and the significance of subjective perceptions of one's professional path. Thus, a new type of career, special to the information society, is emerging. Based on an analysis of several secondary data the author attempted to ascertain how traditional and new career development types are manifested among Russian youth. The results indicate that young Russians' career orientations are hybrid and mixed. Generally, younger individuals aim to build organizational careers, with salary being a critical measure of success. However, there is also significant interest in self-employment, freelancing, and remote work. Some are willing to demonstrate self-directed approaches to their professional development and to change organizations when necessary. The study concludes that consideration in the career attitudes and orientations of young people should account for the coexistence of both traditional and new career types.

Keywords: career, labor, employment, youth, career attitudes, boundary-less career, protean career, career studies

For citation: Dianov, R.K. (2025), "Theoretical and methodological analysis of youth career development in the context of labor market instability", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 152–161, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-152-161

Введение

В настоящий момент занятость работников характеризуется возрастающей неопределенностью [Анисимов 2017]. Несмотря на то что теоретики постиндустриализма считали творческий и интеллектуальный труд основой развития нового общества [Тоффлер 1986], современные исследователи нередко говорят о прекаризации рабочей силы [Прекариат 2020; Цапко 2020]. В эпоху быстрого технологического прогресса, экономических колебаний и меняющихся общественных ожиданий стабильная и долгосрочная карьера

в рамках одной компании становится труднодостижимой [Sullivan, Varuch 2009].

В условиях информационного социума взгляды научного сообщества на профессиональное развитие радикально трансформировались. Если ранее карьера рассматривалась главным образом с точки зрения последовательного роста в иерархии определенной организации [Sullivan, Varuch 2009], то теперь исследовательским мейнстримом являются концепции «безграничной» и «протейной» карьеры, придающие особое значение агентности, гибкости, адаптивности, самонаправленности и субъективному удовлетворению современного работника [Gubler et al. 2014].

Согласно данным ВЦИОМ за 2021 г., хорошая работа входит в число важных ценностей для молодых россиян 14–35 лет, об этом сказали 31% респондентов¹. По материалам других исследований, построение карьеры – актуальный жизненный приоритет более 80% 18–24-летних² (2020 г.), профессиональная самореализация/карьера является в той или иной степени необходимым компонентом для ощущения оптимизма и уверенности в завтрашнем дне (в 2022 г. так считали 100% 18–24-летних и 95% 25–34-летних)³.

Исследовательская проблема заключается в необходимости поиска концептуальных оснований изучения феномена карьеры в контексте неопределенности и многоаспектности влияния типов занятости на профессиональные траектории российской молодежи. Цель статьи – очертить установки и ориентации молодых людей по отношению к карьере на основе разрабатываемого теоретико-методологического подхода, учитывающего амбивалентные трансформации института труда современного общества.

¹ Молодежь и молодежная политика // Официальный сайт ВЦИОМ. 2022. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-02-15_Molodezh_i_molodezhnaja_politika_gd_2022.pdf (дата обращения 17 февраля 2025).

² Портрет современной молодежи и особенности межпоколенческой коммуникации // Официальный сайт ВЦИОМ. 2021. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2021/21-12-02_Fedorov_Mu_vmeste_mezhpokolencheskie_komunikacii.pdf (дата обращения 17 февраля 2025).

³ Сменим тему. Как Вы считаете, насколько нужно таким людям, как Вы, чтобы ощущать оптимизм, уверенность в завтрашнем дне: Профессиональная самореализация, карьера (закрытый вопрос, один ответ) // Открытая база данных ВЦИОМ-Навигатор. 2025. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/41e39097-9e5a-4dee-8655-cf774f37f008/cross/2846ff67-3c6e-4103-b5ae-eeb9bff6948b> (дата обращения 17 февраля 2025).

Теоретико-методологические основания изучения феномена карьеры

В результате усложнения социума изменились исследовательские взгляды на профессиональную карьеру – свое развитие получили новые теории, предполагающие отказ от традиционного рассмотрения карьеры как последовательного и долговременного роста в должности, связанного с объективным улучшением социально-экономического положения [Baruch 2006]. Среди современных моделей действительно значимыми исследовательскому сообществу представляются концепции «безграничной» (boundaryless) и «протейной»⁴ (protean) карьеры, отражающие динамичность и многоаспектность поведения трудящихся в контексте усложненных рисков рынка труда [Gubler et al. 2014].

В концепции «безграничной» карьеры, разработанной М. Артуром с соавторами, оспаривается представление, согласно которому карьера строится преимущественно в рамках одной компании. Современная карьера выходит за устоявшиеся организационные, отраслевые и пространственные границы: работники не привязаны к своему работодателю, форме занятости и сфере деятельности, сосредоточены на приобретении навыков и опыта, репутации и базы контактов, поддержании мотивации и выработке целей [Arthur, Rousseau 2001]. Если в данной концепции карьера рассматривается главным образом с точки зрения мобильности – множества перемещений между фирмами, способами трудоустройства, видами деятельности и их оценки актором, то Д. Холл сконцентрировал свое внимание на субъективно-психологических параметрах профессионального развития. Д. Холл сосредоточен на двух аспектах карьерного поведения: 1) самонаправленность индивида (т. е. способность актора самостоятельно определять вектор своего профессионального развития; 2) приверженность внутренним ценностным установкам, задающим субъектные критерии успеха (в противовес объективным – доходу, повышению в должности и т. п.) [Hall et al. 2018].

Итак, «новая» карьера развивается на фоне динамически трансформирующейся социально-экономической среды и предполагает нелинейную и гибкую траекторию, выход за пределы устоявшихся корпоративных норм, самостоятельность и рефлексивность актора относительно своего профессионального развития. Вместе с тем исследования показывают, что многие участники рынка труда до

⁴ Прилагательное «протейный» (protean) образовано от имени древнегреческого бога Протея, который мог принимать различные облики, и подразумевает переменчивость, активную самостоятельность.

сих пор остаются привержены традиционному карьерному пути и соответствующим ценностям [Sullivan, Baruch 2009; Galfalvi et al. 2020], поэтому «сбрасывать со счетов» модель линейной карьеры, предусматривающую продолжительную работу и продвижение в рамках одной компании, было бы ошибкой.

Восприятие карьеры и труда российской молодежью

Рассмотренные концепции дают возможность сформировать представление о новом типе карьеры, который свойственен пост-индустриальному рынку труда. Данный тип карьеры, акцентирующий внимание на нелинейности, флексибильности, активной самостоятельности работника и личностно-ориентированных параметрах успеха, сосуществует с традиционным, предполагающим ориентацию на внутриорганизационное профессиональное развитие и повышение социального статуса.

Материалы ВЦИОМ за 2021 г. фиксируют неоднозначное восприятие труда молодыми россиянами⁵. 44% представителей молодежи в группе 18–24 гг., 37% в группе 25–34 гг. считают, что труд представляет собой дело, которое положительно связано с заработком: чем больше ты получаешь, тем больше ты должен работать. 30% в группе 18–24 гг., 34% в группе 25–34 гг. полагают, что труд интересен, однако он не должен мешать остальной жизни. При этом категория «идейной» молодежи (те, кто хочет вкладываться в свой труд, в независимости от оплаты) невелика: 16% 18–24-летних и 20% 25–34-летних⁶.

Данные за 2020 г. позволяют говорить о наиболее важных характеристиках работы. Лидирует размер заработной платы – это основной показатель, на который смотрит молодежь при трудоустройстве: 73% в группе 18–24 гг., 78% в группе 25–34 гг.⁷ Вторым по важности фактором является удобный график, режим и расстояние до работы: порядка трети среди обеих возрастных групп. Официальное оформление при трудоустройстве критически важно только для 14% 18–24-летних и 25% 25–34-летних, возможность

⁵ Молодежь и карьера в России: амбиции, возможности, барьеры // Официальный сайт ВЦИОМ. 2022. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2020-02-17_TrudKrut.pdf (дата обращения 17 февраля 2025).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

профессиональной самореализации – для 17% 18-24-летних и 23% 25–34-летних⁸.

Опрос 2020 г. показывает, что молодежь 18–30 лет чаще ассоциирует деньги с трудом (59% против 50%) и успехом (30% против 23%) по сравнению с населением в целом⁹. Для молодежи в наибольшей степени характерен внутренний локус контроля в финансовом плане: 72% 18–30-летних полагают, что материальный успех зависит преимущественно от них лично, а не от стечения обстоятельств или случайности, по сравнению с 56% по выборке в целом¹⁰.

Другой опрос ФОМ свидетельствует, что 55% молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет стремится к тому, чтобы получить высокие руководящие должности¹¹. Важный аспект, который также поднимается в рамках данного исследования – дихотомия интереса к работе и дохода от нее. 52% 18–30-летних считают, что лучше будет выбрать такую работу, которая принесет значительный доход, даже если она не является для них интересной. 38% опрошенных молодых людей придерживаются противоположного мнения. Удельный вес тех, кто ориентирован на интересную работу, а не на заработки, сокращается в соответствии с возрастом респондентов: 43% среди 18–22-летних, 38% среди 23–27-летних, 33% среди 28–30-летних¹².

Одно из исследований ВЦИОМ было посвящено важности различных критериев компании-работодателя для работающего населения¹³. Можно говорить о трех основных факторах, которые в наибольшей степени важны для молодежи при поиске работы. Во-первых, это достойный заработок (средний ранг¹⁴ у 18–24-летних – 4,60, у 25–34-летних – 4,69). Во-вторых, компания должна выполнять свои обязательства, что означает надежность работо-

⁸ Там же.

⁹ Люди и деньги // Официальный сайт ФОМ. 2020. URL: <https://fom.ru/Экономика/14333> (дата обращения 17 февраля 2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Ориентиры и ценности молодых россиян // Официальный сайт ФОМ. 2016. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13083> (дата обращения 17 февраля 2025).

¹² Там же.

¹³ Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску «Труд и занятость» (№ 1) // Социодиггер. 2021. С. 68. URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2020_01_trud_zanyatost/trud1.pdf (дата обращения 17 февраля 2025).

¹⁴ Чем выше значение, тем выше оценка значимости критерия (шкала от 1 до 5).

дателя (средний ранг у 18–24-летних – 4,58, у 25–34-летних – 4,72). В-третьих, работа должна быть безопасной (средний ранг у 18–24-летних – 4,49, у 25–34-летних – 4,57)¹⁵.

Восприятие карьеры молодежью можно понять на основании опроса ВЦИОМ¹⁶ 2014 г. Был задан открытый вопрос относительно того, что для респондента означает карьера/карьерный рост. Выяснилось, что карьера воспринимается молодыми людьми, в первую очередь, как прибавление заработной платы (28% среди 18–24-летних и 27% среди 25–34-летних) и продвижение в рамках организационной иерархии, рост в должности (15% среди 18–24-летних и 19% среди 25–34-летних)¹⁷.

Данные ВЦИОМ¹⁸ 2021 г. демонстрируют, что молодые россияне готовы к трудовой мобильности. Среди работающей молодежи в возрасте 18–24 и 25–34 гг. сменить место работы и/или сферу деятельности хотели бы 52 и 42% соответственно. Исследование на схожую тематику было проведено ФОМ¹⁹ в 2021 г. Мнение молодых людей тогда разделилось практически пополам: 42% 18–30-летних считают, что место работы по возможности лучше не менять, а 48% полагают, что его требуется менять время от времени. В сравнении с более старшими возрастными группами молодежь чаще выступает за смену работы²⁰.

Используя результаты опроса работающих россиян, проведенного ВНИИ труда и СПбГУ в 2018 г., можно сказать, что по сравнению с другими возрастными группами молодые люди 18–29 лет демонстрируют наибольшую готовность к тому, чтобы работать только на себя, таких 56% [Забелина, Мирзабалаева 2020, с. 313]. Молодежь несколько больше, чем старшее поколение, ценит возможности самостоятельной регуляции рабочего времени (79%), объема работы (77%) и выбора места осуществления трудового

¹⁵ Там же.

¹⁶ А что в целом для Вас значит карьера, карьерный рост? (открытый вопрос, любое число ответов) // Открытая база данных ВЦИОМ-Навигатор. 2025. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/arhivarius/questions/22079f9e-162b-4a24-b87e-dda0a3d5fe08/cross/39687f20-10d5-4c18-91d6-7dab40c68795> (дата обращения 17 февраля 2025).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Аналитический обзор «Человек и его работа» // Официальный сайт ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-ego-rabota> (дата обращения 17 февраля 2025).

¹⁹ Трудовая мобильность. ФОМ. 2021. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656> (дата обращения 17 февраля 2025).

²⁰ Там же.

процесса (81%), при этом чаще готова работать дистанционно (41%) [Забелина, Мирзабалаева 2020, с. 313–316].

Итак, в современном социуме имеют место как новый тип карьеры, так и традиционный. Представленные эмпирические материалы свидетельствуют о смешанном восприятии карьеры российской молодежью. Установки молодых людей включают черты двух обозначенных типов: существенная часть молодежи ценит гибкие, поливариантные и самонаправленные профессиональные пути, но традиционные ориентации, связанные с важностью заработной платы и продвижения в должности, также отчетливо проявляются.

Заключение

Карьера развитого общества модерна была связана с долгосрочной работой в рамках одной организации и получением внешних атрибутов успеха – ростом в должности, заработной плате, социальном статусе и т. п. В постиндустриальном обществе появляется новый тип карьеры, характеризующийся агентностью, гибкостью и проактивностью работника, готовностью последнего к различным перемещениям в социально-трудовом пространстве ради удовлетворения собственных желаний и устремлений, связанных с личным благополучием.

Карьерные установки российской молодежи являются смешанными: среди них сочетаются черты как традиционной, так и «новой» карьеры. Заработная плата – внешний маркер успеха – представляется крайне важным фактором, влияющим на профессиональное поведение молодежи. Последнюю в целом отличает стремление получить высокооплачиваемую, интересную и надежную должность в организации. Вместе с тем существенное количество молодых людей положительно настроены к работе на себя, дистанционной занятости. Их значительную часть также отличают внутренний локус контроля по отношению к своей карьере и финансовому состоянию, стремление управлять своим профессиональным развитием и менять работодателей при возникновении соответствующей потребности.

Проведенный анализ показал потенциальную продуктивность использования концепций «безграничной» и «протейной» карьеры для исследования представлений российской молодежи о своем профессиональном развитии. В то же время отказываться от классического объективистского подхода преждевременно, поскольку в современном социуме прослеживаются и традиционный, и новый типы карьеры, проявляющиеся в том числе на уровне установок и ориентаций.

Литература

- Анисимов 2017 – *Анисимов Р.И.* Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52.
- Забелина, Мирзабалаева 2020 – *Забелина О.В., Мирзабалаева Ф.И.* Фриланс как новая гибкая форма самозанятости на российском рынке труда // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 4. С. 307–320.
- Прекариат 2020 – Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
- Тоффлер 1986 – *Тоффлер О.* Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 250–275.
- Цанко 2020 – *Цанко М.С.* Covid-19 как триггер прекарности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 3. С. 87–101.
- Arthur, Rousseau 2001 – *Arthur M.B., Rousseau D.M.* Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle // *The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era* / Ed. by M.B. Arthur, D.M. Rousseau. New York: Oxford University Press, 2001. P. 3–20.
- Baruch 2006 – *Baruch Y.* Career development in organizations and beyond: Balancing traditional and contemporary viewpoints // *Human Resource Management Review*. 2006. Vol. 16. No. 2. P. 125–138.
- Galfalvi et al. 2020 – *Galfalvi E., Hooley T., Neary S.* Are Young People Aged 16-19 Using or Expecting to Use the Gig Economy for Their Careers // *Journal of the National Institute for Career Education and Counselling*. 2020. Vol. 45. No. 1. P. 34–40.
- Gubler et al. 2014 – *Gubler M., Arnold J., Coombs C.* Reassessing the protean career concept: Empirical findings, conceptual components, and measurement // *Journal of Organizational Behavior*. 2014. Vol. 35. No. 1. P. 23–40.
- Hall et al. 2018 – *Hall D.T., Yip J., Doiron K.* Protean careers at work: Self-direction and values orientation in psychological success // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2018. Vol. 5. P. 129–156.
- Sullivan, Baruch 2009 – *Sullivan S.E., Baruch Y.* Advances in career theory and research: A critical review and agenda for future exploration // *Journal of Management*. 2009. Vol. 35. No. 6. P. 1542–1571.

References

- Anisimov, R.I. (2017), “Labor in the uncertainty epoch”, *Sociological Studies*, no. 11, pp. 44–52.
- Arthur, M.B. and Rousseau, D.M. (2001), “Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle”, in Arthur, M.B. and Rousseau, D.M. (eds.), *The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 3–20.

- Baruch, Y. (2006), "Career development in organizations and beyond: Balancing traditional and contemporary viewpoints", *Human Resource Management Review*, vol. 16, no. 2, pp. 125–138.
- Galfalvi, E., Hooley, T. and Neary, S. (2020), "Are Young People Aged 16-19 Using or Expecting to Use the Gig Economy for Their Careers", *Journal of the National Institute for Career Education and Counselling*, vol. 45, no. 1, pp. 34–40.
- Gubler, M., Arnold, J. and Coombs, C. (2014), "Reassessing the protean career concept: Empirical findings, conceptual components, and measurement", *Journal of Organizational Behavior*, vol. 35, no. 1, pp. 23–40.
- Hall, D.T., Yip, J. and Doiron, K. (2018), "Protean careers at work: Self-direction and values orientation in psychological success", *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, vol. 5, pp. 129–156.
- Sullivan, S.E. and Baruch, Y. (2009), "Advances in career theory and research: A critical review and agenda for future exploration", *Journal of Management*, vol. 35, no. 6, pp. 1542–1571.
- Toffler, O. (1986), "The Future of Labour", *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [A New Technocratic Wave in the West], Progress, Moscow, USSR, pp. 250–275.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2020), *Prekariat: stanovlenie novogo klassa: (kollektivnaya monografiya)* [Precariat. The emergence of a new class (collective monograph)], Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, Russia.
- Tsapko, M.S. (2020), "COVID-19 as a trigger of precarity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 87–101.
- Zabelina, O.V. and Mirzabalaeva, F.I. (2020), "Freelancing as a new flexible form of self-employment on the Russian labour market", *Russian Journal of Labor Economics*, vol. 7, no. 4, pp. 307–320.

Информация об авторе

Роман К. Дианов, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76; r.dianov@inno.mgimo.ru

Information about the author

Roman K. Dianov, postgraduate student, MGIMO University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119454; r.dianov@inno.mgimo.ru

УДК 316.4

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-162-171

Социальные аспекты латентных социальных процессов в рамках исследования скрытого социального сиротства (на примере Приднестровья)

Кристина В. Молодец

*Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Приднестровье, Тирасполь, mir.1010@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен скрытого социального сиротства в Приднестровье, который остается недостаточно изученным в социологических исследованиях республики. Автор акцентирует внимание на теоретико-методологических основах, предлагая использовать концепцию латентных социальных процессов, разработанную Э. Дюркгеймом. В исследовании выявлено, что скрытое социальное сиротство охватывает детей, находящихся в семьях с недостаточной социальной и эмоциональной поддержкой, что негативно сказывается на их интеграции в общество. Обсуждаются факторы скрытого социального сиротства, включая аномию, девиантное поведение и снижение уровня доверия к социальным институтам.

Ключевые слова: дети, социальное сиротство, скрытое социальное сиротство, социальный капитал, социальная идентичность, социальное благополучие

Для цитирования: Молодец К.В. Социальные аспекты латентных социальных процессов в рамках исследования скрытого социального сиротства: на примере Приднестровья // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 162–171. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-162-171

Social aspects of latent social processes in the framework of the study of hidden social orphanhood. By the example of Pridnestrovie

Kristina V. Molodets

*Pridnestrovian Shevchenko State University
Tiraspol, Pridnestrovie, mir.1010@mail.ru*

Abstract. The article examines the phenomenon of hidden social orphanhood in Pridnestrovian, which remains insufficiently studied in the sociological

© Молодец К.В., 2025

research of the republic. The author emphasizes the theoretical and methodological foundations, proposing the use of the concept of latent social processes developed by Émile Durkheim for a deeper understanding of this phenomenon. The study reveals that hidden social orphanhood affects children in families with inadequate social and emotional support, negatively impacting their integration into society. The research methodology includes a dialectical approach and secondary analysis of statistical data, allowing for an assessment of the scale of the problem. The consequences of hidden social orphanhood are discussed, including anomie, deviant behavior, and a decrease in trust in social institutions.

Keywords: social orphanhood, hidden social orphanhood, children, social capital, social identity, social well-being

For citation: Molodets, K.V. (2025), "Social aspects of latent social processes in the framework of the study of hidden social orphanhood. By the example of Pridnestrovie", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 162–171, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-162-171

Введение

В социологических исследованиях Приднестровья недостаточно внимания уделяется феномену социального сиротства. Феномен скрытого социального сиротства наиболее полно отражает теория скрытых (латентных) социальных процессов. Среди наиболее значимых идей, которые позволяют глубже понять скрытые механизмы, управляющие обществом, представляются идеи Э. Дюркгейма.

Э. Дюркгейм утверждал, что социальный анализ должен учитывать внешние факторы:

Внешнее воздействие, которому подвергается человек, может не зависеть от его внутреннего состояния; следовательно, его причиной не могут быть события, происходящие в его сознании¹.

Социолог предлагает искать истоки социальных явлений в прошлых фактах. Внутренняя социальная среда позволяет оценить «утилитарную ценность» социального факта, при этом полезными считаются изменения, соответствующие основным условиям общества. Э. Дюркгейм выделяет два типа солидарности: механическую, характерную для традиционных обществ, и органическую,

¹Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. П. Юшкевич. Одесса: Тип. Г.М. Левинсона, 1900. С. 24.

возникающую в современных. Латентные процессы отражают изменения в солидарности и отношениях между социальными группами [Сомхишвили 2016]. В условиях органической солидарности и высокой специализации рост социального сиротства, вызванный индивидуализацией и утратой общности, усугубляется аномией и размытостью норм, что создает у детей чувство беспомощности и дезориентации, способствующее деструктивному поведению и социальной изоляции.

Методология и источники

В исследовании используется вторичный анализ статистических данных для глубокого понимания причин и масштабов скрытого социального сиротства. С 2024 г. в Приднестровье социальными сиротами признаются дети, чьи родители не исполняют обязанности по воспитанию и содержанию, а также те, кто жестоко обращается с детьми. К детям-сиротам и оставшимся без попечения относятся дети с неизвестными родителями, потерявшие обоих родителей, ограниченные или лишенные прав, не способные ухаживать за ребенком из-за инвалидности или отъезда, пропавшие без вести, находящиеся в местах лишения свободы, уклоняющиеся от уплаты алиментов². По данным Министерства по социальной защите и труду Приднестровской Молдавской Республики, на 2024 г. на учете в территориальных отделах состоит 1318 детей до 18 лет: 753 под опекой физических лиц, 481 в государственных учреждениях, 15 в детских домах семейного типа и 69 в организациях профессионального образования³.

Скрытое социальное сиротство – это феномен, который охватывает особые группы населения, особенно уязвимых и маргинализированных слоев. К таким группам относятся дети, воспитываемые в семьях с недостаточной социальной, экономической и эмоциональной поддержкой.

К группам скрытого социального сиротства в Приднестровье можно отнести детей из семей мигрантов и беженцев, семей чьи родители находятся в пенитенциарных и лечебно-профилакти-

²Закон Приднестровской Молдавской Республики «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (текущая ред. на 01.01.2024).

³Статистические показатели в сфере деятельности, подведомственной Министерству по социальной защите и труду ПМР, за период с 1 января по 31 июля 2024 г.

ческих учреждениях, из семей матерей и отцов одиночек, семей, которые теряют связь с семейными ценностями в новых социокультурных условиях. Скрытое социальное сиротство проникает в разные слои общества, подчеркивая необходимость внимания к проблеме разработки комплексных мер поддержки для уязвимых групп населения. В контексте Приднестровья утверждаем, что явление скрытого социального сиротства отражает сложности идентичности и принадлежности отдельных групп населения, которые сталкиваются с последствиями локализованных конфликтов и социально-экономических трудностей. Алгоритм интерпретации данного феномена требует комплексного анализа, включающего как количественные, так и качественные исследования. Предполагается, что феномен скрытого социального сиротства проявляется не только в утрате семейных связей, но и в отсутствии социального капитала, что критически затрудняет адаптацию индивидуумов к стремительно изменяющимся условиям жизни.

Социальное сиротство в Приднестровье

Научный дискурс по теме скрытого социального сиротства в большей степени представлен в исследованиях социальной психологии и педагогики. Скрытое социальное сиротство, вызванное экономическими и психологическими факторами, негативно влияет на личность ребенка, приводя к тревожности, напряжению, усталости и таким поведенческим проблемам, как агрессия, недоверие и депрессия [Сушко 2009].

Исследования показывают, что 53,6% молодежи придерживаются традиционных ценностей, 33,9% проявляют безразличие к ним, 12,5% отрицают такую приверженность. В качестве нравственного ориентира 48,9% указывают на семью, 26,3% – на друзей, 16,7% – на знаменитостей. 48,2% молодежи считают себя нравственными, однако 36,5% проявляют безразличие к нравственным вопросам, что свидетельствует о размывании границ между добром и злом⁴.

Аномия проявляется в повышении уровня преступности и агрессии, когда индивиды не видят смысла в соблюдении социальных норм из-за негативного опыта. Деформация функций социальных институтов, таких как семья, школа и государство, становится ключевым фактором аномии. В условиях изменения традиционных ценностей наблюдается рост девиантных явлений. Семья как

⁴Бобкова Е.М. и др. Индекс развития молодежи: Отчет / Научно-исслед. лаборатория «Социология». Тирасполь, 2021. 100 с.

первичный институт социализации часто не справляется с воспитанием, что приводит к недостатку социально-эмоциональной поддержки и контроля со стороны родителей. В Приднестровье, по данным МВД ПМР, в 2023 г. несовершеннолетними лицами было совершено 159 преступлений. Наблюдается рост противозаконных деяний, совершенных ранее судимыми, на 6%⁵. Преступность среди детей и молодежи Приднестровья имеет групповой характер и демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Большинство преступлений совершают лица в возрасте 16–17 лет, в меньшей степени – 14–15 лет. 90–95% несовершеннолетних преступников – мальчики⁶. Наибольшее количество преступлений связано с преступлениями против собственности, особенно кражами. По видам преступлений: кража и мошенничество составляют 21,8%, грабеж, разбой и вымогательство – 18,1%, изнасилование и покушение – 14,3%⁷. По данным анализа положения молодежи в Приднестровье, индекс «нравственности» в 2021 г. составил 0,51 балла, что указывает на изменения в ценностных ориентациях. Следует отметить, что преступления несовершеннолетних, как правило, связаны с достаточно низким значением права как социальной ценности в общей иерархии ценностей правонарушителей⁸. Аномия создает неопределенность для детей, что приводит к утрате ориентиров и формированию деструктивных моделей поведения. Социальные связи становятся поверхностными, а доверие к институтам минимальным, что требует активного вмешательства для восстановления системы норм и ценностей.

⁵Официальный сайт МВД ПМР. Дети – главная ценность каждой семьи и государства. URL: <https://prokuror-pmr.org/deti-glavnaya-czennost-kazhdoj-semi-i-gosudarstva> (дата обращения 5 февраля 2025).

⁶Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики за 2021 год. URL: <http://mer.gospmr.org/deyatelnost/gosudarstvennaya-sluzhba-statistiki-gosstat/informacziya/arhiv/ezhegodnik-gosudarstvennoj-sluzhby-statistiki.html> (дата обращения 5 февраля 2025).

⁷Салкуцан-Лукьянова О. Проблемы преступности несовершеннолетних // Официальный сайт МИН ЮСТ ПМР. URL: <http://www.justice.idknet.com/web.nsf/926f2cd07ca3eb49c2256d330027620e/25e9046aeb6122d3c225712a00320880!OpenD> (дата обращения 5 февраля 2025).

⁸Маматюк Т.Н. Особенности правосознания лиц, совершающих преступления в несовершеннолетнем и молодом возрасте в Приднестровской Молдавской Республике // Официальный сайт МИН ЮСТ ПМР. URL: <http://minjust.org/web.nsf/664d2901186e70a5c22574d5002ac18/0c8d95aa9b9a9268c225772100466f66!Open> (дата обращения 5 февраля 2025).

Проблема сиротства стала острой из-за роста детской беспризорности, преступности и социальных конфликтов. Сиротство связано с недостаточным родительским попечением и отчуждением ребенка от семьи, что приводит к утрате дома и самоактуализации. Примерно 150 млн детей в мире живут на улицах, подвергаясь эксплуатации и насилию. Дети-беспризорники становятся жертвами мошенников и торговцев людьми, не имея возможности посещать школу или получать медицинскую помощь. В России эксперты оценивают количество беспризорных детей от 1 до 4 млн [Айзатуллина 2013]. Ежегодно через центр услуг для беспризорных детей в муниципалитете Кишинев проходит около 90 детей, из них около 80% из республики и 20% – из столицы, в основном из пригородов⁹. При этом невозможно рассматривать вопросы сиротства и беспризорности вне контекста семьи как основного института формирования индивидуальности и социального становления ребенка, а также как места взаимопомощи и ответственности.

Социальное сиротство также в значительной степени связано с бедностью. Согласно данным Росстата, около 20 млн человек находятся за чертой бедности, а по нашим оценкам, это касается до 80% населения. Увеличение пропасти между социальными группами в доступе к жизненно необходимым ресурсам представляет угрозу для устойчивого развития государства. В условиях нарушения базовых потребностей внимание к социальным ценностям снижается, что ведет к проявлению деструктивных процессов [Логвиненко 2021]. Дети составляют половину населения, живущего в крайней нищете. По данным ЮНИСЕФ и Всемирного банка, цель ликвидации крайней детской бедности к 2030 г. не будет достигнута, если нынешний курс будет сохранен. Среди населения, живущего в крайней нищете, дети составляют 50%, хотя они составляют лишь треть жителей планеты. Цифры особенно тревожны в странах, находящихся в состоянии конфликта, в сельских регионах или в семьях, где главы семей не имели доступа к образованию. В таких ситуациях дети не имеют доступа к еде, средствам гигиены и медицинской помощи. ЮНИСЕФ напоминает, что инвестирование в финансовую поддержку родителей является эффективной мерой по сокращению детской бедности¹⁰.

⁹ Центр услуг для беспризорных детей в муниципии Кишинев. URL: <https://suburbii.chisinau.md/ru/czentru-uslug-dlya-besprizornyh-detej-v-kishineve-edinstvennyj-v-strane-beneficziary-nesovershennoletnie-iz-respubliki-i-stoliczy-osobenno-iz-prigorodov/> (дата обращения 5 февраля 2025).

¹⁰ Организация Объединенных Наций: более 300 миллионов детей живут в крайней нищете. URL: <https://noi.md/ru/v-mire/oon-bolee-300-millionov-detej-zhivut-v-krajnej-nishhete> (дата обращения 5 февраля 2025).

В обществе с осуждением детской безнадзорности формируются гражданские инициативы по созданию семейных форм воспитания. В России проблемы социальных сирот решают как государственные, так и частные благотворительные организации, такие как Российский детский фонд, Фонд профилактики социального сиротства и другие. Организации обучают специалистов, организуют программы социальной адаптации и благотворительные акции, активно пропагандируя семейные ценности. Основное внимание уделяется детям без родительского попечения и детям с особыми потребностями. Некоторые фонды, такие как «Расправь крылья!» и «Апрель», помогают детям в сложных жизненных обстоятельствах, предоставляя вещи и оказывая психологическую и юридическую помощь¹¹. В Приднестровье существует ряд некоммерческих организаций (НКО) и фондов, которые оказывают помощь детям и семьям в кризисных ситуациях. Данные организации осуществляют деятельность в разных направлениях: от социальной поддержки до образовательных программ. К примеру, такие организации как «Детство детям», Благотворительный Фонд «Надежда – семье и детям», «В помощь детям с ОВЗ “Цветик-семицветик”», «Женские инициативы» активно включаются в процесс социальной поддержки и предоставляют психологическую и материальную помощь семьям с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Организуются благотворительные акции, реализуется сбор средств и помощь многодетным семьям¹².

В случае, если преобладают негативные стереотипы о сиротах, это может привести к стигматизации и изоляции, что нивелирует усилия по их интеграции в общество [Крамчанинова 2020]. По данным доклада ЮНИСЕФ, дискриминация и социальная изоляция способствуют усугублению обездоленности и бедности, наследуемых из поколения в поколение, и приводят к ухудшению состояния здоровья, снижению качества питания и успеваемости детей, повышению вероятности тюремного заключения, увеличению числа беременностей среди девочек-подростков, снижению показателей занятости и получению более низких доходов во взрослой жизни¹³.

Социальный капитал возможно измерить при анализе факторов, влияющих на его формирование, одним из таковых является

¹¹Тинькофф. Статистика. URL: <https://journal.tinkoff.ru/stat-waif/> (дата обращения 5 февраля 2025).

¹²Официальный сайт МИНИЮСТ ПМР. URL: <http://minsoctrud.gospmr.org/reestr/> (дата обращения 5 февраля 2025).

¹³ЮНИСЕФ. Расизм и дискриминация в отношении детей широко распространены в странах мира. 18 ноября 2022. URL: <https://www.unicef.org/> (дата обращения 5 февраля 2025).

доверие. Доверие – это интегральная характеристика взаимодействия субъектов, основанная на ограниченных знаниях о сложной социальной реальности. Оно является важным ресурсом, способствующим созданию благоприятных условий для жизни и успешного социального взаимодействия в межличностных отношениях и между субъектами гражданского общества [Бобкова 2014]. Доверие отражает взаимодействие субъектов и способствует благоприятным условиям для жизни. Гражданская идентичность также важна для эффективного развития общества, особенно в подростковом возрасте [Леонтьева 2023]. Гражданская идентичность и доверие являются основными средствами формирования социального капитала. Исследование социального капитала социальных сирот включает анализ их отношений с окружением. Социальный капитал рассматривается как ресурс для социально-экономического развития, а доверие является ключевым фактором его формирования. Доверие можно анализировать на четырех уровнях: индивидуальный, личностный, культурный и социальный. Социальное доверие актуально для анализа доверительных отношений в приднестровском обществе, влияя на социальное благополучие и удовлетворенность граждан. Л.Н. Вдовиченко подчеркивает, что доверие является ключевым фактором, способствующим социальной стабильности. В условиях экономической нестабильности и международных конфликтов доверие к политикам и институтам становится критически важным для поддержания общественного порядка и интеграции [Вдовиченко 2023]. В условиях низкого доверия к политическим и социальным институтам дети и подростки могут чувствовать себя оставленными без поддержки, что усугубляет проблему скрытого сиротства. Недоверие в обществе, по мнению некоторых зарубежных экономистов, связано с экономическим ростом; они считают, что доверие как форма гуманных отношений должно нивелироваться, и отмечают прямую взаимосвязь между показателями «недоверия» и «роста экономики государства» [Доверие 2013]. Однако эта концепция игнорирует ценностно-культурную составляющую доверия и приводит к росту социальной отчужденности и преступности.

Заключение

В статье был рассмотрен феномен скрытого социального сиротства в контексте латентных социальных процессов, что позволяет глубже понять его сущность и влияние на общество. Выявлено, что скрытое социальное сиротство выходит за рамки традиционного понимания одиночества и отсутствия родительской заботы, прояв-

ляясь в противоречии между внешними параметрами благополучия и внутренним неудовлетворением индивидов. Важна социальная среда и ее влияние на формирование идентичности и принадлежности, особенно среди уязвимых групп населения. Необходим комплексный подход к профилактике социального сиротства в Приднестровье. Рекомендуется пересмотреть существующее законодательство для более эффективного выявления неблагополучия в семьях и организации индивидуальной работы с ними. Сотрудничество между государственными структурами и некоммерческими организациями, применение социологических методов для анализа и оценки рисков, могут значительно улучшить ситуацию.

Литература

- Айзатуллина 2013 – *Айзатуллина Д.Ш.* Детская беспризорность в России как социальная проблема // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 5. С. 17–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detskaya-besprizornost-v-rossii-kak-sotsialnaya-problema> (дата обращения 9 августа 2024).
- Бобкова 2014 – *Бобкова Е.М.* Доверие как фактор целостности общества. Социологические исследования. 2014. № 10. С. 70–75.
- Вдовиченко 2023 – *Вдовиченко Л.Н.* Доверие как важный фактор социальной стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 64–72.
- Крамчанинова 2020 – *Крамчанинова Н.В.* Социальное сиротство в ракурсе социологического изучения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 4-5. С. 103–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-sirotstvo-v-rakurse-sotsiologicheskogo-izucheniya> (дата обращения 1 июня 2024).
- Доверие 2013 – Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Под ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
- Леонтьева 2023 – *Леонтьева О.В.* Политическое участие приднестровской молодежи как важный элемент формирования гражданской идентичности // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1 (73). С. 225–231.
- Логвиненко 2021 – *Логвиненко В.П.* Социальное сиротство как показатель деструктивных демографических процессов // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник: Материалы XX Национальной науч. конф. с междунар. участием. Вып. 16. Ч. 1 / Отв. ред. И.И. Герасимов. М., 2021. С. 710–712.
- Сомхишвили 2016 – *Сомхишвили К.О.* Понятие социальной солидарности в работах классиков социологической науки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2 (26). С. 120–128.

Сущко 2009 – *Сущко Н.Г.* Скрытое социальное сиротство как социально-психологический феномен // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. № 2 (13). С. 269–276.

References

- Aizatullina, D.Sh. (2013), “Child homelessness in Russia as a social issue”, *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, no. 5, pp. 17–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detskaya-besprizornost-v-rossii-kak-sotsialnaya-problema> (Accessed 9 August 2024).
- Bobkova, E.M. (2014), “Trust as factor for societal integrity”, *Sociological Studies*, no. 10, pp. 70–75.
- Kramchaninova, N.V. (2020), “Social orphanity in sociological study”, *Historical and Socio-Educational Idea*, vol. 12, no. 4-5, pp. 103–109.
- Kupreichenko, A.B. and Mersyanova, I.V. (eds.) (2013), *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [Trust and distrust in the context of civil society development] Izd. dom “NIU VShE”, Moscow, Russia.
- Leontieva, O.V. (2023), “Political participation of the Pridnestrovien youth as an important element of civil identity development”, *Bulletin of the Pridnestrovian University. Series: Humanities*, no. 1 (73), pp. 225–231.
- Logvinenko, V.P. (2021), “Social orphanhood as an indicator of destructive demographic processes”, Gerasimov, I.I. (ed.), *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: Ezhegodnik: Materialy XX Natsional'noi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. [Russia: Trends and Prospects for Development. Proceedings of the 20th National Scientific Conference with international participation], iss. 16, part 1, Moscow, Russia, pp. 710–712.
- Somkhishvili, K.O. (2016), “Social solidarity in classical sociological theory”, *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 2 (26), pp. 120–128.
- Sushko, N.G. (2009), “Hidden social orphanhood as a socio-psychological phenomenon”, *Bulletin of Pacific National University*, no. 2 (13), pp. 269–276.
- Vdovichenko, L.N. (2023), “Trust as an important factor of social stability”, *RSUH/ RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 64–72.

Информация об авторе

Кристина В. Молодец, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье; 3300, Приднестровье, Тирасполь, ул. Карла Маркса, д. 187; mir.1010@mail.ru

Information about the author

Kristina V. Molodec, Pridnestrovian Shevchenko State University, Tiraspol, Pridnestrovie; bld. 187, Karl Marx Street, Tiraspol, Pridnestrovie, 3300; mir.1010@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 2
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 10.07.2025
Выход в свет 15.07.2025
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 10,8
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2201

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru